

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ

Московский журнал международного права является профессиональной трибуной, открытой для различных точек зрения по вопросам толкования и применения норм современного международного права. Журнал нацелен на консолидацию творческих усилий юристов, представляющих российскую и зарубежную науку международного права в ее прогрессивном развитии и позитивном воздействии на международно-правовую практику. В журнале публикуются также результаты исследований национального права, в том числе иностранного, в общем контексте действия международного права.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Александр Николаевич ВЫЛЕГЖАНИН

Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Дмитрий Владимирович ИВАНОВ

(первый заместитель) кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

Бахтияр Раисович ТУЗМУХАМЕДОВ

Заслуженный юрист Российской Федерации, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник, Дипломатическая академия МИД России (Москва, Российская Федерация)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Аслан Хусейнович АБАШИДЗЕ

Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права, Российский университет дружбы народов (Москва, Российская Федерация)

Уильям БАТЛЕР

доктор права, Заслуженный профессор Школы права и международных отношений им. Джона Эдварда Фуллера, Университет штата Пенсильвания (Юниверсити-Парк, США)

Сергей Владимирович БАХИН

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Пол БЕРКМАН

профессор, Школа права и политики, Университет Тафтса (Медфорд, США)

Лариса Владиславовна ВЕРЕИНА

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

Сергей Алексеевич ЕГОРОВ

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права, Дипломатическая академия МИД России (Москва, Российская Федерация)

Анна Ивановна ИВАНЧАК

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного частного и гражданского права им. С.Н. Лебедева, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

Владимир Алексеевич КАРТАШКИН

Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора прав человека, Институт государства и права, Российская академия наук (Москва, Российская Федерация)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Анатолий Васильевич ТОРКУНОВ

Академик Российской академии наук, ректор МГИМО МИД России, доктор политических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Михаил Михайлович БИРЮКОВ

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры европейского права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

Алексей Николаевич БОРИСОВ

кандидат политических наук, заведующий кафедрой ЮНЕСКО, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

Виталий Семенович ИВАНЕНКО

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Светлана Юрьевна КОЛОСОВА

магистр права, полковник юстиции в отставке, Государственно-общественное объединение «Московский Дом ветеранов войн и Вооруженных Сил» (Москва, Российская Федерация)

Вячеслав Николаевич КУЛЕБЯКИН

кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

Александр Игоревич МУРАНОВ

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного частного и гражданского права им. С.Н. Лебедева, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

Людмила Васильевна ПАВЛОВА

кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры международного права факультета международных отношений, Белорусский государственный университет (Минск, Белоруссия)

Марат Алдангорович САРСЕМБАЕВ

доктор юридических наук, профессор, Центральная избирательная комиссия Республики Казахстан (Астана, Казахстан)

Геннадий Петрович ТОЛСТОПЯТЕНКО

доктор юридических наук, профессор, декан международно-правового факультета, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Российская Федерация)

Андрей Адамович ТРЕБКОВ

Заслуженный юрист СССР, кандидат юридических наук, председатель, Международный союз юристов (Москва, Российская Федерация)

Владимир Васильевич УСТИНОВ

Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, Полномочный представитель Президента Российской Федерации в Южном федеральном округе (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Алексей Александрович КОСТИН

кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного частного и гражданского права им. С.Н. Лебедева, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (*Москва, Российская Федерация*)

Иван Иванович КОТЛЯРОВ

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права, Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя (*Москва, Российская Федерация*)

Цзэнцзюн КУАН

профессор международного права, Китайский институт приграничных и морских исследований, Уханьский университет (*Ухань, КНР*)

Геннадий Иринархович КУРДЮКОВ

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного и европейского права, Казанский (Приволжский) федеральный университет (*Казань, Российская Федерация*)

Дмитрий Константинович ЛАБИН

доктор юридических наук, профессор кафедры международного права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (*Москва, Российская Федерация*)

Лев Александрович ЛАЗУТИН

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и европейского права, Уральский государственный юридический университет (*Екатеринбург, Российская Федерация*)

Евгений Григорьевич ЛЯХОВ

Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и международного права, Российская таможенная академия (*Москва, Российская Федерация*)

Александр Борисович МЕЗЯЕВ

доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного и международного права, Университет управления "ТИСБИ" (*Казань, Российская Федерация*)

Алексей Александрович МОИСЕЕВ

доктор юридических наук, вице-президент, Российская ассоциация международного права (*Москва, Российская Федерация*)

Юрий Эдуардович МОНАСТЫРСКИЙ

кандидат юридических наук, партнер, юридическая фирма «Монастырский, Зюба, Степанов и Партнеры» (*Москва, Российская Федерация*)

Рейн МЮЛЛЕРСОН

доктор юридических наук, профессор, президент Академии права, Таллинский университет (*Таллин, Эстония*)

Лаури МЯЛКСОО

профессор международного права, Университет г. Тарту (*Таллин, Эстония*)

Борис Иванович НЕФЁДОВ

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры международного права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (*Москва, Российская Федерация*)

Тим ПОТЬЕ

доктор права, профессор кафедры международного права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (*Москва, Российская Федерация*)

Низами Абдулла оглу САФАРОВ

доктор юридических наук, заведующий отделом административного и военного законодательства, Аппарат Милли Меджлиса (Парламента) Азербайджанской республики (*Баку, Азербайджан*)

Владислав Леонидович ТОЛСТЫХ

доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой международного права юридического факультета, Новосибирский государственный университет (*Новосибирск, Российская Федерация*)

Владимир Михайлович ШУМИЛОВ

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права, Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития России (*Москва, Российская Федерация*)

Марк Львович ЭНТИН

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой европейского права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (*Москва, Российская Федерация*)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Анна Ивановна ЕФИМОВА

Ph.D. (политические науки), доцент департамента политической науки, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (*Москва, Российская Федерация*)

Олег Николаевич ХЛЕСТОВ

Заслуженный юрист Российской Федерации, кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права, Дипломатическая академия МИД России (*Москва, Российская Федерация*)

Московский журнал международного права зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций 09.12.2000, свидетельство о регистрации: № 77-5895

ISSN (print): 0869-0049

ISSN (online): 2619-0893

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Журнал включен в РИНЦ

Подписной индекс в каталоге «Роспечать» 70893

Периодичность: 4 раза в год

Учредители: Международный союз общественных объединений юристов «Международный союз юристов»; Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

Сайт: <http://mjil.ru>

Адрес: 119454, Российская Федерация, пр. Вернадского, д. 76, ком. 146

E-mail: mjil@mgimo.ru

Тел.: +7 (495) 229-38-23

Подписано в печать 28.09.2020 г.

Тираж: 1000 экземпляров

Заказ № 868

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии

и множительной техники МГИМО МИД РФ

119454, Москва, пр. Вернадского, д. 76

Выпускающий редактор номера – Д.В. Иванов

Верстка – Д.Е. Волков

© «Московский журнал международного права», 2020

ABOUT THE JOURNAL

The Moscow Journal of International Law is a professional tribune open for various points of view on the interpretation and application of the norms of modern international law. The Journal is aimed at consolidation of creative efforts by lawyers who represent the Russian and foreign science of international law in its progressive development and positive impact on international legal practice. The journal also publishes the results of studies of national law, including foreign law, in the general context of application of international law.

EDITORIAL BOARD

EDITOR-IN-CHIEF

Alexander N. Vylegzhanin

Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the International Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

DEPUTY EDITORS-IN-CHIEF

Dmitry V. Ivanov

Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the International Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

Bakhtiyar R. Tuzmukhamedov

Cand. Sci. (Law), Leading Researcher, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

EDITORIAL BOARD MEMBERS

Aslan Kh. Abashidze

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the International Law Department, Peoples' Friendship University of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

William Butler

Doctor of Laws, the John Edward Fowler Distinguished Professor of Law, Pennsylvania State University (*University-Park, USA*)

Sergei V. Bakhin

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the International Law Department, Saint-Petersburg State University (*Saint-Petersburg, Russian Federation*)

Paul Berkman

Professor, School of Law and Politics, Tufts University (*Medford, USA*)

Larisa V. Vereina

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the International Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

Sergey A. Egorov

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor at the International Law Department, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

Anna I. Ivanchak

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor at the Private International and Civil Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

Vladimir A. Kartashkin

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Chief Researcher at the Human Rights Sector, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences (*Moscow, Russian Federation*)

EDITORIAL COUNCIL

PRESIDENT

Anatoly V. Torkunov

Doctor of Political Sciences, Professor, Rector of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Academician of the Russian Academy of Sciences (*Moscow, Russian Federation*)

MEMBERS OF THE EDITORIAL COUNCIL

Mikhail M. Biryukov

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor at the European Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

Alexey N. Borisov

Candidate of Political Sciences, Head of the UNESCO Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

Vitaly S. Ivanenko

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the International Law Department, Saint-Petersburg State University (*Saint-Petersburg, Russian Federation*)

Svetlana Yu. Kolosova

Master of Laws, Retired Lieutenant Colonel of Justice, Public and Private Partnership Moscow House of Veterans of War and Armed Forces (*Moscow, Russian Federation*)

Vyacheslav N. Kulebyakin

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor at the International Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

Alexander I. Muranov

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Private International and Civil Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

Ludmila V. Pavlova

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Professor at the International Law Department of the Faculty of International Relations, Belarusian State University (*Minsk, Belarus*)

Marat A. Sarsembaev

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Central Election Commission of the Republic of Kazakhstan (*Astana, Kazakhstan*)

Gennady P. Tolstopyatenko

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Dean of the International Law Faculty, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russian Federation*)

Andrey A. Trebikov

Candidate of Juridical Sciences, Head of the International Union of Lawyers (*Moscow, Russian Federation*)

Alexey A. Kostin

Candidate of Juridical Sciences, Professor, Head of the Private International and Civil Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia
(Moscow, Russian Federation)

Ivan I. Kotlyarov

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor at the International Law Department, Kikot Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia
(Moscow, Russian Federation)

Zengjun Kuang

Professor of International Law, China Institute of Boundary and Ocean Studies, Wuhan University (Peoples Republic of China)

Gennady I. Kurdyukov

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor at the International and European Law Department, Kazan Federal University
(Kazan, Russian Federation)

Dmitry K. Labin

Doctor of Juridical Sciences, Professor at the International Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow, Russian Federation)

Lev A. Lazutin

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the International and European Law Department, Ural State Law University
(Yekaterinburg, Russian Federation)

Eugene G. Lyakhov

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor at the Constitutional and International Law Department, Russian Customs Academy
(Moscow, Russian Federation)

Alexander B. Mezyaev

Doctor of Juridical Sciences, Head of the Department of International Law, University of Management TISBI (Kazan, Russian Federation)

Alexey A. Moiseev

Doctor of Juridical Sciences, Vice-President, Russian International Law Association (Moscow, Russian Federation)

Yuri Ed. Monastyrsky

Candidate of Juridical Sciences, Partner, Monastyrsky, Zyuba, Stepanov & Partners Law Firm (Moscow, Russian Federation)

Rein Müllerson

Doctor of Laws, Professor, President of Law School, Tallinn University
(Tallinn, Estonia)

Lauri Mälksoo

Professor of International Law, University of Tartu (Tallinn, Estonia)

Boris I. Nefyodov

Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Professor at the International Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia
(Moscow, Russian Federation)

Nizami A. oglu Safarov

Doctor of Juridical Sciences, Head of the Administrative and Military Law Department, National Assembly of the Republic of Azerbaijan
(Baku, Azerbaijan)

Tim Potier

Doctor of Laws, Professor at the International Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow, Russian Federation)

Vladislav L. Tolstykh

Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of the International Law Department, Novosibirsk State University
(Novosibirsk, Russian Federation)

Vladimir M. Shumilov

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the International Law Department, Russian Foreign Trade Academy of the Ministry for Economic Development of Russia (Moscow, Russian Federation)

Mark L. Entin

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the European Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow, Russian Federation)

ASSISTANT EDITOR**Anna I. Yefimova**

Ph.D. in Political Science, Associate Professor of the Political Science Department, National Research University Higher School of Economics
(Moscow, Russian Federation)

Vladimir V. Ustinov

Doctor of Juridical Sciences, Presidential Envoy to the Southern Federal District (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Oleg N. Khlestov

Candidate of Juridical Sciences, Professor, Professor at the International Law Department, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia
(Moscow, Russian Federation)

Moscow Journal of International Law was registered as mass media by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications on the 9th of December, 2000.

Registration certificate: № 77–5895

ISSN (print): 0869-0049

ISSN (online): 2619-0893

The Journal is on the List of leading peer-reviewed academic journals and editions where key scholarly results of Cand. Sci. and Dr. Sci. theses should be published.

The Journal has been included in the Russian Science Citation Index (RSCI).

Subscription Index: 70893

Publication Frequency: Quarterly

Founders: International Union of Lawyers; Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Web-site: <http://mjil.ru>

Address: 76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454

E-mail: mjil@mgimo.ru

Tel.: +7 (495) 229-38-23

Circulation: 1000 copies

Executive editor – Dmitry V. Ivanov

Typography – Dmitry E. Volkov

© «Moscow Journal of International Law», 2020

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА

Вылегжанин А.Н., Корчунов Н.В., Теватросян А.Р.
Арктический экономический совет:
роль в международно-правовом механизме
природоохранного управления Северным
Ледовитым океаном

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И ПОЛИТИКА

Магомедова О.С.
Концепция международно-правовой политики
в зарубежных сравнительно-правовых исследованиях

ПРАВО МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Шугуров М.В.
Право ЕАЭС в сфере науки, технологий и инноваций:
системный подход

МЕЖДУНАРОДНОЕ ВОЗДУШНОЕ ПРАВО

Баталов А.А.
Источники международного воздушного права:
актуальные вопросы теории и практики

Толстых В.Л.
Офшорная регистрация воздушных судов

МЕЖДУНАРОДНОЕ УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Мезяев А.Б.
Компенсация оправданному лицу в международном
уголовном праве

Копылова Е.А.
Amicus curiae в международном уголовном
судопроизводстве: информативная функция

РЕЦЕНЗИИ

Конonenko В.П.
Издание «Энциклопедия международного права»
в трех томах (редакционная коллегия под
председательством Ю.С. Шемшученко и В.Н. Денисова)
Институт государства и права им. В.М. Корецкого НАН
Украины – (КИЕВ: АКАДЕМПЕРИОДИКА, 2014–2019) – как
очередная ступень в развитии международного права
(аналитический обзор т. 1)

Халафян Р. М.
Правовая конвергенция как тенденция мирового
правового развития. Рецензия на монографию:
Безбородов Ю.С. «Методы и формы правовой
конвергенции в международном праве».
М.: Проспект, 2020. 240 с.

INTERNATIONAL LAW AND THE ENVIRONMENT

6 *Alexander N. Vylegzhanin, Nikolay V. Korchunov,
Angel R. Tevatrosyan*
The Role of the Arctic Economic Council in the
International Legal Framework of the Arctic Ocean
Environmental Governing

INTERNATIONAL LAW AND POLICY

27 *Olga S. Magomedova*
Concept of International Legal Policy in Foreign
Comparative Legal Studies

LAW OF INTERNATIONAL ORGANIZATIONS

44 *Mark V. Shugurov*
Law of the Eurasian Economic Union in the Field of
Science, Technology and Innovation:
a Systemic Approach

INTERNATIONAL AIR LAW

64 *Alexander A. Batalov.*
The Sources of International Air Law:
Current Issues of Theory and Practice

91 *Vladislav L. Tolstykh*
Offshore Registration of Aircraft

INTERNATIONAL CRIMINAL LAW

103 *Alexander B. Mezyaev*
Compensation to the Acquitted Person in International
Criminal Law

115 *Ekaterina A. Kopylova*
The Expertise Function of Amicus Curiae in International
Criminal Justice

REVIEWS

130 *Valerii P. Kononenko*
The publication «Encyclopedia of International Law» in
Three Volumes (an Editorial Board Chaired by
Yu.S. Shemshuchenko and V.N. Denisov) Institute of
State and Law. V.M. Koretsky NAS of Ukraine - (Kiev:
Academic Periodic, 2014-2019) - as the Next Step in the
Development of International Law (Analytical Review of
Vol. 1)

145 *Rustam M. Khalafyan*
Legal Convergence as a Trend of Global Legal
development. Review of the Monograph:
Bezborodov Yu.S. "Methods and Forms of Legal
Convergence in International Law". Moscow, Prospect,
2020. 240 p. (in Russian).

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДАDOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2020-3-6-26>

Исследовательская статья
Поступила в редакцию: 07.07.2020
Принята к публикации: 28.08.2020

Александр Николаевич ВЫЛЕГЖАНИН

Московский государственный институт международных отношений (МГИМО-Университет)
МИД России
Проспект Вернадского, д. 76, Москва, 119454, Российская Федерация
danilalvy@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4838-2525

Николай Викторович КОРЧУНОВ

Министерство иностранных дел Российской Федерации
Смоленская-Сенная пл., 32/34, Москва, 119200, Российская Федерация
nvkorchunov@mid.ru
ORCID: 0000-0001-8713-5861

Анжел Рубеновна ТЕВАТРОСЯН

Юридическая фирма «ПКФ Фактор»
Мичуринский проспект, д.16, Москва, 119192, Российская Федерация
tevatrosyan.angel@gmail.com
ORCID: 0000-0002-0644-4118

АРКТИЧЕСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СОВЕТ: РОЛЬ В МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОМ МЕХАНИЗМЕ ПРИРОДООХРАННОГО УПРАВЛЕНИЯ СЕВЕРНЫМ ЛЕДОВИТЫМ ОКЕАНОМ

ВВЕДЕНИЕ. В статье рассматриваются правовые вопросы учреждения нового форума – Арктического экономического совета – и его место в сложившемся международно-правовом механизме управления Северным Ледовитым океаном, включая его моря. На основе анализа документов, принятых форумом с начала его деятельности, исследуется статус этого нового международно-го форума, вопросы его функционирования, прежде всего в рамках созданных к настоящему времени рабочих групп. Особое внимание обращено на правовой анализ взаимодействия данного

международного органа с Арктическим советом, а также на оценку перспектив этого институционально-согласованного тандема.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Основу настоящей статьи составили результаты анализа ее авторами, в контексте обширной научно-правовой литературы о правовом режиме Северного Ледовитого океана и его морей, тех документов Арктического совета, которые имеют к теме непосредственное отношение, в т.ч. материалы Арктического экономического совета, которые представлены Старшим должностным лицам

Арктического совета. Учтены также политико-правовые исследования деятельности Арктического совета, нацеленной на устойчивое развитие экономической деятельности в регионе, а также иные материалы из электронной базы данных Арктического совета, включая пресс-релизы.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Арктический экономический совет (АкрЭС), учрежденный по инициативе Арктического совета в 2014 г., представляет собой новый международный циркумполярный бизнес-форум, целью которого обозначено содействие устойчивому развитию Арктики посредством предметного сотрудничества с теми группами предпринимателей, которые осуществляют экономическую деятельность в регионе или планируют ее осуществлять. Новая международная организация обладает потенциалом стать эффективным международно-правовым механизмом развития эколого-выверенного предпринимательства в Арктическом регионе; вместе с тем, данная организация пока еще не стала эффективной диалоговой площадкой по проблематике развития экономической деятельности в регионе.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. Хотя в принятых нормативных документах определен статус АкрЭС и обозначены его структура, направления его деятельности, тем не менее, в статье отмечено пожелание руководству и секретариату этого нового международного форума более четко ориентировать представителей бизнес-структур, связывающих свое будущее с коммерческой деятельностью в Арктике, прежде всего

на выполнение применимых к этому региону природоохранных норм международного права; а именно – на обмен с этой целью «наилучшими имеющимися технологиями», с учетом особой уязвимости арктической окружающей среды. Далее, на фоне роста масштабов судоходства и иной деятельности в арктических морях стандарты предпринимательства в Арктическом регионе, как показано в статье, могли бы быть более выверенными не только в экологическом измерении, но и в плане учета возможностей диверсификации самой экономики в Арктике. На усовершенствование качества регулирования хозяйственной деятельности в Арктике и, особенно, координированного саморегулирования на уровне хозяйствующих субъектов разных государств, может сфокусировать свои приоритетные усилия АкрЭС. В этом случае его деятельность может стать еще более востребованной.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Арктика; Арктический совет; Арктический экономический совет (АкрЭС); учреждение АкрЭС; Правила процедуры АкрЭС; Рабочая группа АкрЭС; Северный Ледовитый океан.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Вылегжанин А.Н., Корчунов Н.В., Теватросян А.Р. Арктический экономический совет: роль в международно-правовом механизме природоохранного управления Северным Ледовитым океаном. – *Московский журнал международного права*. 2020. № 3. С. 6–26. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2020-3-6-26>

INTERNATIONAL LAW AND THE ENVIRONMENT

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2020-3-6-26>

Alexander N. VYLEGZHANIN

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University)
76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454
danilalvy@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4838-2525

Nikolay V. KORCHUNOV

Ministry of Foreign Affairs of Russia
32/34, Smolenskaya-Sennaya Square, Moscow, Russian Federation, 119200

Research article
Received 07.07.2020
Approved 28.08.2020

nvkorchunov@mid.ru

ORCID: 0000-0001-8713-5861

Angel R. TEVATROSYAN

Law Firm "Factor"

16, pr. Michurinsky, Moscow, Russian Federation, 119192

tevatrosyan.angel@gmail.com

ORCID: 0000-0002-0644-4118

THE ROLE OF THE ARCTIC ECONOMIC COUNCIL IN THE INTERNATIONAL LEGAL FRAMEWORK OF THE ARCTIC OCEAN ENVIRONMENTAL GOVERNING

INTRODUCTION. *The article covers the legal aspects of the establishment of a new international forum – the Arctic Economic Council – and its role in the existing international legal framework for governing the Arctic Ocean, including the Arctic seas. The status and the functioning of the said international forum, particularly with regard to the activities within its Working Groups, have been examined based on the analysis of the documents adopted by the forum since its establishment. Special attention has been paid to the legal analysis of the coordination of the newly established forum with the Arctic Council and the prospects of such institutional cooperation.*

MATERIALS AND METHODS. *The research done by the authors on the relevant documents released by the Arctic Council, in the context of legal and scientific sources on the topic of the Arctic Ocean and its seas, as well as on the Reports of the Arctic Economic Council submitted to the Senior Officials of the Arctic Council, underlies this article. The article also takes into consideration political and legal research of the Arctic Council's work, aimed at the sustainable development of the economic activities in the region, as well as respective archive documents from the electronic database of the Arctic Council, including relevant press releases.*

RESEARCH RESULTS. *The Arctic Economic Council (AEC), established upon the initiative of the Arctic Council in 2014, is a new circumpolar business-forum, which aims at fostering the sustainable development of the Arctic region by substantive cooperation with the entrepreneurs, carrying out economic activities in the region or planning to do so. The new international organization has the potential to become an effective international legal mechanism to promote greener*

economies in the Arctic; meanwhile, the organization is yet to become a constructive platform for dialogue on fostering the economic activities in the region.

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *The AEC foundational documents determine the structure and the course of action of the organization. The article, nevertheless, suggests that the executives and the Secretary of this newly established international forum ensure that the business representatives, committed to conduct activities in the Arctic, seek to comply with the international environmental standards, applicable to the Arctic; particularly that, subject to the unique vulnerability of the Arctic environment, an exchange of best practices takes place. Moreover, in view of the increased shipping and growth of other marine activities in the region, the Arctic business standards not only need to be more environmentally oriented, but also take into account the possibility of diversifying the Arctic economy. The AEC could focus its efforts on enhancing the quality of the regional regulation of the economic activities in the Arctic, paying particular attention to the coordinated self-regulative measures of the legal entities in different countries. In this case, its activities may prove to be more relevant and effective.*

KEYWORDS: *the Arctic; the Arctic Council; the Arctic Economic Council (AEC); the establishment of the AEC; the AEC Rules of Procedure; the AEC Working Group; the Arctic Ocean.*

FOR CITATION: A. Vylegzhanin, N. Korchunov, A. Tevatrosyan. The role of the Arctic Economic Council in the International Legal Framework of the Arctic Ocean Environmental Governing . –

Moscow Journal of International Law. 2020. No. 3. 2020-3-6-26
P. 6–26. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049->

Введение.

Интерес к Арктике заметно возрастает с каждым годом по мере сокращения площади многолетнего льда в окраинных морях Северного Ледовитого океана и в его центральном (околополюсном) районе, роста масштабов арктического судоходства, иных видов экономической деятельности в этом регионе, в том числе и энергетической. Наличие в Северном Ледовитом океане анклава открытого моря, замкнутого 200-мильными исключительными экономическими зонами России, США, Канады, Дании и Норвегии, экосистемные связи между этим анклавом и арктическими морскими районами, находящимися под суверенитетом и юрисдикцией названных пяти государств – это факторы, которые добавляют значимость международного сотрудничества в целях обеспечения природоохранной безопасности, устойчивого развития эколопического арктического региона [Young, Berkman, Vylegzhanin 2020: 342-343].

Общеизвестно, что первыми международными договорами, обозначившими специфику статуса Арктики, стали двусторонние договоры Российской империи, прежде всего, русско-английская Конвенция о границах 1825 года. Но более четкое проявление региональной правовой идентичности Северного Ледовитого океана и его морей в международно-правовой литературе связывают с созданием в 1996 году Арктического совета – межправительственного форума восьми арктических государств, территория которых выходит к северу от параллели 66 градусов 33

минуты северной широты (Северного полярного круга) – это Дания, Исландия, Канада, Норвегия, Россия, Соединенные Штаты Америки, Финляндия и Швеция¹. Арктический совет (далее – АС), учрежденный в 1996 г. восемью названными государствами в качестве межгосударственного регионального «форума высокого уровня (*a high level forum*)»², в настоящее время обрел юридические атрибуты межправительственной международной организации: работает секретариат АС; государства-члены осуществляют регулярные взносы на его функционирование.

Показательно, что министры иностранных дел всех восьми арктических государств согласованно констатировали в Кирунской декларации (2013 г.) «лидерство АС в осуществлении конкретных действий по реагированию на новые вызовы и возможности (*the leadership of the Arctic Council in taking concrete action to respond to new challenges and opportunities*)» [Berkman, Vylegzhanin, Young 2019:189]. Задачи АС, заложенные в его учредительном документе – Оттавской декларации 1996 г. – не только выполняются, но становятся все более содержательными, а сама деятельность АС предметно реагирует на климатические и экономические изменения в Арктике. Достаточно напомнить об акценте АС на «экосистемное управление (*ecosystem-based management*)», с учреждением соответствующей экспертной группы АС в 2013 г.³; о принятии АС второго стратегического плана (на 2015-2025 гг.) под названием «Защищая морские и прибрежные экосистемы в меняющейся Арктике»⁴, и, особенно, о содержательной деятельности рабо-

¹ Текст Декларации об учреждении Арктического совета см. на рус. яз.: [Арктический регион... 2013:175-178]. Эта книга переведена на китайский язык и издана в 2015 г. в Китае. Систематизированные тексты правовых документов об Арктике на англ. яз. собраны и опубликованы в книге: [Berkman, Vylegzhanin, Young 2019].

² Согласно «Декларации об учреждении Арктического совета (Declaration on the Establishment of the Arctic Council)» 1996 г., «Членами (Members) Арктического совета» являются восемь государств, территория которых пересекается Северным полярным кругом: Дания (о. Гренландия), Исландия, Канада, Норвегия, Российская Федерация, Соединенные Штаты Америки (п-ов Аляска), Финляндия и Швеция. Решения АС принимаются его Членами на основе консенсуса. «Постоянными участниками (Permanent Participants)» АС являются «арктические организации коренных народов (Arctic organizations of indigenous peoples)», обозначенные согласованно Арктическим советом. В соответствии с Декларацией (ее примечанием 1), Арктический совет не вправе заниматься вопросами военной безопасности в Арктике: «The Arctic Council should not deal with matters related to military security». URL: <https://oarchive.arctic-council.org/handle/11374/85> (дата обращения: 05.09.2020).

³ An Expert Group on Ecosystem-Based Management.

⁴ Arctic Council Archive. "Protecting Marine and Coastal Ecosystems in a Changing Arctic". URL: <https://oarchive.arctic-council.org/handle/11374/1264> (дата обращения: 05.09.2020).

чих групп АС. Таким успехам АС способствует в какой-то мере и его достаточно гибкая правовая основа – Оттавская декларация 1996 г., позволяющая государствам-членам АС «приспосабливать (*adjust*)» его механизм к реально происходящим климатическим и экономическим изменениям [Young, Berkman, Vylegzhanin 2020: 346-347].

Вместе с тем, АС не обладает какой-либо «монополией» на согласование межгосударственных позиций в отношении управления Арктическим регионом: например, без участия России создан в 1971 г. и функционирует вплоть до настоящего времени такой межправительственный форум, как *Совет министров северных стран* (*the Nordic Council of Ministers*); без участия Канады и США создан в 1993 г. и работает в настоящее время *Совет Баренцева / Евроарктического региона* (*Barents Euro-Arctic Council*).

Правовая ценность и уникальность АС состоит не только в том, что это – единственный в мире межправительственный форум, в котором участвуют *все восемь арктических государств* (а неарктические государства не являются его членами), но и в том, как подчеркнуто в одной из деклараций АС, что «фундаментальную силу (*a fundamental strength*)» этому межправительственному форуму придает «уникальная роль, которую в нем играют коренные народы Арктики (*the unique role played by Arctic indigenous peoples*)» [Berkman, Vylegzhanin, Young 2019: 188].

Тем не менее, в научных изданиях обозначена и критика АС. Так, бывший сотрудник Госдепартамента США Посол Д. Болтон и сотрудник ИМЭМО РАН А. Загорский в своей работе отмечают, что «архитектура (*architecture*)» управления Северным Ледовитым океаном, реализуемого АС, «скорее всего окажется недостаточной для того, чтобы реагировать на растущие требования (*will likely prove insufficient to address the growing requirements*)» в регионе. Авторы формулируют ряд конкретных задач для АС:

а) «определить сейчас, что реально должен делать механизм Старших должностных лиц (*must now determine what this "SAO based mechanism will really do"*)»; б) как этот механизм «будет действовать (*will operate*)»; в) «сможет ли он выполнить по меньшей мере некоторые из нереализованных необходимых задач (*whether it can fulfill at least some of the unmet needs*)» [Balton, Zagorski 2020:2,7].

В порядке научной дискуссии отметим, что именно АС в рамках сложившейся системы международного сотрудничества государств в целях

природоохранной безопасности в Северном Ледовитом океане способен обеспечить механизм международного реагирования на растущее число вызовов и проблем в этом регионе, требующих консолидированных усилий государств, прежде всего арктических, в сотрудничестве с государствами – наблюдателями в АС [Страны-наблюдатели в Арктическом совете...2014].

АС сохранит свою роль наиболее авторитетного форума межгосударственного сотрудничества по актуальным вопросам экологической безопасности в Арктическом регионе, его устойчивого экономического развития, в гармонии с интересами коренных народов, иных жителей Арктики.

В 2014 году по инициативе АС был учрежден новый практико-ориентированный международный форум, представленный государственными органами, некоммерческими организациями, а также хозяйствующими субъектами, юридическими и физическими лицами – под названием «Арктический экономический совет» / «Arctic Economic Council» (далее – АркЭС).

1. Правовые вопросы учреждения АркЭС

Исходную инициативу к созданию АркЭС можно усмотреть еще в Кирунской декларации АС по итогам его Восьмой сессии. На сессии, которая прошла на уровне министров в мае 2013 года в г. Кируна (Швеция), представители восьми названных выше арктических государств (Дания, Исландия, Канада, Норвегия, Россия, Соединенные Штаты Америки, Финляндия и Швеция) совместно с представителями шести организаций – *Постоянных участников АС* – разработали декларацию, в которой признается «центральная роль бизнеса в развитии Арктики (*the central role of business in the development of the Arctic*)». В документе предложено усилить сотрудничество и взаимодействие с бизнес-сообществом с целью «продвижения устойчивого развития в Арктике (*to advance sustainable development in the Arctic*)». Отмечено значение социальной ответственности бизнеса и устойчивости его развития. В декларации констатируется, что экономическая деятельность в Арктике является неотъемлемой частью устойчивого развития народов и сообществ региона, и что целесообразно продвигать «динамичные и устойчивые экономики, а также наилучшие практики в Арктике (*dynamic and sustainable Arctic economics and best practices*)». При этом не обозначено, какая экономическая

практика является «наилучшей». По итогам сессии принято решение учредить «Целевую группу содействия созданию циркумполярного бизнес-форума (*Task Force to facilitate the creation of a circumpolar business forum*)»⁵.

Первая встреча Целевой группы прошла в июне 2013 года на уровне представителей государств – членов АС и его Постоянных участников. Было согласовано, что развивать новый международный бизнес-форум предстоит «предпринимательскому сообществу, которое осуществляет деятельность в Арктике (*the business community operating in the Arctic*)», и что между этим новым форумом и АС должен существовать «четкий связующий механизм (*a clear linkage mechanism*)», который будет выделять его из иных арктически-ориентированных форумов⁶. Напомним, речь идет, прежде всего, о таких форумах с ограниченным участием арктических государств, как Совет Баренцева / Евроарктического региона (*the Barents Euro-Arctic Council*), созданный на основе Декларации о сотрудничестве 1993 г.; а также Совет министров северных стран (*the Nordic Council of Ministers*), учрежденный на основе Хельсинского договора 1962 г. (с изменениями, внесенными Копенгагенским Соглашением 1971 г.).

На Собрании Целевой группы в Рейкьявике (Исландия) в сентябре 2013 года было отмечено что: 1) новый арктический бизнес-форум «добавит ценность работе АС (*will add value to the work of the AC*)»; 2) его деятельность должна исходить «из потребностей предпринимательского сообщества (*needs of the business community*)»; 3) предпринимательское сообщество стремится быть информированным о политическом развитии в регионе; 4) между этим бизнес-форумом и АС следует обеспечить «двусторонний поток информации (*a bidirectional flow of information*)». На Собрании были сопоставлены сведения об уже существующих на тот момент регулярно созываемых международных встречах по арктической тематике, в которых участвуют и представители бизнеса (*Arctic Business Forum*; *Arctic Circle*;

World Arctic Forum и др.). Согласовано, что в отличие от этих международных площадок предстоит создать новую международную экономическую организацию, которая «выходила бы за рамки простых обсуждений (*would be more than simply a venue for discussion*)», но деятельность которой имела бы практические последствия для Арктики. Соответственно, были предложены варианты названия будущего форума, в т.ч.: «*Circumpolar Business Council*»; «*Circumpolar Business Assembly*»⁷.

Второе заседание этой Целевой группы прошло в Санкт-Петербурге в октябре 2013 года. Участники констатировали, что недостатком существующих региональных бизнес-форумов является то, что они не обладают механизмом, связывающим их деятельность с органами государств, ответственными за экономическое развитие Арктики. Председатель Целевой группы из Канады, например, заявил, что именно присутствие такого механизма связи станет отличительной чертой нового Арктического бизнес-форума⁸.

На третьем заседании Целевой группы, которое состоялось в Хельсинки (Финляндия) в декабре 2013 года, состав участников впервые пополнился представителями наблюдателей в АС (как государств-наблюдателей, так и международных организаций). Было предложено новое название форума – «Арктический экономический совет (*Arctic Economic Council*)» и большинство участников его поддержало: слово «совет» в данном случае, по их мнению, подчеркнуло бы связь новой организации с Арктическим советом, а слово «экономический» отражает ее широкие полномочия – относительно не только судоходства, но и всякой экономической деятельности в Арктике⁹.

Примечательно, что по завершении каждого заседания Целевая группа направляла свои отчеты о проделанной работе (в форме «Основных соображений» – «*Key considerations*») Старшим должностным лицам АС. А по итогам таких заседаний был принят документ, обобщающий

⁵ Кирунская декларация по случаю Восьмой Министерской сессии Арктического совета, 15 мая 2013 года, г. Кируна, Швеция. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/ecology/-/asset_publisher/9jm0ASADm3qm/content/id/110270 (дата обращения: 05.09.2020).

⁶ Arctic Council: Task Force to facilitate the creation of a circumpolar business forum. p. 7. 2013. URL: https://oaarchive.arctic-council.org/bitstream/handle/11374/1308/TF_TFCBF_Doc01_Report_to_SAOS_December_2013_AC_SAO_CA02.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 05.09.2020).

⁷ Ibid. – p. 12.

⁸ Ibid. – p. 19.

⁹ Ibid. – p. 26.

деятельность Целевой группы – «Рекомендации по содействию созданию Арктического экономического совета (*Recommendations to Facilitate the Creation of the Arctic Economic Council*)». В качестве базовой цели учреждаемого форума указано на содействие «устойчивому экономическому росту и развитию Арктического региона (*sustainable economic growth and development in the Arctic region*)». В документе обозначаются также некоторые процедурные вопросы, касающиеся взаимодействия форума с АС, в том числе о том, что каждое государство-член АС и каждый Постоянный участник АС предоставит фамилии своих представителей в течение двух месяцев после одобрения данных рекомендаций Старшими должностными лицами АС¹⁰.

Первая встреча АркЭС прошла 2-3 сентября 2014 года в г. Икалуит (Канада). На встрече выступила с речью Председатель АС (Министр – руководитель канадского Агентства по окружающей среде и экономическому развитию Севера Канады) – Леона Аглюккак¹¹. Обсуждение на этой встрече повестки дня, в т.ч. по вопросам полномочий новой международной организации, структуры управления ею и членства, детально не освещалось¹².

2. Начальные правовые документы АркЭС

На официальном сайте АркЭС в разделе «*foundational documents*» (что часто переводится как «учредительные документы») представлены, однако, материалы, принятые не представителями государств-учредителей, а самой организацией: «Правила процедуры (*Rules of Procedure*)»; трехгодичный «Стратегический план (*Strategic Planning Document*)»; «Кодекс этики (*Code of Ethics*)»; «Политика конфиденциальности (*Privacy Policy*)»; «Меморандум о взаимопонимании между АС и АркЭС (*Memorandum of understanding between the Arctic Council and the Arctic Economic Council*)»; а также «Членские взносы и структура (*Membership Dues & Structures*)» и «Порядок вступления (*Membership Application Process*)»¹³. Какого-либо международного договора или ино-

го документа, подписанного представителями арктических государств, относительно создания АркЭС, не существует.

Из перечисленных документов приоритетного анализа заслуживает «**Меморандум о взаимопонимании между АС и АркЭС**» (далее – *Меморандум*), подписанный Руководителями Секретариатов двух организаций в апреле 2019 года. Именно этот документ предусматривает положения о юридической связи между АС и АркЭС, а наличие такой связи, как уже было отмечено, отличает АркЭС от иных международных форумов, на которых рассматриваются вопросы экономической деятельности в Арктике.

В Меморандуме 2019 года АС квалифицирован как наиболее авторитетный межправительственный форум, поощряющий сотрудничество, координацию и взаимодействие между арктическими государствами, коренными народами и иными обитателями Арктики, особенно по «вопросам, устойчивого развития и охраны окружающей среды в Арктическом регионе (*issues of sustainable development and environmental protection in the Arctic*)».

АркЭС назван «независимой организацией (*an independent organization*)», которая занимается поддержкой предпринимательства с целью «ответственного экономического развития (*responsible economic development*)» Арктического региона путем обмена «наилучшей практикой (*best practices*)», технологическими решениями, стандартами и иной информацией.

Меморандум нацеливает на сотрудничество и координацию усилий АС и АркЭС в следующих областях: устойчивое экономическое развитие; «синяя экономика и безопасность на море (*blue economy and maritime safety*)»; расширение телекоммуникационных возможностей; образование и наращивание возможностей; использование «наилучшей имеющейся информации (*best available information*)», включая результаты научных исследований, передовой опыт и традиционные знания местного населения. АС и АркЭС, как отмечено в документе, намерены поддерживать регулярный обмен информацией относи-

¹⁰ Ibid. – p. 2.

¹¹ Dali Carmichael. Iqaluit hosts first meeting of Arctic Economic Council. – Northern Journal. 2014. URL: <https://norj.ca/2014/09/iqaluit-hosts-first-meeting-of-arctic-economic-council/> (дата обращения: 06.09.2020).

¹² Arctic Portal Archive, 2014. Minister Aglukkaq has Opened the Founding Meeting of Arctic Economic Council. URL: <https://arcticportal.org/ap-library/news/1292-minister-aglukkaq-opened-the-founding-meeting-of-arctic-economic-council> (дата обращения: 06.09.2020).

¹³ AEC official website. About us. Foundational Documents. URL: <https://arcticeconomiccouncil.com/about-us/> (дата обращения: 06.09.2020).

тельно их инициатив и экспертиз, а также искать способы взаимного участия в соответствующих программах, проектах, встречах. Секретариаты АС и АркЭС должны служить координационными центрами для такого обмена, организовывая регулярные консультации для укрепления сотрудничества¹⁴.

«Правила процедуры» являются основным документом АркЭС, не только регулирующим порядок его работы, но и раскрывающим организационную структуру АркЭС и описывающим полномочия его органов. В том же документе (что, отметим, не характерно для правил процедуры международных организаций) указаны цели и задачи самой организации. Документ фиксирует также, что «АркЭС подчиняется праву Норвегии (*the AEC is an organization governed by Norwegian law*)». Какого-либо соглашения о штаб-квартире между АркЭС и Правительством Норвегии нет. В качестве «официального рабочего языка (*the official working language*)» используется только английский¹⁵.

В структуре АркЭС руководящее место занимают Собрание Представителей АркЭС, а также Исполнительный комитет (*Executive Committee*) организации и Комитет по управлению (*Governance Committee*).

Примечательно, что, основываясь на *Оттавской декларации об учреждении АС* 1996 года, в документах АркЭС к «Арктическим государствам (*Arctic States*)» отнесены «те государства, которые состояли в Арктическом совете на 30 сентября 2014 г. (*those nations that were members of the Arctic Council on September 30, 2014*)»; далее эти государства перечислены: Дания, Исландия, Канада, Норвегия, Российская Федерация, США, Финляндия и Швеция. Но есть отличия в нюансах от формулировок документов АС: в тексте «Правил процедуры» АркЭС указано, что здесь термин «государства» применяется «для обозначения географических и физических границ определенных территорий», но не предполагает, что такой «представитель осуществляет правительственные функции в АркЭС» (*the reference to States represents the geographical and physical boundary of the territory identified and not a reference to the governmental function representative of said State*). Т.е. назначенные государствами предста-

вители в АркЭС, по смыслу этого согласованного документа, не выполняют правительственные функции.

К «Постоянным участникам (*Permanent Participants*)» в документе АркЭС отнесены «те организации, которые являлись Постоянными участниками АС на 30 сентября 2014 г. (*those organizations that were Permanent Participants of the Arctic Council on September 30, 2014*)», а именно: Совет арктических атакасков, Международная ассоциация алеутов, Международный совет кучинов, Циркумполярный совет инуитов, Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации и Совет саами. «Правила процедуры», в отличие от Оттавской декларации 1996 г., вводят термин «Арктический участник (*Arctic Participant*)», который означает «Постоянного участника (*Permanent Participant*)» или «организацию АркЭС в Арктическом государстве (*the AEC organization in an Arctic State*)». Согласно документу, термин «Представители (*Representatives*)» означает тех представителей бизнес-сообщества, которые назначены Арктическими участниками для участия в работе АркЭС.

Комитет по управлению осуществляет все административные и контрольные функции АркЭС, включая внесение поправок в «Правила процедуры»; решает вопросы членства в АркЭС; устанавливает размеры взносов на финансирование АркЭС. Комитет по управлению состоит из Представителей, каждый из которых имеет по одному голосу. Очередные заседания Комитета по управлению АркЭС проводятся «по необходимости, не более двух раз в год (*up to two regularly scheduled meeting per year if needed*)».

В состав *Исполнительного комитета* входят, по меньшей мере, четыре «Представителя», Председатель АркЭС и не менее трех его заместителей (как правило, бывший и будущий Председатели АркЭС). В состав Исполнительного комитета должен входить по меньшей мере один Представитель, назначенный в АркЭС Постоянным участником. Исполнительный комитет занимается контролем за осуществлением стратегии и деятельности АркЭС, в том числе посредством учреждения дополнительных Рабочих групп, и, что важно, руководит деятельностью Секрета-

¹⁴ Memorandum of Understanding between the AC and the AEC. 2019. URL: https://arctic-council.org/images/PDF_attachments/MoU_AC_AEC_20190506.pdf (дата обращения: 07.09.2020).

¹⁵ AEC Rules of Procedure. 2016. URL: <https://arcticeconomiccouncil.com/wp-content/uploads/2019/05/AEC-Rules-of-Procedure-4.pdf> (дата обращения: 07.09.2020).

риата АркЭС. Члены Исполнительного комитета собираются на «очередных ежемесячных или на внеочередных заседаниях (*monthly meetings or special meetings*)».

Председатель Исполнительного комитета руководит деятельностью АркЭС, следит за исполнением его «рекомендаций и директив (*the resolutions and directives of the AEC*)». От имени АркЭС Председатель вправе заключать соглашения о сотрудничестве, подписывать иные документы, если решение об их исполнении принято Исполнительным комитетом. Кроме того, Председатель «возглавляет собрания Комитета по управлению, но ему предоставляется право голоса только в случае равного количества голосов (*the Chair shall preside over meetings of the Governance Committee, shall be permitted to vote on affairs of the Governance Committee only to the extent necessary to break a tie*)». Если иное не установлено Представителями, «Председатель АркЭС должен быть гражданином того арктического государства, которое председательствует в АС (*the nationality of the Chair shall mirror the Arctic State holding the chairmanship of the Arctic Council*)». Предусмотрено, вместе с тем, что Представитель от такого государства вправе отказаться занять этот пост; в таком случае Председательство на основе ротации переходит к Представителю следующему по списку Арктического государства. Срок полномочий Председателя составляет два года (как и в АС).

Секретариат АркЭС осуществляет организационно-технические функции, в том числе готовит протоколы и отчеты о деятельности Представителей и Комитета по управлению, а также отчеты АркЭС. Секретариат АркЭС расположен там же, где и Секретариат АС – в г. Тромсё, Норвегия.

Собрание Представителей – высший орган АркЭС – проводится на ежегодной основе, как правило, в мае.

Перспективы деятельности АркЭС обозначены в упомянутом выше документе – «**Стратегическом плане**», который принимается на три года, с возможностью продления. В первом «Стратегическом плане», который был принят в апреле 2016 года на **2016-2018 гг.**, обозначено пять «Сводных тематических направлений

(*Overarching Themes*)», по которым строится вся деятельность АркЭС: 1) установление стабильных рыночных связей в пределах Арктического региона в качестве «жизненно важного (*vital*)» компонента международных «производственно-стоимостных цепочек (*value chains*)»; 2) создание «стабильной и предсказуемой нормативной базы (*stable and predictable regulatory framework*)»; 3) оказание поддержки частно-государственным партнерствам, осуществляющим инвестиции в инфраструктуру; 4) содействие обмену знаниями и информацией «между производственным сектором и научным сообществом (*between industry and academia*)»; 5) освоение традиционных знаний коренных народов, арктическое «пастырство (*stewardship*)», ориентир на «малый бизнес (*small business*)»¹⁶.

Согласно второму (действующему в настоящее время) «Стратегическому плану» деятельность АркЭС на **2019-2021 гг.** должна основываться на четырех так называемых «столпах (*pillars*)»:

А) «**Экономический рост** (*Economic Growth*)». Основными целями реализации этого «столпа» являются содействие свободе торговли в Арктике, укрепление трансграничного сотрудничества, способствование ответственному инвестированию в регионе, поощрение развития инфраструктур посредством взаимодействия с частно-государственными партнерствами в Арктике;

Б) «**Глобальный АркЭС** (*Global AEC*)». Универсальность АркЭС должна стимулироваться связью с глобальными производственно-стоимостными цепочками;

В) «**Арктическое пастырство** (*Arctic Stewardship*)». Оно определено как активное взаимодействие с местными жителями, с коренными народами Арктики, ознакомление с их традиционными знаниями, развитие местного малого бизнеса при достижении целей устойчивого развития в регионе;

Г) «**Эффективная организация** (*Strong Organization*)». В рамках этого «столпа» за АркЭС закрепляется роль «голоса (*voice*)» Арктического бизнес-сообщества путем создания прочной институциональной структуры, членства и финансирования деятельности¹⁷.

¹⁶ AEC Strategic Planning Document 2016-2018. URL: https://arcticeconomiccouncil.com/wp-content/uploads/2016/11/AEC-Strategic-Plan_Nov-2016.pdf (дата обращения: 07.09.2020).

¹⁷ AEC Strategic Planning Document 2019-2021. URL: https://arcticeconomiccouncil.com/wp-content/uploads/2019/05/AEC-StrategicPlanBrochure2018_Screen.pdf (дата обращения: 07.09.2020).

«**Кодекс этики (Code of Ethics)**» АркЭС, принятый в 2018 году, устанавливает принципы: сотрудничества; устойчивости; прозрачности; компетентности; «инновационности и мира (*Innovation and Peace*)». Кодекс регламентирует и деловое поведение сотрудников организации¹⁸.

Документ «**Политика конфиденциальности (Privacy Policy)**» определяет понятие персональных данных, а также допустимые параметры их сохранения, использования, публичного раскрытия¹⁹.

Документ «**Членские взносы и структура (Membership Dues and Structures)**» описывает структуру членства в организации, но не раскрывает детально информацию о бюджете организации. Членские взносы указаны на сайте АркЭС в отдельном разделе и составляют: \$10 000 в год для «Партнеров по Арктике (*Arctic Partners*)» и \$2 500 в год для «Партнеров по вечной мерзлоте (*Permafrost Partners*)». Для «Полномочных членов (*Legacy Members*)» АркЭС взнос не указан²⁰. Согласно указанному документу структурно АркЭС представлен так:

А. «**Полномочные члены (Legacy Members)**» – это «Страны (*Countries*)» и «Организации коренных народов (*Indigenous Organizations*)». При такой формулировке, тем не менее, представители, назначенные странами, формально не являются носителями функций соответствующих государств. «Полномочные члены» представляют от каждой страны ее бизнес-сообщество, начиная от малых предприятий и предприятий, создаваемых коренными народами. Вместе с тем, в их же числе – и крупные компании, представляющие отрасли экономики: судостроительную, горнодобывающую промышленности и т.д. Арктические государства (как и Постоянные участники АС) вправе назначить до трех Представителей в АркЭС, которые вместе и составляют группу «Полномочных членов». Максимально в АркЭС могут действовать 42 Представителя с правом голоса (по 3 Представителя от Арктической «восьмерки» и от шести Организаций коренных народов).

Б. «**Партнеры по Арктике (Arctic Partners)**». Они не обладают правом голоса, но им предоставляется право участвовать в обсуждениях по всем вопросам, связанным с деятельностью АркЭС, как заинтересованным лицам, взаимодействовать с Полномочными членами в целях развития экономики и предпринимательства в Арктике.

В. «**Партнеры по вечной мерзлоте (Permafrost Partners)**». Они, как и «Партнеры по Арктике», также не обладают правом голоса, но участвуют в обсуждении вопросов повестки дня. Их отличием от «Партнеров по Арктике» является то, что штаб-квартиры первых обязательно должны находиться на территории какого-либо из Арктических государств, а их штат должен составлять не более 15 сотрудников²¹.

В соответствии с документом, озаглавленным «**Порядок вступления (Membership Application Process)**», для вступления в члены АркЭС требуется подать соответствующее заявление в Секретариат организации (на электронный адрес). Заявление рассматривается Секретариатом и Исполнительным комитетом (*Executive Committee*), а затем представляется в Комитет по управлению (*Governance Committee*) для окончательного одобрения. Новые члены АркЭС участвуют на ежегодных собраниях Представителей, а также заседаниях Исполнительного комитета и Комитета по управлению. Членство оформляется сроком на 12 месяцев²².

По данным на сентябрь 2020 года в АркЭС участвуют **Представители**, назначенные из таких государств, как: Канада, Финляндия, Исландия, Дания, Норвегия, Россия, Швеция и США.

По состоянию на этот же период в АркЭС в качестве **Полномочных членов** представлены: Международная ассоциация алеутов; Совет арктических атабасков; Циркумполярный совет инуитов и Российская ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока.

В АркЭС участвуют также восемь «**Партнеров по Арктике**», представляющих следующие

¹⁸ AEC Code of Ethics. 2020. URL: <https://arcticeconomiccouncil.com/wp-content/uploads/2020/02/code-of-ethics.pdf> (дата обращения: 07.09.2020).

¹⁹ AEC Privacy Policy. URL: <https://arcticeconomiccouncil.com/wp-content/uploads/2018/06/Privacy-Policy.pdf> (дата обращения: 07.09.2020).

²⁰ AEC official website. Join the AEC. URL: <https://arcticeconomiccouncil.com/join-the-aec/> (дата обращения: 07.09.2020).

²¹ AEC Membership Dues and Classes. 2017. URL: <https://arcticeconomiccouncil.com/wp-content/uploads/2017/11/AEC-Membership-Dues-Structure/Nov-2017-Official.pdf> (дата обращения: 08.09.2020).

²² AEC Membership Application Process. 2016. URL: https://arcticeconomiccouncil.com/wp-content/uploads/2016/11/AEC-Membership-App_Nov-2016.pdf (дата обращения: 08.09.2020).

организации, занимающиеся в основном морскими перевозками: 1) Guggenheim Partners Investment Management, LLC (Вашингтон, округ Колумбия, США); 2) Union of Greekshipowners (Греция); 3) NANA Regional Corporation (Аляска, США); 4) HENSOLDT Sensors GmbH (Германия); 5) Korea Shipowners' Association (Южная Корея); 6) Arctic Slope Regional Corporation (Аляска, США); 7) Equinor (Норвегия); 8) Ukreagvik Iñupiat Corporation (Аляска, США).

Как можно заметить, в числе «Партнеров по Арктике» на обозначенный период нет российских организаций, хотя среди таких «партнеров» есть компании, зарегистрированные в неарктических государствах.

В качестве «Партнеров по вечной мерзлоте» в работе АркЭС принимают участие лишь 3 компании: «Nunavut Fisheries Association» (Канада); «Maine North Atlantic Development Office» (США); «PolArctic» (США). Основной бизнес-интерес первых двух представленных компаний – рыболовство и торговля. Третья компания занимается океанографическими исследованиями и разработкой геопространственных технологий²³.

3. Рабочие группы АркЭС

Содержательная деятельность АркЭС осуществляется в рамках Рабочих групп. С момента создания АркЭС создано несколько таких групп по направлениям.

Рабочая группа по телекоммуникационной инфраструктуре (Telecommunications Infrastructure Working Group) была учреждена в 2016 году и уже завершила свою деятельность. Перед Рабочей группой была поставлена цель: разработать разумную (с точки зрения предпринимателей) транснациональную стратегию по созданию «широкополосной сети (Broadband)» в Арктическом регионе, которая оказывала бы влияние на принятие государственными органами решений в сфере телекоммуникаций. Рабочая группа завершила свою работу, представив Отчет «О создании широкополосной сети

в Арктике (Arctic Broadband Report)» в январе 2017 года. В отчете охарактеризованы основные препятствия созданию широкополосной сети в Арктике и обозначены пути преодоления таких препятствий. Например, предлагаются варианты финансирования (в том числе частный и частно-государственный формат финансирования); рассматриваются достоинства и недостатки потенциально применимых технологий (оптоволоконно, подвижная и стационарная беспроводная связь, спутниковая связь и т.д.), а также обозначенных экономических проектов в этой сфере; формулируются рекомендации относительно разработки таких проектов²⁴.

Рабочая группа по традиционному знанию, пастырству, развитию малого и среднего бизнеса (Working Group on Traditional Knowledge, Stewardship, Small/Medium Business Development) также завершила свою деятельность. Особое внимание Рабочей группой уделялось использованию в современной практике традиционных знаний коренных народов. Группа была уполномочена предложить такое правовое регулирование, которое подчеркивало бы принцип «доброго делового партнерства (being good business partners)» в отношении коренных народов, местных жителей.

Результатом деятельности Рабочей группы должна была стать публикация рекомендаций по поводу надлежащего сотрудничества с коренными жителями и местными общинами в отношении их традиционных знаний, развития малых и средних предприятий. Также должны были быть разработаны «принципы и стандарты (guidelines and principles)» «надлежащего пастырства» (Good Stewardship)²⁵. В 2018 году, однако, по решению Комитета по управлению, Рабочая группа завершила деятельность без предоставления отчета. Отдельные аспекты такой деятельности продолжают разрабатываться в других действующих рабочих группах²⁶.

К настоящему времени под руководством АркЭС осуществляют деятельность шесть его Рабочих групп: 1) «Коммуникации (Connectivity)»;

²³ AEC official website. Members. URL: <https://arcticeconomiccouncil.com/members/#tab-role-22> (дата обращения: 08.09.2020).

²⁴ AEC Working Group on Telecommunications Infrastructure: «Arctic Broadband» Report. 2017. URL: https://arcticeconomiccouncil.com/wp-content/uploads/2017/02/AEC-Report_FinalLR.pdf (дата обращения: 08.09.2020).

²⁵ AEC Working Group on Traditional Knowledge, Stewardship and Small/Medium Business Development: Terms of Reference. 2016. URL: <https://arcticeconomiccouncil.com/wp-content/uploads/2016/10/Terms-of-Reference-TK-Working-Group1.pdf> (дата обращения: 08.09.2020).

²⁶ AEC Working Group on Stewardship: Fact Sheet. 2018. URL: <https://arcticeconomiccouncil.com/wp-content/uploads/2018/03/Working-groups-AS.pdf> (дата обращения: 08.09.2020).

- 2) «Морские перевозки (Maritime Transportation)»;
- 3) «Ответственная разработка природных ресурсов (Responsible Resource Development)»;
- 4) «Инвестиции и инфраструктура (Investments & Infrastructure)»;
- 5) «Энергетика (Energy)»;
- 6) «Синяя экономика (Blue Economy)».

Рабочая группа по коммуникациям продолжила в более широком плане деятельность охарактеризованной выше Рабочей группы по телекоммуникационной инфраструктуре, завершившей свою работу в 2017 г. Ее представители были приглашены в качестве экспертов «Целевой группы АС по развитию коммуникаций (Task Force on Improved Connectivity)», что уже обозначало совместную деятельность АркЭС с АС в этом специальном вопросе.

Согласно документу «Полномочия Рабочей группы АркЭС по коммуникациям (AEC Connectivity Working Group: Mandate)» стационарные и мобильные коммуникации жизненно необходимы для поддержания здоровья, безопасности и жизнеспособности населения Арктики, а также для развития экономики региона. Широкополосная сеть коммуникаций (Broadband) позволит распространить, как отмечено в документах АркЭС, различные услуги, в том числе образовательные, медицинские, в дистанционном формате, а также предоставит дополнительные возможности для социально-экономического развития коренных народов и местных жителей Арктики, если будут преодолены некоторые трудности (прежде всего, недостаточно развитая инфраструктура в регионе).

В целом Рабочая группа по коммуникациям занимается поиском практических решений в деле усовершенствования коммуникаций. В качестве долгосрочной задачи документ АркЭС выделяет улучшение межсекторального экономического сотрудничества путем создания необходимых механизмов обмена данными между предпринимательскими и академическими кругами, государственными органами и различными социальными группами²⁷. Развитие коммуникационных связей в Арктике стало темой обсуждения на трех «коммуникационных саммитах» («Top of the World Arctic Broadband»), ко-

торые были проведены АркЭС на Аляске, в Финляндии и в Японии.

В 2019 году Рабочая группа выделила пять «столпов» преодоления трудностей при развитии коммуникаций в Арктике:

1) «Инвестиции (Investment)». Отмечено, что необходимо разработать такое пан-Арктическое решение, при котором провайдеры, применяя «лучшие технологии» в своей работе, будут учитывать все возможные факторы местного значения, в том числе: особенности реализации права собственности в регионе; получение соответствующих разрешений; демографические условия; территориальные характеристики;

2) «Арктические центры обработки данных (Arctic Data centers)». Приполярное географическое расположение, доступность возобновляемых источников энергии, отсутствие высоких температур в течение всего года, по мнению группы, являются «благоприятными условиями» для создания и функционирования центров обработки данных;

3) «Инвестиции, меняющие правила (Game Changing Investments)». Отмечена необходимость для членов АркЭС участвовать в сложных проектах по многофункциональным инфраструктурам, с ориентацией на наименьшие расходы;

4) «Благоустройство, конкуренция и экономические возможности (Improvement, Competitiveness and Economic Opportunity)». Как отмечено в документе, малочисленность населения возможно «компенсировать» предметным сотрудничеством между бизнес-сегментами, органами власти, академическими кругами и социальными группами;

5) «Модели коммуникационных отраслей (Communication Industry Models)». Для развития коммуникаций Арктики не подойдут существующие в промышленности модели, необходим комплексный, «мозаичный» подход²⁸.

На пленарном заседании АркЭС по вопросу развития коммуникаций в Арктике в 2019 году в качестве основной цели был представлен проект «Arctic Connect». Его реализация предполагает создание и функционирование центров проводки кабелей для передачи данных²⁹.

²⁷ AEC Working Group on Connectivity: Mandate. 2018. URL: <https://arcticeconomiccouncil.com/wp-content/uploads/2018/11/Connectivity-WG-Mandate-FINAL.pdf> (дата обращения: 04.09.2020).

²⁸ AEC Working Group on Connectivity: Fact Sheet. 2018. URL: <https://arcticeconomiccouncil.com/wp-content/uploads/2018/03/Working-group-Connectivity.pdf> (дата обращения: 04.09.2020).

²⁹ AEC Archive, 2019. Plenary on Connecting the Arctic: Data Cables as a Game Changer at Arctic Circle. URL: <https://arcticeconomiccouncil.com/aec-plenary-on-connecting-the-arctic-data-cables-as-a-game-changer-at-arctic-circle/> (дата обращения: 04.09.2020).

Рабочая группа по морским перевозкам начала свою деятельность в 2015 году. В ее состав вошли представители операторов судов, действовавших в Арктическом регионе, а также представители ассоциаций судовладельцев, предприятий коренных народов и академических кругов. В качестве целей своей деятельности Рабочая группа обозначила: а) установление «сильных рыночных связей (*strong market connections*)»; б) поддержка частно-государственных партнерств для инфраструктурного обеспечения судоходства в Арктике; в) создание стабильного и предсказуемого нормативного регулирования морских перевозок в регионе; г) содействие обмену знаний между предпринимательскими и академическими кругами; д) акцент на учет знаний коренных народов Севера и интересов малого бизнеса. В принятом Группой документе «Рабочий план (*Work Plan*)» предусмотрен сбор информации о всех национальных и международных правилах мореплавания в Арктике; ее анализ и разработка «возможной гармонизации транспортных схем (*possible transport scheme harmonization*)». В качестве начального комментария отметим, что можно прогнозировать критику в науке деятельности именно этой Рабочей группы АркЭС, с учетом того, что арктическое мореплавание находится в фокусе внимания и АС, и Международной морской организации (далее – ИМО). Соответственно, критики могут резонно поставить вопрос: а какой смысл бизнесменам «собирать информацию обо всех национальных и международных правилах мореплавания, а потом ее «анализировать»? Ведь такой анализ в рамках ИМО или АС (т.е. на межправительственном уровне) будет явно более профессиональным.

Вместе с тем, позитивным ответом будет, видимо, то, что дискуссии в рамках АркЭС могут способствовать более предметному учету интересов предпринимателей арктического региона при выработке проектов правовых документов, вовлечению их хозяйственного, управленческого опыта в нормотворческую деятельность ИМО и АС. Например, документ АркЭС предусматривает оценку состояния гидрографического и картографического обеспечения плавания в ар-

ктических водах (а оно, как известно, находится не в самом лучшем состоянии), что несомненно может быть учтено многими руководителями судоходных компаний по этим специальным вопросам, в конкретных управленческих решениях на правительственном и межправительственном уровнях.

Еще одной целью Рабочая группа обозначает создание «системы безопасной навигации с установленными путями (*regular safe navigation system with traffic lanes*)». Соответственно, в документе АркЭС перед членами Рабочей группы ставится задача выполнить сравнительный анализ, например, соответствующих двусторонних соглашений, в т.ч. по заливу Святого Лаврентия (Канада, США)³⁰.

В 2019 году Рабочая группа подготовила Отчет «О состоянии морских перевозок в Арктике (*The State of Maritime Transportation in the Arctic Report*)». В нем поддерживаются усилия крупных классификационных обществ, работающих над гармонизацией правил определения ледовых классов судов, с учетом того, что используемые в арктических государствах соответствующие параметры различны. Ожидается, как сказано в документах АркЭС, что государства «постепенно (*gradually*)» станут применять те правила, которые указаны в Полярном кодексе. Отметим, в этой связи, что часть А Полярного кодекса – это суть поправки к Конвенциям СОЛАС и МАРПОЛ, которые обязательны к применению, причем не «постепенно», а в соответствии с конвенционными нормами.

В Отчете, в целях развития береговой инфраструктуры для морских перевозок, отмечена, в частности, целесообразность укрепления сотрудничества в формате частно-государственных партнерств³¹.

Согласно документу «Сфера компетенции Рабочей группы по ответственной разработке природных ресурсов (*AEC Working Group on Responsible Resource Development: Terms of Reference*)» развитие такой «ответственной» разработки ресурсов может способствовать экономическому росту в регионе, принести пользу местным, региональным, национальным общинам, проживающим в Арктике, международно-

³⁰ AEC Working Group on Maritime Transportation: Work Plan. 2017. URL: <https://arcticeconomiccouncil.com/wp-content/uploads/2017/09/MTWG-Work-Plan.pdf> (дата обращения: 03.09.2020).

³¹ AEC Working Group on Maritime Transportation: «The State of Maritime transportation in the Arctic» Report. 2019. URL: <https://arcticeconomiccouncil.com/wp-content/uploads/2019/05/AEC-Maritime-Transportation-WG-report.pdf> (дата обращения: 04.09.2020).

му сообществу в целом. Деятельность Рабочей группы должна быть направлена на обеспечение местному населению «преференциальных прав» на владение предприятиями в целях развития.

Согласно этому документу Арктика провозглашается «открытой для ведения предпринимательской деятельности (*the Arctic is open for business*)», а в задачи АркЭС входит привлечение инвестиций для рациональной разработки природных ресурсов на основе «ответственности, устойчивости и сотрудничества (*in a responsible, sustainable and cooperative manner*)». В документе также отмечается необходимость обеспечения безопасности окружающей среды, создания устойчивых платформ для бизнеса, принятия «общих стандартов (*common standards*)» разработки природных ресурсов во всех государствах Арктической «восьмерки»³².

В 2019 году Рабочая группа подготовила Отчет «Разработка полезных ископаемых в Арктике (*Mineral Development in the Arctic Report*)». В соответствии с этим документом, успешное развитие добычи полезных ископаемых в Арктике зависит от следующих базовых факторов: 1) «человеческий капитал (*human capacity*)»; 2) «созданная инфраструктура (*built infrastructure*)»; 3) «база регулирования и система выдачи разрешений (*regulatory and permitting*)»; 4) «обмен данными и доступность (*data sharing and accessibility*)»; 5) «экономическая жизнеспособность (*economic viability*)». По каждому из этих базовых факторов в Отчете представлены рекомендации³³.

Рабочая группа по инвестициям и инфраструктуре занимается разработкой «руководящих начал (*guidelines*)» с целью ответственного инвестирования в Арктическом регионе. Рабочая группа констатировала, в частности, что «Арктический регион не является регионом с ограниченными экономическими возможностями (*Arctic is not a region with limited economic*

opportunity)»³⁴, тем самым подтверждая оценки, данные ранее в документе «Арктический инвестиционный протокол для содействия инвестициям в устойчивое развитие Арктики» в 2015 г. [Vauraste 2017]

Рабочая группа по энергетике была создана в конце 2018 года. Ее деятельность состоит в аккумулировании информации о будущих мировых энергетических потребностях, «возможностях и препятствиях использования энергетических ресурсов Арктики (*the opportunities and challenges associated with the use of Arctic energy resources*)». Деятельность этой Рабочей группы проходит совместно с Рабочей группой АС по устойчивому развитию энергетики. Между данными группами АС и АркЭС происходит обмен данными, а также результатами исследований передовых практик в области энергетики³⁵.

Рабочая группа АркЭС намерена обеспечить «объективный (*balanced*)» анализ экспертных мнений о сценариях развития энергетики. И опять-таки, можно прогнозировать критику: а могут ли предприниматели профессионально дать «анализ» экспертных мнений? Ведь любое арктическое государство, в целом АС организует работу экспертов как правило на профессиональной и, часто, конкурентной основе. Очень сложно предположить, что назначенный профильным Министерством Норвегии или России эксперт в области геологии месторождений даст менее точное заключение, чем собственник судходоходной, нефтяной или рыболовной компании, представленный в АркЭС. То же можно сказать и об амбициозных планах Рабочей группы составить «карту энергетических ресурсов (*energy resource map*)», «местоположений залежей углеводородов» в Арктике, а «результаты таких исследований», как указано в документе, передать в информационный центр «Arctic Portal» и на такой основе создать электронную версию такой карты³⁶.

³² AEC Working Group on Responsible Resources Development: Terms of Reference. 2016. URL: <https://arcticeconomiccouncil.com/wp-content/uploads/2016/10/RRD-WG-Terms-of-Reference.pdf> (дата обращения: 03.09.2020).

³³ AEC Working Group on Responsible Resources Development: "Mineral Development in the Arctic" Report. 2019. URL: <https://documentcloud.adobe.com/link/track/?pageNum=4&uri=urn%3Aaaid%3Aascds%3AUS%3Aa7e72236-1943-4c29-a892-1ba0ab16788f> (дата обращения: 03.09.2020).

³⁴ AEC Working Group on Investments & Infrastructure: Fact Sheet. 2019. URL: <https://documentcloud.adobe.com/link/track/?pageNum=2&uri=urn%3Aaaid%3Aascds%3AUS%3A4ec66b1c-6ada-4e88-9520-b4cb2b9d23a4> (дата обращения: 04.09.2020).

³⁵ AEC Working Group on Energy: Fact Sheet. 2019. URL: <https://documentcloud.adobe.com/link/track/?pageNum=1&uri=urn%3Aaaid%3Aascds%3AUS%3A635a6c42-019d-46c0-8233-492dfbff5985> (дата обращения: 04.09.2020).

³⁶ AEC Working Group on Energy: Mandate. 2018. URL: <https://arcticeconomiccouncil.com/wp-content/uploads/2018/11/Energy-WG-Mandate.pdf> (дата обращения: 04.09.2020).

Рабочая группа по «синей» экономике (*Blue Economy*) создана в 2019 году. Ее цель – содействие «пан-Арктическому альянсу океанических кластеров (*a pan-Arctic alliance of ocean clusters*)» в эффективном применении знаний, экспертных заключений и механизмов финансирования на всей территории региона с тем, чтобы ускорить экономический рост при сохранении устойчивого развития, «в гармонии» с мерами охраны окружающей среды. Рабочая группа намерена консультироваться с представителями «Арктических инновационных сетей в сфере «синего» бизнеса (*Arctic Blue Business Innovation Networks*)». В рамках консультаций будут обсуждаться успешные модели ведения бизнеса и «передовые практики (*best practices*)» в этой сфере. По итогам исследований Рабочая группа планирует разработать «Программу «синей» экономики (*Blue Economy Blueprint*)» для Арктики в качестве практического руководства потенциальным инвесторам. Данная Рабочая группа планирует также представить наиболее перспективные природоохранные экономические проекты, подготовить и распространить соответствующий каталог для потенциальных инвесторов³⁷.

4. Является ли АркЭС межправительственной организацией?

В международно-правовой науке, отечественной и иностранной, нет существенных разногласий относительно тех признаков, которые свойственны международной межправительственной организации (напомним, что она, в отличие от неправительственной международной организации, является субъектом международного права). Обобщив мнения по этому вопросу таких глубоких отечественных исследователей международного права, как Л.Н. Галенская, Э.С. Кривчикова, Г.В. Игнатенко, Д.Б. Левин, С.А. Малинин, Г.И. Морозов, Е.Т. Усенко, Д.И. Фельдман, профессор Шибаева Е.А. обозначает следующие элементы, составляющие понятие такого субъекта международного права как межправительственная («межгосударственная») международная организация: а) она создается на основе международного договора государствами; б) ее документально зафиксированные цели соответствуют международному праву; в) она

имеет обозначенную организационную структуру, в т.ч. постоянно действующий орган (органы); г) она имеет самостоятельные права, отличные от прав государств-членов [Шибаева 1986:24-26].

Из этих же критериев отнесения конкретно (созданного государствами) международного органа к самостоятельному субъекту международного права – к межправительственной организации – исходят и современные зарубежные правоведы. Так, в 8-м издании монографии профессора Я. Броунли о принципах международного права, подготовленном профессором Дж. Крауфордом, акцент сделан на обладание международной организацией качества субъекта международного права «благодаря ее договорно-правовой основе, межгосударственному характеру и деятельности (*by virtue of its treaty-based, interstate character and activity*)» [Crawford 2012:167]. Такой же подход к обозначению статуса международного органа как межправительственной организации отражен в 8-м издании популярного англоязычного учебника по международному праву М. Шау, по мнению которого международные организации «создаются государствами посредством оформленного решения, как оно закреплено в их учредительных документах (*are created by states by formal decision as laid down in their constituent instruments*)». Они «составляют многосторонние договоры (*constitute multilateral treaties*)» и «в качестве таковых подпадают под действие права международных договоров (*and as such fall within the framework of the international law of treaties*)» [Shaw 2017:995-996]. Оба эти именитые представители англоязычных доктрин международного права ссылаются при этом на документы Комиссии международного права ООН и на решения Международного Суда ООН, в которых именно наличие международного договора как учредительной основы международной организации рассматривается как приоритетный и главный признак ее квалификации как межправительственной организации, обладающей «международной правосубъектностью (*international legal personality*)» [Crawford 2012:166-170].

В свете этих юридических критериев, обозначенных в отечественных и зарубежных международно-правовых доктринах, понятно, что АркЭС, не имеющий международного договора

³⁷ AEC Working Group on Blue Economy: Mandate. 2019. URL: <https://arcticeconomiccouncil.com/wp-content/uploads/2019/08/BEWG-Mandate.pdf> (дата обращения: 04.09.2020).

³⁸ Об этом международно-правовом исследовании см.: [Vylegzhanin, Potier 2017:7-18].

в качестве его учредительной основы, не может быть квалифицирован в настоящее время в качестве межправительственной организации и субъекта международного права. Вместе с тем, такая формально юридическая квалификация АркЭС не снижает высокой оценки его динамично начатой деятельности. Созданный по инициативе АС этот международный орган нацелен на полезный вклад в обеспечение природоохранной безопасности в Арктическом регионе, на совершенствование международно-правового регулирования экономической деятельности в регионе, прежде всего, при непосредственном международном обмене представителями бизнеса наилучшими практиками и технологиями.

5. Перспективы развития АркЭС

В документах АркЭС перспективы его развития рассматриваются, прежде всего, в контексте формальных итогов деятельности уже созданных Рабочих групп, а также возможного учреждения новых. Первый «Стратегический план», например, предусматривал возможность учреждения, по мере необходимости, Рабочих групп по «туризму (*Tourism*)», «авиации (*Aviation*)», «рыболовству и иным морским ресурсам (*Fishing & Other Marine Resources*)»³⁹. Шесть Рабочих групп продолжают свою деятельность, в 2020-2021 гг. от некоторых из них следует ожидать отчетов, включающих соответствующие рекомендации, что может быть, несомненно, полезно.

В будущем представляется вероятным потенциальное расширение членского состава АркЭС, рост числа задействованных в его работе партнеров.

Несколько настораживает тесное сотрудничество АркЭС с ЕС: последнее, напомним, издало несколько неоднозначных в политико-правовом плане материалов по оценке статуса Арктики и правового режима конкретных ее районов, не всегда соответствующих согласованной позиции арктических государств; в таком контексте неудивительно, что в течение десятилетий ЕС не смогло получить статус постоянного наблюдателя в АС. То, что ЕС изначально стал играть актив-

ную роль в АркЭС, впрочем, можно рассматривать и как «процессуальную отдушину»: теперь у ЕС появляется процедурная возможность «заваливать» АркЭС (а не АС) сотнями материалов, «ваемых» многочисленной бюрократией Брюсселя [Вылегжанин, Шаповалов 2013: 191-203]. С другой стороны, основной интерес ЕС к АркЭС объективирован в таких областях, как экология, инфраструктура, инновации, туризм, причем с опорой на отношения арктических государств-членов ЕС. В таком формате интерес ЕС к АркЭС позитивно проявляется и в отношении инвестиционных проектов, в которые вовлечено хотя бы одно арктическое государство-член ЕС.

Так, Европейский инвестиционный фонд проводит программу «*COSME (Programme for the Competitiveness of Small and Medium-Sized Enterprises)*», которая нацелена на стимулирование конкуренции и стабильности европейских компаний. В нее вовлечены компании Дании, Финляндии, Исландии, Норвегии и Швеции. Бюджет программы на период 2014-2020 гг. составляет 2,3 млрд евро⁴⁰.

Европейская Комиссия совместно с Европейским инвестиционным банком и банком Merkur Andelskasse финансируют программу «*EaSI (The Employment and Social Innovation)*». Данная программа призвана поддерживать высокий уровень качества и стабильности на рынке труда, при обеспечении, вместе с тем, социальных гарантий. В программе участвуют компании Дании, Финляндии, Швеции⁴¹.

Группа Европейского инвестиционного банка продвигает программу «*ESFI (European Fund for Strategic Investments)*», напрямую финансируя конкретные экономически перспективные проекты в области малого и среднего бизнеса. На осуществление проекта из средств бюджета ЕС выделено 26 млрд евро⁴². Согласно инвестиционному плану к 2020 году программа должна была привлечь до 500 млрд евро, однако на июль 2020 года план удалось перевыполнить, достигнув отметки в 524,4 млрд евро⁴³.

Крупным инвестиционным проектом ЕС является «*Horizon 2020*», по результатам которого планируется введение системы поддержки кон-

³⁹ AEC Strategic Planning Document 2016-2018. URL: https://arcticeconomiccouncil.com/wp-content/uploads/2016/11/AEC-Strategic-Plan_Nov-2016.pdf (дата обращения: 07.09.2020).

⁴⁰ European Commission. COSME. URL: <https://ec.europa.eu/easme/en/cosme-0> (дата обращения: 03.09.2020).

⁴¹ European Commission. EaSI. URL: <https://ec.europa.eu/social/main.jsp?catId=1081> (дата обращения: 03.09.2020).

⁴² European Investment Bank. EFSI. URL: <https://www.eib.org/en/efsi/what-is-efsi/index.htm> (дата обращения: 03.09.2020).

⁴³ European Commission. EFSI. URL: https://ec.europa.eu/commission/strategy/priorities-2019-2024/jobs-growth-and-investment/investment-plan-europe/investment-plan-results_en (дата обращения: 02.09.2020).

курентоспособности европейских акторов на мировом рынке в сфере исследований, инноваций и технологий. Проект развивает три приоритета 1) «Высокая наука (*Excellent science*)», 2) «Промышленное лидерство (*Industrial leadership*)» и 3) «Социальные вызовы (*Societal challenges*)». На реализацию проекта с 2014 г. по 2020 г. выделено 80 млрд евро, из арктической «восьмерки» задействованы Дания, Исландия, Финляндия, Швеция, Норвегия⁴⁴.

Примечательно, однако, что некоторые из этих инвестиционных инициатив ЕС в Арктике – для избранных; ЕС не представляет их на рассмотрение АркЭС, хотя это было бы, видимо, логичным.

Отдельно надо отметить перспективы совместной инвестиционной программы «*Kolarctic CBC 2014-2020*», которую осуществляет ЕС в сотрудничестве с некоторыми арктическими государствами, в т.ч. с Российской Федерацией. Программа нацелена на продвижение «жизненно важной экономики и привлекательности региона (*a viable economy and the attractiveness of the region*)», главным образом для малого и среднего бизнеса. Бюджет программы составляет 63,4 млрд евро, программа распространяется на территории Финляндии, Швеции, Норвегии и России⁴⁵.

Такой же положительной оценки АркЭС заслуживает программа «*Interreg V-A Botnia-Atlantica* (Sweden-Finland-Norway)» Европейского банка регионального развития, при государственном со-инвестировании со стороны Швеции, Финляндии и Норвегии. В программе особое внимание уделяется развитию инноваций, причем в контексте сохранения морской среды в Арктике. Программа предусматривает создание долгосрочных устойчивых информационных центров; расширение применения инновационных эколого-экономических решений; укрепление потенциала трансграничного делового сотрудничества; устойчивое использование природного и культурного наследия; «повышенную готовность к реагированию на экологиче-

ские вызовы в морских, прибрежных и горных районах (*increased readiness for handling environmental challenges in marine, coastal and mountain areas*)»; развитие «устойчивых транспортных связей в направлении восток-запад (*sustainable transportation links in east-west direction*)». Программа располагает бюджетом в 36 млн евро и рассчитана на период с 2014 г. по 2020 г.⁴⁶

6. Государства-наблюдатели в Арктическом совете: отношение к АркЭС

Китай пока не принимает непосредственное участие в АркЭС, но представители с китайской стороны вступают в диалог с АркЭС на международных мероприятиях. В 2018 году представители из Китая выступили в роли докладчиков на нескольких сессиях конференции «Arctic Circle» (Исландия). Одна из сессий была посвящена роли Китая в будущем Арктики («*China and the Future of the Arctic – Belt and Road*»). На том же форуме, помимо представителя из Китайской Народной Республики – Генерального директора китайского Института полярных исследований, Янга Хуигена, с докладом выступил Тери Ваурасте, занимавший на тот момент пост Председателя АркЭС⁴⁷.

Вопросы, касающиеся инвестирования в развитие Арктического региона затрагиваются на ежегодном китайском форуме «China International Import Expo»⁴⁸, который собирает сотни участников со всего мира, в том числе представителей АркЭС. На форуме, помимо прочего, обсуждаются перспективы развития инфраструктур для так называемого «Полярного шелкового пути» [Киенко 2017: 18-30].

Развитие морских транспортных путей представляется наиболее перспективным направлением для будущего сотрудничества АркЭС и Китая. АркЭС видит в таком сотрудничестве потенциал больших инвестиций, а Китай – возможность существенного увеличения объема морских перевозок. В научной литературе в этой связи напоминает, что по данным на 2020 год

⁴⁴ European Commission. Horizon 2020. URL: <https://ec.europa.eu/programmes/horizon2020/en/what-horizon-2020> (дата обращения: 03.09.2020).

⁴⁵ Kolarctic CBC 2014-2020. URL: <https://kolarctic.info/kolartc-2014-2020/> (дата обращения: 02.09.2020).

⁴⁶ Interreg V-A Botnia Atlantica (Sweden-Finland-Norway). URL: <https://www.botnia-atlantica.eu/frontpage/> (дата обращения: 02.09.2020).

⁴⁷ Arctic Circle. Programme 2018. URL: <http://www.arcticcircle.org/Media/2018-arctic-circle-assembly-program.pdf> (дата обращения: 02.09.2020).

⁴⁸ China International Import Expo. Schedule 2019. URL: <https://www.ciie.org/zbh/en/activities/Agenda/20190325/15228.html> (дата обращения: 02.09.2020).

Китай уже располагает двумя ледоколами и планирует строительство третьего, при этом все они ориентированы на использование в Арктике, а не в Антарктике. [Goldstein 2020]

Компании **Японии** и их представители также официально не входят в состав участников АркЭС, однако это государство часто предоставляет площадку для проведения мероприятий, организованных АркЭС. 8 февраля 2018 года в г. Токио был проведен «Рабочий семинар по вопросам управления в Арктике»⁴⁹, в котором Тэро Ваурасте, Председатель АркЭС в то время, выступил с речью от имени организации, представив свое видение путей экономического развития Арктического региона, выделив особо потенциал «ответственного инвестирования (*responsible investments*)». Кроме того, в Японии неоднократно проводились «Международные Саммиты широкополосной связи (*Top of the World Arctic Broadband*)», в том числе в г. Саппоро, префектура Хоккайдо⁵⁰.

В декабре 2018 года в г. Кобе был проведен «Международный симпозиум Исследовательского центра полярного сотрудничества (*Polar Cooperation Research Centre International Symposium*)»⁵¹. В качестве темы была обозначена «Роль международного права в устойчивом развитии арктических ресурсов: интеграция экономической, социальной, экологической и научной сфер». В симпозиуме приняли участие и представители АркЭС⁵², хотя вряд ли АркЭС можно считать компетентным в вопросах международного права.

Отмеченный рост заинтересованности со стороны Японии в контактах с АркЭС позволяет предположить, что в будущем в него могут вступить и японские компании.

Южная Корея стала первым неарктическим государством, юридические лица которого приняли участие в АркЭС: в качестве «Партнера по Арктике» в форуме участвует «Корейская ассоциация судовладельцев (*Korea Shipowners' Association*)».

В Ассоциацию (по данным на 2020 год) входит более 150 судоходных компаний⁵³. Несмотря на то, что рабочим языком АркЭС в документах обозначен только английский, наиболее важные материалы этого экономического форума, в т.ч. отчеты, переводятся в Южной Корее также на корейский язык. На таком фоне логично, что в ноябре 2017 года в Сеуле был проведен семинар для укрепления сотрудничества между Южной Кореей и АркЭС. Мероприятие было проведено по инициативе АркЭС и Министерства иностранных дел Республики Корея. В семинаре участвовали представители власти, предпринимательских и академических кругов Кореи, а также представители Рабочих групп АркЭС (по морским перевозкам и по коммуникациям). Главными темами обсуждения были: перевозки по Севморпути; освоение природных ресурсов Арктики; инфраструктурные проекты⁵⁴.

Южнокорейская сторона видит основные перспективы в развитии СМП для целей товарооборота. В корейских источниках, комментирующих арктическую политику Ю. Кореи, подчеркивается, что путешествие из порта Пусан (Ю. Корея) до порта Роттердам (Нидерланды) через Суэцкий канал занимает 24 дня при длине маршрута 20 100 км, а через Севморпуть расстояние сократится до 12 700 км, при сроке плавания до 14 дней. Отмечается также, что участие в АркЭС позволит Южной Корее получить доступ к соответствующей международной информации и откроет легитимные возможности сотрудничества с предпринимательскими и академическими кругами арктических государств [Dongmin Jin 2017:86].

Заключение.

АркЭС, учрежденный в 2014 году по инициативе АС, при ведущей роли представителей арктических государств и Постоянных участников АС, является новой международной платформой

⁴⁹ AEC Archive, 2018. AEC joins Arctic discussions in Canada and Japan. URL: <https://arcticeconomiccouncil.com/arctic-economic-council-joins-arctic-discussions-canada-japan/> (дата обращения: 01.09.2020).

⁵⁰ AEC Archive, 2018. Promotion of the AEC in Tokyo. URL: <https://arcticeconomiccouncil.com/promotion-of-the-aec-in-tokyo/> (дата обращения: 01.09.2020).

⁵¹ AEC Archive, 2018. The 4th PCRC International Symposium to be held in Japan. URL: <https://arcticeconomiccouncil.com/the-4th-pcrc-intl-symposium-to-be-held-in-japan/> (дата обращения: 01.09.2020).

⁵² PCRC Archive, 2018. The 4th PCRC International Symposium. 17, 18 December 2018. Summary. URL: http://www.research.kobe-u.ac.jp/gsics-pcrc/research_events.html#4thsympo (дата обращения: 01.09.2020).

⁵³ Korea Shipowners' Association official website. Membership. URL: <http://www.shipowners.or.kr/eng/about/member.php> (дата обращения: 01.09.2020).

⁵⁴ AEC Archive, 2017. Seminar: Fostering Cooperation between Korea and the AEC. URL: <https://arcticeconomiccouncil.com/events/seminar-fostering-cooperation-korea-aec/> (дата обращения: 01.09.2020).

сотрудничества, открытой для всех заинтересованных хозяйствующих субъектов, в т.ч. неарктических государств, при их нацеленности на консолидацию усилий по более эффективному экономическому развитию Арктики, в гармонии с применимыми нормами международного права, прежде всего об охране окружающей среды.

Любая новая международная структура в Арктике – с учетом необходимости дополнительного финансирования из бюджета арктических государств или небюджетных средств (их юридических лиц) – вызывает, как правило, разные оценки. Создание АркЭС объясняется возрастающим интересом бизнеса к перспективам экономического использования пространств и природных ресурсов Арктики, прежде всего, к использованию арктических недр, развитию транспортного потенциала региона и его инфраструктурному развитию. Не имея статуса межправительственной организации, АркЭС рассматривает вопросы, связанные с выстраиванием действенного экономического сотрудничества в Арктике с точки зрения представителей бизнеса, причем во взаимоприемлемом, трансграничном контексте, в рамках применимого международного права, с учетом разных законодательных норм, действующих в тех или иных арктических государствах. Такой формат позволяет отнести переговоры в рамках АркЭС к числу необходимых инструментов «неформальной арктической дипломатии (*informal Arctic diplomacy*)», содействующих «дипломатии формальной (*formal Arctic diplomacy*)» [Wilson Rowe: 2018]. Решение большинства вопросов, имеющих региональное измерение, представляется возможным обеспечить, в первую очередь, путем сотрудничества арктических государств между собой, в том числе на площадке АС.

Существует точка зрения, что проекты АркЭС сводятся к «изучению» нормативно-правовых документов, а некоторые – дублируют то, что уже делается в рамках ИМО или в самом АС. Однако необходимо иметь в виду, что в АркЭС – это прежде всего площадка для просвещения хозяйствующих субъектов, которые вносят или только намереваются внести реальный вклад в экономическое развитие Арктического региона, а также для обсуждения между такими акторами существующих правовых норм о регулировании такой экономической деятельности. Кроме того, в результате обсуждений АркЭС как

международный форум предоставляет участникам возможность сформировать новые подходы, согласовать потенциальные меры, которые могут быть реализованы в будущем – будь то на внутринациональном уровне, или в рамках АркЭС или на других международных площадках (в том числе в АС и ИМО).

Помимо этого, представители АркЭС нередко участвуют в международных мероприятиях вне АС, иницируемых неарктическими государствами, что является важным показателем просветительской роли форума, предоставляя неполярным партнерам возможность выявить для себя перспективность будущего взаимовыгодного сотрудничества, в контексте устойчивого экономического развития Арктического региона.

Одновременно уже сегодня просматриваются концептуальные рекомендации к дальнейшему совершенствованию деятельности АркЭС: более четкое обозначение направлений его деятельности; предупреждение дублирования в АркЭС той работы, которая уже ведется в АС, в ИМО, в иных межправительственных организациях с участием арктических государств; мобилизация представителей бизнес-структур, занятых в коммерческой деятельности в Арктике, на выполнение природоохранных норм международного права, прежде всего, принятых на региональном и двустороннем уровне арктическими государствами. С учетом особой уязвимости окружающей среды в Северном Ледовитом океане и его морях, а также на арктическом побережье, роста масштабов судоходства и иной деятельности в арктических морях, стандарты предпринимательства в Арктическом регионе могли бы быть более тщательно выверенными в экологическом измерении, а сама экономическая деятельность здесь могла бы реализовываться только на основе международно-правового принципа предосторожности. На практический учет такого рода рекомендаций могли бы сосредоточить свою приоритетную деятельность члены и иные акторы АркЭС, особенно в нынешний период работы. В этом случае деятельность АркЭС может стать еще более востребованной, результативной, усиливающей созданную государствами-членами АС систему управления природоохранным и экономическим комплексом Арктического региона.

Список литературы

1. *Арктический регион: проблемы международного сотрудничества*. 2013. Том 3. Применимые правовые источники. Гл. ред. И.С. Иванов. М.: Аспект Пресс. 663 с.
2. Выегжанин А.Н., Салыгин В.И., Дудыкина И.П., Киенко Е.В. 2018. Позиции неарктических государств в отношении правового режима Северного Ледовитого океана. – *Государство и право*. № 10. С. 124-135. DOI: 10.31857/S013207690002080-0.
3. Выегжанин А.Н., Шаповалов Б.П. 2013. Правовые основы арктической политики Европейского союза. – *Московский журнал международного права*. №1. С. 191-203.
4. Киенко Е.В. 2017. Международно-правовая характеристика Арктической политики Китая. – *Московский журнал международного права*. № 3. С. 18-30. DOI: 10.24833/0869-0049-2017-3-18-30.
5. *Страны-наблюдатели в Арктическом совете: позиция и мотивы деятельности*. 2014. М.: АНО «Центр стратегических оценок и прогнозов». 101 с.
6. Шибаева Е.А. 1986. *Право международных организаций: Вопросы теории*. М.: Международные отношения. 160 с.
7. Balton D., Zagorski A. 2020. *Implementing Marine Management in the Arctic Ocean*. RIAC. 25 p.
8. Berkman P., Vylegzhanin A.N., Young O. 2019. *Baseline of Russian Arctic Laws*. Springer. P. 152-154.
9. Crawford J. 2012. *Brownlie's Principles of Public International Law*. 8th Edition. Oxford University Press. 803 p. DOI: 10.1093/he/9780198737445.001.0001.
10. Dongmin Jin, Won-sang Seo, Sseokwoo Lee. 2017. Arctic Policy of the Republic of Korea. – *Ocean and Coastal Law Journal*. Vol. 22. No. 1. P. 85-96.
11. Goldstein L.J. 2020. China is building nuclear icebreakers to seek out a "Polar Silk Road". – *The National Interest*. URL: <https://nationalinterest.org/blog/buzz/china-building-nuclear-icebreakers-look-out-polar-silk-road-132417> (дата обращения: 01.09.2020).
12. Shaw M.N. 2017. *International Law*. 8th Edition. Cambridge University Press. 1033 p. DOI: 10.1017/9781316979815.
13. Vauraste T. 2017. An investment model for the Arctic. – *The Wilson Quarterly*. URL: <https://www.wilsonquarterly.com/quarterly/into-the-arctic/an-investment-model-for-the-arctic/> (accessed 04.09.2020).
14. Vylegzhanin A.N., Potier T. 2017. Shaw's Interpretation of International Law: Theoretical Reflections. – *Moscow Journal of International Law*. № 4. P. 7-18. DOI: 10.24833/0869-0049-2017-4-7-18.
15. Wilson Rowe E. 2018. *Arctic Governance: Power in Cross-Border Cooperation*. Manchester University Press. 164 p. DOI: 10.7765/9781526131645.
16. Young O., Berkman P., Vylegzhanin A.N. 2020. *Informed Decision-making for the Sustainability of Ecopolitical Regions / Governing Arctic Seas: Regional Lessons from the Bering Strait and Barents Sea*. Springer Nature Switzerland AG. P. 341-353. DOI: 10.1007/978-3-030-25674-6_15.
17. I.S. Ivanov [Arctic Region: problems of international cooperation. Vol. 3. Applicable legal sources. Ed. by I.S. Ivanov]. Moscow: Aspekt Press Publ. 2013. 663 p. (in Russ.)
18. Balton D., Zagorski A. *Implementing Marine Management in the Arctic Ocean*. RIAC. 2020. 25 p.
19. Berkman P., Vylegzhanin A.N., Young O. *Baseline of Russian Arctic Laws*. Springer. 2019. P. 152-154.
20. Crawford J. *Brownlie's Principles of Public International Law*. 8th Edition. Oxford University Press. 2012. 803 p. DOI: 10.1093/he/9780198737445.001.0001.
21. Dongmin Jin, Won-sang Seo, Sseokwoo Lee. Arctic Policy of the Republic of Korea. – *Ocean and Coastal Law Journal*. 2017. Vol. 22. No. 1. P. 85-96.
22. Goldstein L.J. China is building nuclear icebreakers to seek out a "Polar Silk Road". – *The National Interest*. 2020. URL: <https://nationalinterest.org/blog/buzz/china-building-nuclear-icebreakers-look-out-polar-silk-road-132417> (accessed: 01.09.2020).
23. Kienko E.V. Mezhdunarodno-pravovaya kharakteristika arkticheskoi politiki Kitaya [International Legal Framework of the Arctic Policy of the People's Republic of China]. – *Moscow Journal of International Law*. 2017. No. 3. P. 18-30. (in Russ.) DOI: 10.24833/0869-0049-2017-3-18-30.
24. Shaw M.N. *International Law*. 8th Edition. Cambridge University Press. 2017. 1033 p. DOI: 10.1017/9781316979815.
25. Shibaeva E.A. Pravo mezhdunarodnykh organizatsii: Voprosy teorii. [Law of International Organizations]. – Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. 1986. 160 p. (in Russ.).
26. Strany-nablyudateli v Arkticheskom sovete: pozitsiya i motivy deyatel'nosti [Observer-States in the Arctic Council: Positions and Incentives]. – Moscow: ANO "Tsentr strategicheskikh otsenok i prognozov". 2014. 101 p. (in Russ.).
27. Vauraste T. An investment model for the Arctic. – *The Wilson Quarterly*. Summer/Fall 2017. URL: <https://www.wilsonquarterly.com/quarterly/into-the-arctic/an-investment-model-for-the-arctic/> (accessed 04.09.2020).
28. Vylegzhanin A.N., Potier T. Shaw's Interpretation of International Law: Theoretical Reflections. – *Moscow Journal of International Law*. 2017. No. 4. P. 7-18. DOI: 10.24833/0869-0049-2017-4-7-18.
29. Vylegzhanin A.N., Salygin V.I., Dudykina I.P., Kienko E.V. Pozitsii nearkticheskikh gosudarstv v otnoshenii pravovogo rezhima Severnogo Ledovitogo okeana [Positions of the Non-Arctic States on the Legal Regime of the Arctic Ocean]. – *State and Law*. 2018. No. 10. P. 124-135. (in Russ.) DOI: 10.31857/S013207690002080-0.
30. Vylegzhanin A.N., Shapovalov B.P. Pravovye osnovy arkticheskoi politiki Evropeiskogo soyuza [Legal Basis for the EU Arctic Policy]. – *Moscow Journal of International Law*. 2013. No. 1 (89). P. 191-202. (in Russ.)
31. Wilson Rowe E. *Arctic Governance: Power in Cross-Border Cooperation*. Manchester University Press. 2018. 164 p. DOI: 10.7765/9781526131645.
32. Young O., Berkman P., Vylegzhanin A.N. *Informed Decision-making for the Sustainability of Ecopolitical Regions / Governing Arctic Seas: Regional Lessons from the Bering Strait and Barents Sea*. Springer Nature Switzerland AG. 2020. P. 341-353. DOI: 10.1007/978-3-030-25674-6_15.

References

1. *Arkticheskii region: problemy mezhdunarodnogo sotrudnichestva*. Tom 3. *Primenimye pravovye istochniki*. Gl. red.

Информация об авторах

Александр Николаевич Вылегжанин,
доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России

119454, Российская Федерация, Москва, проспект Вернадского, д. 76

danilalvy@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4833-2525

Корчунов Николай Викторович,
посол по особым поручениям МИД России, старшее должностное лицо Арктического совета от Российской Федерации, МИД России

119200, Российская Федерация, Москва, Смоленская-Сенная пл., 32/34

nvkorchunov@mid.ru
ORCID: 0000-0001-8713-5861

Теватросян Анжел Рубеновна,
юрист, юридическая фирма ООО «ПКФ Фактор»

119192, Российская Федерация, Москва, Мичуринский проспект, д. 16

tevatrosyan.angel@gmail.com
ORCID: 0000-0002-0644-4118

About the Authors

Alexander N. Vylegzhanin,
Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of International Law

Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia

76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454

danilalvy@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4833-2525

Nikolay V. Korchunov,
Ambassador at Large for the Arctic Cooperation at the Ministry of Foreign Affairs (MFA) of Russia, Senior Arctic Official of the Russian Federation to the Arctic Council

32/34 Smolenskaya-Sennaya Square, Moscow, Russian Federation, 119200

nvkorchunov@mid.ru
ORCID: 0000-0001-8713-5861

Angel R. Tevatrosyan
Lawyer, Law Firm "Factor"

16, pr. Michurinsky, Moscow, Russian Federation, 119192

tevatrosyan.angel@gmail.com
ORCID: 0000-0002-0644-4118

INTERNATIONAL LAW AND POLICY

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2020-3-27-43>Research article
Received 27.02.2020
Approved 25.08.2020**Olga S. MAGOMEDOVA**Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia
76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454
olga.magomedova.96@mail.ru
ORCID: 0000-0003-0593-3101

CONCEPT OF INTERNATIONAL LEGAL POLICY IN FOREIGN COMPARATIVE LEGAL STUDIES

INTRODUCTION. *International legal policy is a new object in international legal studies, although this phenomenon exists as long as the external relations of States. International legal policy is a rare case of research subject, which remains unexplored. International legal policy as a Concept of State's policy towards legal aspects of international relations was formed in the 80-s of last century. Earlier the questions and their particular aspects now embraced by international legal policy were divided between international lawyers and international relations researchers. However international legal policy is an integral system of State's approaches to international legal matters, therefore its punctual research is relevant only from comparative point of view. It would be interesting to compare States' positions on concrete issues or States' tactics at different stages of realization of international legal norms. This article concerns the question whether comparative studies of international legal policy can be integrated into existing fields of comparative foreign relations law or of comparative research of international law.*

MATERIALS AND METHODS. *The article surveys theoretic questions primarily on the base of doctrinal sources. The retrospective analysis of the comparative method in international law is based on works published by Russian and foreign experts during the XX century. Particular attention is drawn upon works of founders of comparative research in international legal studies. The concept of foreign relations law in the scholarship and practice of the U.S. is researched on the base of national case law, which for-*

mulated the principle of executive exceptionalism in State foreign policy. Research work is realized with the use of analysis, synthesis, systematisation, as well as methods of historical and comparative method.

RESEARCH RESULTS. *The Article consistently reveals meaning and the content of international legal policy as one of the authors of the concept, French lawyer and diplomat G. de Lacharrière, presented it. The Article examines the history of foreign relations law in the U.S. and presents its doctrinal estimations from viewpoint of American constitutional law. The research work specifies different points of view on content of foreign relations law and approaches to its justification. Indeed international legal policy and foreign relations law can be compared as two types of State's approach to its legal position on the international scene. There are six parameters for comparison: sources, functions, subjects of both concepts, questions on allocation of foreign powers in the State, on relationship between international and national law, on the role of national courts in interpretation and application of international norms. In consideration of "national interest" concept the attribution of international legal policy to international organisations or supranational association is judged as incorrect. The article examines the question of applicability of comparative method in the international law within the discourse among scholars on how differently modern States evaluate international legal norms. Analysis of the tendency to contrasting States' approaches to the international law encompasses its development from notions "international law of transitional period",*

“international legal systems”, to notions “national approach”, “legal style”, “legal culture”. Brief survey of comparative international law gives perspective on diversity of approaches to comparable aspects of the international law. Comparative studies of international legal policy could get consolidated among them.

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. At first sight the comparative method is hardly applicable to the international law. However the universality of the international law doesn't exclude variety of approaches to it. The research into international legal policy determined by national interests of every State allows to systemize positions of a State into a single strategy. At the same time comparative method doesn't only provide classical comparison of States' positions by issues, but also offers to compare inner-workings of the international legal policy and shaping factors. Nowadays in the context of trends on diversification of international relations (fragmentation, regionalisation), growing popularity of the comparative method translated into comparative foreign relations law and

comparative international law. However international legal policy doesn't correspond with categorial apparatus of comparative foreign relations law. International legal policy is nor able to apply methodological tenets of comparative international law due to its multivalued content. Most likely comparative studies of international legal policy can become a new approach within comparative international law, which should be based on the principles of concreteness and consistency.

KEYWORDS: international legal policy, foreign relations law, comparative international law, comparative method, national interests, national approaches to international law, contemporary legal studies.

FOR CITATION: Magomedova O.S. Concept of International Legal Policy in Foreign Comparative Legal Studies. – *Moscow Journal of International Law*. 2020. No. 3. P. 27–43. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2020-3-27-43>

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И ПОЛИТИКА

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2020-3-27-43>

Ольга Сергеевна МАГОМЕДОВА

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России
Проспект Вернадского, д. 76, Москва, 119454, Российская Федерация
olga.magomedova.96@mail.ru
ORCID: 0000-0003-0593-3101

Исследовательская статья
Поступила в редакцию: 27.02.2020
Принята к публикации: 25.08.2020

КОНЦЕПЦИЯ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ В ЗАРУБЕЖНЫХ СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

ВВЕДЕНИЕ. Концепция международно-правовой политики стала разрабатываться в международно-правовых исследованиях относительно недавно, хотя сам феномен международно-право-

вой политики государства существует столько же, сколько само государство в его отношениях с внешним миром. Международно-правовая политика как политика государства в отношении

правовых аспектов его международных отношений была концептуально оформлена только в 80-е гг. XX века. Прежде круг ее вопросов или их аспекты разделялись между юристами-международниками и исследователями международных отношений. Однако международно-правовая политика - это цельная система подходов государства к вопросам международного права. Большой интерес представляет сравнение позиций государств по конкретным вопросам или сравнение тактики государств на отдельных этапах реализации международно-правовых норм. Данная статья посвящена вопросу о том, можно ли интегрировать сравнительные исследования международно-правовой политики государств в рамки уже существующих сравнительно-правовых исследований подходов государств к международному праву (проект так называемого сравнительного международного права) и сравнительно-правовых исследований нормативного оформления межгосударственных отношений (проект сравнительного права внешних сношений).

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. В статье рассматриваются теоретические вопросы преимущественно на основе доктринальных источников. Для ретроспективного анализа сравнительного метода в международном праве используются работы, опубликованные на протяжении XX в. отечественными и зарубежными правоведами. Уделяется внимание основоположникам компаративистской практики в международно-правовых исследованиях. Поскольку проект сравнительного права внешних сношений был разработан американскими правоведами на основе национальной правовой доктрины и практики, в исследовании также используются материалы национальной судебной практики 30-40-х гг., в которой был сформулирован принцип исключительности полномочий исполнительной власти во внешней политике страны. В исследовании применялись методы анализа, синтеза, систематизации, а также историко-правовой и сравнительно-правовой методы.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. В статье проводится краткий обзор идей концепции международно-правовой политики государства, с учетом того, что одним из первых авторов такой концепции считается французский юрист и дипломат Ги де Лаишаррьер. Рассматривается история становления права внешних сношений в США и её доктринальная оценка с точки зрения конституционных основ в государстве. Обозна-

чаются различные точки зрения на содержание и подходы к обоснованию права внешних сношений. Проводится сравнительный анализ концепции международно-правовой политики государств и понятия права внешних сношений, как двух подходов к оценке государством своей правовой позиции на международной арене. Различия являются по шести параметрам: источники, функции, субъекты двух концепций, внимание к распределению внешнеполитических полномочий в государстве, вопрос о соотношении международного права и национального права, значение национальных судов в толковании и применении международно-правовых норм. На основе отсылки к понятию "национального интереса" констатируется некорректность приписывания международно-правовой политики международным организациям и надгосударственным образованиям. В работе отражается развитие тенденции к противопоставлению подходов государств к международному праву, начиная с понятий "международного права переходного периода", "международно-правовых систем" и обращаясь к понятиям "национального подхода к международному праву", "правового стиля", "правовой культуры". Краткое исследование формирует представление о разнообразии подходов к сравнимым аспектам международного права, среди которых могут утвердиться и сравнительные исследования международно-правовой политики государств.

ВЫВОДЫ И ОБСУЖДЕНИЕ. На первый взгляд сравнительный метод малоприменим к международному праву. Однако универсальность международного права не исключает расхождений в подходах к нему. Если исследование международно-правовой политики, определяемой национальными интересами каждого государства позволяет систематизировать позиции государства в единую стратегию, то сравнительный метод допускает как классическое тематическое сравнение взглядов государств, так и открывает возможности сравнить внутренние закономерности международно-правовой политики и определяющие её факторы. Тенденция к исследованию международно-правовых вопросов с точки зрения проблем макро-социальной идентичности государств выразилась в растущей популярности сравнительных международно-правовых исследований (проект сравнительного международного права), и выдвигении проекта сравнительного права внешних сношений (под руководством американского правоведа К.А. Бредли). Для разработки концепции международно-правовой политики

государства не применимы методологические установки проекта сравнительного права внешних сношений. Но при этом сходство основных тезисов концепции и проекта сравнительного международного права подсказывает, что дальнейшие разработки концепции могут стать новым направлением проекта.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: международно-правовая политика, право внешних сношений, сравнительное международное право, сравнительный метод,

национальные интересы, национальные подходы к международному праву, современные правовые исследования.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Магомедова О.С. 2020. Концепция международно-правовой политики в зарубежных сравнительно-правовых исследованиях. – *Московский журнал международного права*. № 3. С. 27–43. DOI: <https://doi.org/10.24833/869-0049-2020-3-27-43>

Introduction

Since international law is an integral legal system that regulates relations within the international community, for a long time the application of the comparative method in international legal researches seemed inappropriate. Indeed, it was assumed that States are guided by the same principles and norms. All the while, studies of States' controversies in the settlement of some matters show that States interpret the content of international legal norms differently, understand their applicability to particular situations also in different ways, and participate in the coordinated development of norms with different motivations. Such discrepancies are usually considered within the analysis of concrete problems, but within the framework of the concept of international legal policy of State (thereafter – ILP concept), these disagreements are not treated as special cases of diverging opinions among sovereigns, but as natural manifestations of differences in international policies in general. In Russian literature on International Law the ILP concept is considered first and foremost as evaluating “legitimate possibilities for a state to defend its national interests through making proper choice between different International Law sources and particular rules and interpretations of relevant rules and also by creation of special expertise” [Vylegzhanin, Dudykina 2016:36]. In this context relevant international documents on politi-

cal involvement in International Law are scrutinized in the context of the term “les politiques juridiques extérieures”.

At the same time, the ILP concept offers a systematic approach to the analysis not only of various international legal positions of States; since the concept is interdisciplinary, its development stands out in the international legal research and foreign legal scholarship has gradually developed the research field of “comparative international law” [Comparative International Law 2018; Roberts, Stephan 2015:467-474], based on the idea of national approach, which also underlies the ILP concept. The project¹ of “comparative international law” rationalizes the use of the comparative method in international legal research, without denying the fundamental theses about the integrity of this legal system. In addition to that, some legal scholars draw attention to the project of “comparative foreign relations law” (in development of which both legal scholars and international lawyers from different countries are involved)², which won the support of the Carnegie Foundation for elaboration at the Duke Law School. This field of research focuses more on the institutional organization and normative design of States' policies on international legal issues, and generally goes for comparative studies of national legal systems. The question arises whether the study of the ILP concept which is based on legal methodology can be attributed to one of the new comparative legal research projects³.

¹ For the purposes of the present research paper the term ‘project’ should be understood as synonymous to ‘research field’.

² Presentation of the Oxford Handbook of Comparative Foreign Relations Law. URL: <https://web.law.duke.edu/cicl/oxford-handbook-comparative-foreign-relations-law/> (accessed 15.08.2020).

³ By familiarization with the ILP concept it can be seen that the concept is mostly focused on national differences, which cause to discord among States and at the same time drive them to development of international law through the continuing coordination of wills. Naturally the case studies of national ILPs imply application of comparative method. The question, which has inspired this article is “Should the ILP concept be developed independently or it can be elaborated within emerg-

The present article makes an attempt to work out this issue.

1. Concept of international legal policy

1.1. Brief introduction into the concept

The relationship between national policy and international law is one of the most challenging questions in international legal theory. How national foreign policy of States and the international law can affect each other? Which of them determinates the other? French lawyer Guy de Lacharrière supposed, that the most plausible relationship between them is 'politique à l'égard du droit' (policy towards international law), which translates into the concept of "politique juridique extérieure". The term literally means "external legal policy", however in non-francophone scholarship the term is translated as "international legal policy" or "politics of international law". In French as in Russian the term "politique" (rus: *politika*) is equally applicable to what is embraced by the term "politics" (with the meaning of "statecraft") and by the term "policy" (synonymous to "strategy" or "plan of action"). The collocation "politics of international law" is more common in foreign international legal studies [Koskenniemi 1990:4-32; Koskenniemi 2009:7-19; Koskenniemi 2019:17-52; The Politics of... 2004; Koskenniemi 2011]. Nevertheless the "international legal policy" would be closer to the meaning assigned by prof. Lacharrière. In his work of 1983 the concept of "politique juridique extérieure" is formulated by analogy with foreign military, economic, cultural policies. Once the 'politique juridique extérieure' means the way how the State can handle various issues of "legal aspects of international relations", its better english equivalent is 'international legal policy' (thereafter – ILP).

At the appearance the idea of G. de Lacharrière was surprising. It's common to think that the State's policy is always directed at the questions fully covered by the State's power. For instance, the State has the rights to choose its economic system, to regulate activities of foreign investors or transnational corporations. It's obvious as it's a matter of nation-

al jurisdiction. At once the same goes for foreign policy, as the State has equally the right to engage in any form of economic cooperation, to associate with international organizations, to participate in international decision-making process⁴. In other words States are free to determine the content of issues which they will have to handle in their policies. However in regards of the international law the extent of State's power is limited. The content of rules regulating international relations of all States was gradually shaped by interstate consents and practice on the basis of essential principles. Hence the State has only to meet and respect existing international legal rules. G. de Lacharrière contrives to use this collision for justification of the ILP concept. To his point of view, the international legal policy is most pronounced at tentative of States for modification of the international law [Lacharrière 1983:6]. It should be explained by the contrast with the national law. As the State creates itself its national law and politics, there can be no contradictions between them. In case of international legal policy the State's policy is directed at the independent object. That can lead to discrepancies. For this very reason the State strives to refine the content of international legal rules with its own interpretations and suggestions about new rules. Within the ILP concept, such refining endeavours cannot be spontaneous, as all positions and actions of State present integral elements of its consistent systemic policy⁵ of positioning itself in different issues of international law.

1.2. The scope of ILP concept

The international legal policy is expected to embrace the standpoints on the sources of the international law, including approaches to the use of general and special rules and attitude to legal gaps or ambiguity of rules; the conduct towards interrelated operations of interpretation and application, including recognition or reject of the legal force of rules, ways of suitable interpretation, evaluation of the international judgements and the general attitude to the international justice. Clearly every State determines its own content of its policy and sets its own objec-

ing research fields also based on the comparative method?" Consequently the present work does not pretend to encompass fundamental theoretic issues, or to review matters profoundly elaborated by Russian and foreign legal scholars. The objective of the article is to determine whether the development way of the author's specific concept lines up with trending projects initiated by foreign scholars over the last ten years.

⁴ Charter of Economic Rights and Duties of States. GA Resolution 3281(XXIX), UN GAOR, 29th Sess., Supp. No. 31 (1974) 50. Art. 1, 2, 10.

⁵ The ILP is considered as systemic, though it does not prevents it from dynamism. As far as the ILP gets realized in the system of international relations, the ILP should be responsive and sensitive to the system-related changes. The system-like character of interstate interactions is elaborated in works of Je.A. Pozdnjakov and G.I. Tunkin [Pozdnjakov 1976; Tunkin 1975:56-76].

tives governed by national interests [Lacharrière 1983:13]. However the introduction of “national interests” into the evaluation of relationship between States’ foreign policy and international law can undermine the authority of the latter. G. de Lacharrière made a point: “Qui relativise le droit le désacralise. Si le droit devient l’objet de stratégies, les règles en vigueur ne correspondent plus qu’à une stratégie qui a réussi»⁶ [Lacharrière 1983:10]. The suggestion on political dependence of international rules is rather popular among proponents of the critical theory of international law. It follows from the assumption of the legal scholarship of the 19th century about procedural character of the law. The international law “of civilized nations” embodied diplomatic practice of the European States, i.e. procedures for entering into and serving diplomatic relations, attaining sovereign status, establishing the status of territory or the neutrality. If not “procedural” argument, the international law is deemed to carry political traces, as it never completes its objectivity [Koskeniemi 1990:6, 28].

The question though arises whether the international legal policy includes internal legal aspects of foreign relations? Introducing the ILP concept Lacharrière didn’t distinguish particular legal aspects of international relations and thereby allowed the suggestion on its dichotomous nature. The understanding of the essence of the international legal policy clears up uncertainty. It should be kept in mind that the international legal policy deals exclusively with the content of the international law. For instance, the exercise of extraterritorial criminal jurisdiction does not fall within the scope of the international legal policy, since its legal framework is provided by norms of national law. In this regard the allocation of foreign policy power among national authorities, procedures of implementation of international rules into the national legal system, they all constitute a kind of frame of the international legal policy’s operations, but don’t determine it as such. The analysis of the international legal policy excludes the question on the choice between monistic and dualistic approaches to the international law. It’s necessary to understand whether the international legal policy covers matters of the national legal system, such as direct or conditioned applicability of international rules by national judges or the possibility of citizens to invoke those rules in national courts. On the one

side, these matters belong to internal legal affairs of State, to the effect that their settlement is not intended to have an effect on the content of international legal rules. But on the other side, national judges, as representatives of State’s judicial power, also communicate State’s international legal policy in the work. It’s notable that the thesis on national approaches to international law underlying the idea of comparative international law originated with examination of national judgements on the same international legal question [Roberts 2011:64-67].

1.3. Factor of internal changes as exemplified by the ILP of the U.S.

Nevertheless the international legal policy is first of all a part of the foreign policy. Consequently the international legal policy undergoes the influence of changes in the internal political course of the State as its foreign policy in whole. This phenomenon can be observed through the example of every State. However the most outstanding illustration is the U.S. foreign policy since D. Trump acceded to presidency in 2016. Over the last four years the American international legal policy endured wide fluctuations, which are examined in works of international law scholars [Koh 2017; Bellinger 2019; Talmon 2019]⁷. Under the motto “America first” the U.S. foreign policy became extremely unilateralist. If earlier the term “unilateral policy” went for the actions based on the preventive war doctrine of G. Bush, today the American unilateralism is strongly associated with the economic nationalism expressed in escalated trade disputes with China, trade tensions with the EU and economic measures imposed against Iran, Nicaragua, North Korea, Russia, Venezuela in contravention to all WTO procedures. Another series of unilateral actions considerably revised the U.S. obligations assumed under the international treaties. The U.S. announced its withdrawal from several vital agreements, such as Paris Agreement on Climate change of 2015 (withdrawal will take effect one year after notification in November 2020), Trans-Pacific Partnership Agreement of 2016 (letter to each TPP signatory was sent in January 2017), Joint Comprehensive Plan of Action on Iran’s nuclear programme endorsed with the UN Security Council resolution 2231 of 2015 (withdrawal was announced by the president on 8 May 2018), Treaty of Amity, Economic Relations,

⁶ Translated as: “Who makes the law relative - desacralizes it. If the international law becomes the object of State’s strategy, valid international rules will be considered as results of the winning strategy”.

⁷ See also Mulligan S.P. *Withdrawal from International Agreements: Legal Framework, the Paris Agreement, and the Iran Nuclear Agreement*. Congressional Research Service. May 4, 2018. URL: <https://fas.org/sgp/crs/row/R44761.pdf> (accessed 15.11.2019).

Consular rights with Iran of 1955 (withdrawal was stated on 3 October 2018), Intermediate-Range Nuclear Forces Treaty with Russia of 1987 (withdrawal was noticed in February 2019, and the Treaty ceased to be effective 6 months later conforming to article XV) as well as abandonment of UNESCO (notification took effect on 31 December 2018). In the light of Iran's claim in front of the International Court of Justice the U.S. announced its intent to review all international agreements with jurisdiction clauses in favour of the ICJ⁸. By means of Article 2202 of the NAFTA the U.S. initiated the large overhaul of its provisions, which resulted in the United States – Mexico – Canada Agreement (USMCA), signed in November 2018. It's noticeable that most of concerned actions were undertaken without full accord among power branches. The known inner struggle baffles the realization of adopted policies. For instance, the USMCA Protocol met major difficulties in ratification due to the Congress' general opposition to the president's project on replacement of the quarter-century-old NAFTA. The international legal policy is inseparable from the mechanisms which serve its operation, therefore discords among national political forces or different authorities affect not only the choice of international legal position, but also its realization.

1.4. The ILP as an object of legal studies

Guy de Lacharrière admitted that the proposed concept is vulnerable to critical attacks. Those, who regard the international law as sacred, can't tolerate that it can become the target for national policy. Otherwise, the policy which objectifies the international law would be considered amoral. On the contrary, those, who deny the significance of the international law, would challenge vain efforts of States to form their international legal policy [Lacharrière 1983:9].

The international legal policy necessarily implies some manipulations, which would allow balancing between self-interested conduct and the absolute commitment to the international law⁹. This balance is attained through endeavours to justify State's actions with legal rules. Therefore inconsiderate opinions on the concept could blame it for reducing the meaning of the international law to the simple tool in the State's hands. Is justification of State's actions the only role of the international law in the eyes of the sovereign? Actually prof. Lacharrière's idea is far from the so-called instrumentalist approach to the law. The very fact that by forming the international legal policy the State seeks certain balance instead of falling into self-indulgence – is the evidence of a significant value of the international law. The fact that the State strains after legitimization of its adopted decisions and undertaken steps by international rules proves that the international law has the authority [Cazala 2013:415]. First, the authority to make action legitimate or unlawful, second, the moral authority in the international community. The weight and the force of international law make the State to adopt particular policy. This circumstance contributes into the research value of the ILP concept.

First of all, the concept of international legal policy integrates the questions traditionally examined separately by international lawyers and political scholars, or at least in the interdisciplinary research works. It proposes an elegant way to transfer sheer political conduct into the field of international law in order to compose its comprehensible analysis without blending dissimilar factors. Furthermore, the research of the concept is a gratifying experience given the number and diversity of holders of the international legal policy. If the international law can be figuratively considered as a language for international relations¹⁰, every State speaks it with its

⁸ Rampton R., Wroughton L. Van den Berg S. U.S. withdraws from international accords, says U.N. world court 'politicized'. 3 October 2018. URL: <https://www.reuters.com/article/us-usa-diplomacy-treaty/u-s-reviewing-agreements-that-expose-it-to-world-court-bolton-idUSKCN1MD2CP> (accessed 15.11.2019).

⁹ Lacharrière wrote: "Des raisons de nier complètement la pertinence du concept pourraient venir de deux conceptions [...]. Selon la première conception, le droit, dont le rôle serait grossi sans mesure serait reconnu comme étant d'une nature sacrée qui le voue au respect des gouvernements et le met au-dessus des manipulations politiques. Considéré sous l'angle d'une telle dévotion, il ne pourrait être l'objet de politiques gouvernementales. [...] selon la seconde conception : les considérations juridiques ne joueraient aucun rôle dans les conduites des États, ni au niveau de la détermination de celles-ci ni à celui de leur justification. [...] en réalité, aucun État ne manifeste à l'égard du droit ce respect totalement dévot ni ce nihilisme radical". Translated as: "Reasons to completely deny the relevance of the concept could come from two conceptions [...]. According to the first conception, the law, the role of which would be increased without measure, would be recognized as being of a sacred nature that governments would respect and put it above political manipulation. From the perspective of such devotion, it could not be the subject of government policies. [...] according to the second view, legal considerations play no role in the conduct of States neither in determining them nor in justifying them. [...] in reality, no State manifests this totally devout respect for the law or this radical nihilism" [Lacharrière 1983:9].

¹⁰ *International law as a language for international relations*. Materials of the United Nations Congress on Public International Law. Kluwer Law International. 1996.

national accent. In this sense international legal policy is a highly prolific subject for comparative studies. The international legal policy of different States can be compared in content of structural elements, in standpoints on concrete questions, in intensity of appealing to the international law, in quality of justification of steps and decisions, in determining factors, in preferred methods of adoption to the international legal requirements and many other criteria. This is a great domain for exploration especially with the comparative method. In this context it's worth noting two emerging legal research projects based on the comparative method – project of comparative international law (developed by A. Roberts, P.B. Stephan, P.H. Verdier, M. Versteeg, K. Linos, D. Abebe) and that of comparative foreign relations law (developed by C.A. Bradley, C. McLachlan, O.A. Hathaway, J. Galbraith). [Comparative International Law 2018; Oxford Handbook... 2019] This poses the question whether comparative research into the ILP of different States can be conducted within these developing research fields. The answer demands analysis of premises of each research field.

2. Project of comparative foreign relations law

2.1. Notion of foreign relations law

As all kinds of terms generated first in practice and then becoming a doctrinal research subject, the foreign relations law doesn't have an explicit generally recognised definition. As every State necessarily participates in the international life, rules governing external relations of State with the others seem essential to exist. American international lawyer prof. C. A. Bradley proposes to consider foreign relations law as domestic legal rules which govern "interactions" of a Nation with the rest of the world [Bradley 2019:3]. These interactions include interconnections as such between the international law and domestic law of a State, so *the foreign relations law does not address the substance of concerned international nor municipal rules*. Nevertheless questions falling into the field of foreign relations don't leave the law-zone. Rather, they become a matter of particular legal reg-

ulation. How these questions are regulated (in the framework of which law branch, to what extent, what their scope is) depends on the assumed position of every State. The Foreign Relations Law as a separate integral concept was developed in the U.S. precisely due to its essential attitude towards external relations. Therefore brief pointlike retrospective into the development of the international legal scholarship of the U.S. would allow understanding background of the project of comparative foreign relations law.

2.2. Development of the foreign relations law of the U.S.

Being an emerging nation, fighting for independence, the U.S. of the late XVIII century strived to enter international scene acting as a free sovereign state [McLachlan 2012:24]. Besides the task to find its niche in the world of present powers, the new nation was at the same time concerned with internal allocation of competence among branches of power as well as between united states and federal government. Therefore organisation of external interactions was closely related to inner political processes. The framework of these authoritative workings is determined by the U.S. Constitution¹¹: the power of Congress to declare war, to regulate commerce with foreign Nations, to define and punish offences against the Law of Nations (Art. I, section 8), the power of President to make treaties (conditioned by the advice and consent of Senate), to appoint ambassadors, to be the Commander in Chief of the Army and Navy (Art. II, section 2)¹². However, the realities of international politics revealed the lack of more detailed rules in the field of foreign affairs.

The Neutrality Proclamation issued by President Washington in 1793 in response to the outbreak of war between the Great Britain and revolutionary France caused the first considerable dispute on powers in exercising foreign policy. Despite reasonable objective to prevent fragile State from getting involved into an European conflict, the legitimacy of the adopted decision was fiercely contested. In a series of letters published in the Gazette of the United States, two founding fathers A. Hamilton¹³ and

¹¹ Campbell T. J. *An Understanding of the Constitution's Foreign Affairs Power*. The Heritage Foundation. November 18, 1986. URL: <https://www.heritage.org/political-process/report/understanding-the-constitutions-foreign-affairs-power> (accessed 15.11.2019).

¹² Constitution of the United States. 1787. URL: https://www.senate.gov/civics/constitution_item/constitution.htm (accessed 15.11.2019).

¹³ Holloway C. Alexander Hamilton and American Foreign Policy. The Heritage Foundation. No 57. September 15, 2015. URL: <https://www.heritage.org/political-process/report/alexander-hamilton-and-american-foreign-policy> (accessed date: 15.11.2019)

J. Madison contended whether the U.S. had the right to recuse itself from another war with the Great Britain notwithstanding its obligations under the Treaty of Alliance with France concluded in 1778. Madison considered the proclaimed neutrality not only as a betrayal of the old ally, but as a breach of constitutional principle of separation of powers. In his opinion, unspelled powers in foreign affairs should have pertained only to Congress. Hamilton advocated the executive authority's power (namely, the President's one) while strictly construing Senate's participation in making international treaties. Defending the president's decision in substance, Hamilton advanced the concept of national interest, destining the whole further foreign policy of the U.S.¹⁴

The discourse in *Pacificus-Helvidius Letters*¹⁵ reflected a delicate intertwinement of internal issues with questions of foreign policy. As to the constitutional norms in the dispute, the opposite sides based their arguments on their alike interpretation of these norms without impinging upon their normative value. But the situation which had come about due to the Chaco war between Bolivia and Paraguay (1932-1935) necessitated a true divergence from explicit constitutional provisions. Being landlocked countries, both belligerent parties heavily relied on foreign armament supplies, they chiefly resorted to American manufactures. In order to terminate arms trade as a main source for continuing violence, the

Congress invested the president with a discretionary power to take steps towards establishment of peace or *de facto* authorized him to put an embargo on arms shipments from the U.S.¹⁶ When the Curtiss-Wright Export Corporation was charged with violating the President's proclamation, the company contended the invalidity of this proclamation on the grounds of unconstitutional delegation of powers by Congress to the President¹⁷. Then the Supreme Court confirmed the president's exclusive power over foreign affairs due to their specific complicated character. The adopted decision introduced a new order in exercise of foreign policy, which can be characterised as "dichotomy of internal and external powers" [Purcell 2013:663] or "foreign affairs exceptionalism" [Bradley 1999:1096]. Either definition comes down to the statement about less extent of constitutional restraints on executive power in foreign policy in contrast to domestic issues.

The executive domination in determination of foreign policy was then reasserted in the cases concerning the President's power to recognise the Soviet government (*United States v. Belmont* (1937)¹⁸, *United States v. Pink* (1942)¹⁹), and in cases concerning the recognition of foreign state's immunity (*Ex parte Republic of Peru* (1943)²⁰, *Republic of Mexico v. Hoffman* (1945)²¹). The constitutional regime of foreign relations saw the triumph of executive discretion [White 1999:134]. Probably the judicial reasoning on

¹⁴ It should be noticed, that Hamilton didn't campaigned for the "self-interested" foreign policy, as for him policy guided by the own interest of nation "is and ought to be prevailing" "as far as justice and good faith permit". [Beitzinger 2011:253]

¹⁵ In the American history the dispute around the Neutrality Proclamation is usually referred to as "*Pacificus-Helvidius Letters*"; as publishing their letters A. Hamilton and J. Madison used pseudonyms "*Pacificus*" and "*Helvisius*" correspondingly. URL: <https://www.mountvernon.org/library/digitalhistory/digital-encyclopedia/article/pacificus-helvidius-letters/> (accessed 15.11.2019).

¹⁶ A Joint Resolution of May 28, 1934, provided: "That if the President finds that the prohibition of the sale of arms and munitions of war in the United States to those countries now engaged in armed conflict in the Chaco may contribute to the reestablishment of peace between those countries, and if (...) he makes proclamation to that effect, it shall be unlawful to sell (...) any arms or munitions of war in any place in the United States (...)". Joint Resolution. May 28, 1934. Congress Session II. Chapter 365. H.J. Res. 347. Pub. Res., No. 28.

¹⁷ *United States v. Curtiss-Wright Export Corp.*, 299 U.S. 304 (1936). URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/299/304/> (accessed date: 15.11.2019)

¹⁸ *United States v. Belmont*, 301 U.S. 324 (1937): "the President recognized the Soviet Government and normal diplomatic relations were established between the two Governments, followed by an exchange of ambassadors"; "The international compact was within the competency of the President, and participation by the Senate was unnecessary"; "The external powers of the United States are to be exercised without regard to state laws or policies". P. 331.

¹⁹ *United States v. Pink*, 315 U.S. 203 (1942): "The powers of the President in the conduct of foreign relations included the power, without consent of the Senate, to determine the public policy of the United States with respect to the Russian nationalization decrees". P. 229; "The power of the President in respect to the recognition of a foreign government, includes the power to remove such obstacles to full recognition as the settlement of claims of our nationals". P. 229.

²⁰ *Ex parte Republic of Peru*, 318 U.S. 578 (1943): "That principle is that courts may not so exercise their jurisdiction, by the seizure and detention of the property of a friendly sovereign, as to embarrass the executive arm of the government in conducting foreign relations." P. 588

²¹ *Republic of Mexico v. Hoffman*, 324 U.S. 30 (1945): "It is the duty of the courts, in a matter so intimately associated with our foreign policy and which may profoundly affect it, not to enlarge an immunity to an extent which the Government, though it has had numerous opportunities, has not seen fit to recognize". P. 324 U.S. 38.

extra-constitutional executive powers could provide the groundwork for generation of foreign affairs law apart from constitutional one. Nevertheless foreign affairs law didn't intend to deny the explicit constitutional rules, as it's primarily based on them. Louis Henkin comprehensively studied the constitutional foundation of modern foreign policy of the U.S. in his "Foreign Affairs and the Constitution" of 1972 and a range of consequent articles. There he highlighted the fact that despite seeming prevalence of politics over law in the conduct of foreign affairs, this is "the law of the Constitution that gives the politics its form and much of its content" [Henkin 1976:4-5].

2.3. Significance of foreign relations law

The idea of the executive supremacy in foreign affairs sowed certain concerns about the general American approach to external relations and the international law. The spring of legal realism anchored by H. Morgenthau's "Politics among nations" of 1948, the uprise of the policy-oriented approach with the lead of M. S. McDougal, H. D. Lasswell and formation of the New Haven School, persistent scepticism about foreign policy's subjection to normative rules strikingly exposed in "Limitations of International Law" by J. Goldsmith and E. Posner. Finally, the inner cultivation of foreign relations law (as zone for executive 'law-making') shouldn't translate into "unilateral replacement" of international law in regulation of the U.S. external relations [McLachlan 2012:25]. Definitely these trends are not imputed to the foreign relations law as such, but they present the other side of this phenomenon inside the U.S. The legal handling of the foreign affairs by other nations will be different. It's not only the matter of how every nation builds up and manages its relations with other nations in terms of its normative or institutional workings. The differences begin with the status of foreign relations law and its scope. C. Bradley counts the foreign relations law as domestic law, which encompasses specific questions as entering international agreements, participating in international organisations, using armed forces and incorporating international law into domestic legal system [Bradley 2019:4]. Therefore foreign relations law isn't a separate legal field with its own sources, rather it draws on legal materials from constitutional law, statutory law (for countries of common law), administrative law and established jurisprudence. So international legal scholars unambiguously qualify the foreign relations law as a domestic field [Bradley 2019:3, Levin 1981:35, McLachlan 2012:24, Sitaraman, Wuerth 2015:1911].

C. McLachlan considers the central function of the foreign relations law as allocative. The foreign relations law is meant to resolve four principal questions on relationship between international and domestic law, extent of foreign power for every of three branches, implications of foreign relations for private rights and treatment of foreign state in municipal law [McLachlan 2012:4]. So the researcher delineates cases of immediate treatment of foreign relations by domestic authorities from cases in which it comes to incorporated international legal norms. But it generates more questions on the nature of norms of the foreign relations law, whether they are substantive or procedural, or how they relate to rules concerning conflict of two domestic legal systems. D. Abebe emphasizes the same function of the foreign relations law with use of other terms. In his opinion the allocation of foreign affairs powers among different branches serves as an 'internal constraint' on the authoritative unilateralism in the international field [Abebe 2009:128]. Introduction of the notion of "internal constraint" as opposed to "external constraint" of international politics conducted by other States allows to build-up a dichotomous scheme how the foreign affairs policy ploughs its way between two fires. However, in this model only one side of the foreign relations law comes into focus, namely policy-related side.

2.4. Two concepts about State's conduct in the international legal field

The meaning of foreign relations law is different to that of the international legal policy, despite seeming resemblance of covered questions. Actually they can't be directly compared as they don't belong to single category: foreign relations law is a legal issue, international legal policy is a tactic matter of State's conduct. Nevertheless each of them represents a *particular State's apprehension* how and what determines the way, which this State lives in the international legal order. Concepts of "foreign relations law" and "international legal policy" should be distinguished by their content.

First distinction concerns sources. Due to its legal nature "foreign relations law" derives its substance from legal sources, like norms of constitutional law; executive regulations, including so-called extra-constitutional norms (notion related to the phenomenon of "foreign relations exceptionalism"), jurisprudence (relevant for countries of common law). The international legal policy doesn't rely on legal norms as such, but on the content of legal provisions. From viewpoint of international legal policy legal norms reflect

approaches and visions of a State how to regulate particular matter in this moment. Therefore international legal policy can meaningfully match with the content of legislation, but it's not bound with it. The policy's substance is essentially composed of definite standpoints and perspectives on international legal issues.

Second distinction bears upon question of power allocation in State. The concept of foreign relations law places major focus on volume and content of allocated powers, processes of their delegation, whereas international legal policy leaves it out. This is because foreign relations law is first of all, national law, which regulates institutional mechanisms of realisation of foreign policy. Furthermore the whole history of the U.S. foreign relations law developed through legal reasoning on legitimacy of foreign powers of different branches. The international legal policy isn't charged with questions about work of internal scheme, its scope begins with the products of these work, exact positions, and destines outwardly.

Third distinction refers to 'non-treatment' of the issue of relationship between domestic and international law. Although this issue looms large in the theory of international law (it was developed D. Anzilotti, S.V. Chernichenko, H. Kelsen, J. Kunz, A. Lasson, D.B. Levin, A.N. Talalyev, H. Triepel, E.T. Usenko, A. Verdross, A. Zorn and many other researches), *neither* ILP concept nor concept of foreign relations law concerns this matter, but for different reasons. As has been noted above, international legal policy doesn't tackle procedural matters of implementation of international rules, as it's concentrated on substantive questions how State understands those rules, whether it finds them relevant, how it justifies their particular use etc. The foreign relations law seems destined to embrace this matter. However C. Bradley explains, that national doctrines on implementation of the international law are not the subject-matter of foreign relations law, as they constitute a part of foreign relations law itself. In this context dualist, monist, mixed and other approaches are incorporated in existing national rules, like rules of ratification procedure [Bradley 2019:8].

Herefrom follows the *fourth distinction*, which is in the role of national courts. The foreign relations law includes treatment of international norms in national courts. The practice of interpretation and application of international rules doesn't distinct from practice with domestic rules neither in status nor in value. Within the international legal policy of State courts' practice also reflects fundamentals of State's policy. Judgements of special meaning, for instance, in case of submission of ambiguous question to the Supreme Court, they could play the role of considerations in formation of international legal policy, but they don't make up its content.

The *fifth distinction* follows from the nature of featured approaches. The objective of foreign relations law is to regulate steps on building and maintaining foreign relations from inside, whereas the international legal policy doesn't have regulative functions. It embraces concrete patterns of conduct with fixed approaches to their justification in international legal terms.

Finally, the *sixth distinction*, which could bring closure to this inquiry, relates to subjects or originators of laws and policies. First distinction relates to subjects or originators of laws and policies. It's true that foreign relations law and international legal policy have a notable trait in common – both of them are founded on the *notion of "national interest"*²². This term has been generally equated with 'self-interest' as an advantage pursued for own benefit²³. Back in the day this term had a particular value in the positivist theory, which interpreted conflict of norms as a conflict of interests [Rovira 2014:766]. The main points of foreign relations law of the U.S. were introduced on the ground of their conformity to "national interests of the country". For the international legal policy "national interests" play the double role of motivation and of determinant of pursued objectives. Consequently foreign relations law or the international legal policy can appertain only to keeper of national interests, sovereign state, state-like formations, or nations struggling for self-determination. The question whether supranational authorities can bear "national interests" is an outstanding matter. There are works

²² The concept of 'national interest' is elaborated by numerous researches, including G. Kennan, W. Lippman, K. Waltz, J.N. Rosenau, E.S. Furniss, N.N. Yl'yanov, G.H. Shakhnazarov, U.A. Tikhomirov, O.N. Khlestov and others.

²³ The conviction in the equation between 'national interest' and 'self-interest' seemed natural within Machiavellianism, Realpolitik theory, realism. However, on the back of movements towards global tasks and collective settlement of more and more questions, such equation can lead even to denial of the 'national interest' as an archaic concept reducing complicated conduct to primitive self-interested motives, according to the D.E. Furman. As cited in Mezhuiev B.V. 2000. Ponjatie nacional'nyj interes v rossijskoj obshhestvenno-politicheskoj mysli [Notion of national interest in Russian sociopolitical scholarship]. – *Politicheskaja nauka v Rossii: intellektual'nyj poisk i real'nost': Hrestomatija*. Moscow. P. 441–488.

on international legal policy [Gouttefarde 2004:33-79] and on foreign relations law of the EU.²⁴ [EU Foreign Relations 2008; Larik 2017:321-325] As far as this policy or law should have some 'interests' in their base, what is meant here is "common interests". Hereof the question follows, whether notion of "common interests" is compatible with the substances of foreign relations law and international legal policy, which come from ideas about individual needs and aspirations. If the former is considered as a system of norms regulating interactions of the subject with its peers, the foreign relations law indeed fits into the legal order of the European Community. However "common interests" are not applicable to the concept of international legal policy, as even position of the State what "interests" it's ready to regard as common would form an integral part of its own international legal policy. Therefore it would be incorrect to speak about international legal policies of integration associations or of international organisations.

In view of the aforementioned differences, the methodological framework of the project 'comparative foreign relations law' is not applicable for research of the ILP. Nevertheless it would be more rational to consider the ILP within legal studies of national approaches to the international law. The State doesn't step on the field of international law with its own rules, it comes there with a solid background constituting its vision of international law. If these visions are at variance, they might be comparable by certain characteristics. That raises the suggestion about the research field of comparative international law.

3. Project of comparative international law

3.1. Applicability of the comparative method in the international legal field

The common association of universality of international law with the notion of "uniqueness" calls into question applicability of the comparative method in the researches of international law. In opinion of H.C. Gutteridge, famous British comparativist, the universal character of international rules doesn't allow them to "lend themselves to comparison" [Gutteridge 1980:13-25]. For him, international

law is, first of all, "principles of justice" which govern interstate relations due to "common consent of mankind". Understanding of international law as a kind of global morality besides its legal constraining function sends back to ideas of natural or divine law, hence, undivided. H. Lauterpacht underlined, that the nature of international law is inherently international, it cannot have separate domestic conceptions in essence [Lauterpacht 1937:200]. The universality of international law can be found in its fundamental principles. Principle of sovereign equality of States, peaceful disputes settlement, non-intervention, prohibition on the threat or use of force and the other, are recognised as universal in that sense that they're applicable in every sphere of international law and need no special normative consolidation for it²⁵.

At the same time the universality hasn't been always regarded as an absolute feature of international law. A.B. Lorca argues that the international law has become 'universal' only recently [Lorca 2010:476]. In his vast research into evolvement of the international law through the XIX century, he contends the "expansion of European international law" to "semi-peripheral" nations²⁶. Describing mental premises of nations unfamiliar with imported order, Lorca uses the notion of "legal consciousness" and establishes the doctrine of "particularistic universalism". Lorca explains that semi-peripheral scholars appropriated the international law, not only for learning play rules of dominating powers, but also with the purpose of "changing their content". Acceptance of the international law was understood as a chance for their states to obtain legal personality in the minds of European nations that is to become on a par with those who postulates "equal sovereignty". For the same reason non-western states were prone to live up to foreign standards more than to evaluate commonalities with their neighbours and other regions [Lorca 2010:482, 521-522]. Without the struggle for recognition, former "semi-peripheral" states adapt assumed tenets of international law to their particular visions. The historic researches can invite the assumption about international law as a normative system, which was designed for the comfort of privileged actors. This idea underlies the so-called Third World approaches

²⁴ Cremona M. External Relations and External Competence of the European Union: The Emergence of an Integrated Policy. – *The Evolution of EU Law*. Eds. by G. de Búrca, P. Craig. 2nd edition. Oxford University Press. 2011. P. 217-268.

²⁵ *Mezhdunarodnoe pravo*. Pod red. A.N. Vylegzhanina [International Law. Ed. by A.N. Vylegzhanin]. Moscow: Yurait Publ. 2012. P.103.

²⁶ The "semi-periphery" is a figurative term derived from the idea that modern international law is a globalized legal order, which was initially developed in seventeenth-century Europe. However, Umut Özsu suggests, that this term is based on the considerations of ethnicity, territory, and politico-economic power alike. [Özsu 2010:59] Anyway the author of the term doesn't define it outright.

to International Law (TWAIL). The TWAIL scholars stand out for review of legal order, which in their opinion, subordinates the Third World countries to the Western States. The aim of revision is to remove colonial foundations of the international law, as they continue to make people of the Third World sensitive to injustice of imposed rules [Anghie 2003: 80]. In some non-optimistic views the imposed belief into universality of international law is used to “mask its logic of unipolar power” [Megret 2012:85]. This is what D.F. Vagts calls “Hegemonic International law” [Vagts 2001:843-848], or in more popular terms, imperialistic tendency [Kapustin 2014:13]. In light of this appealing to the comparative method can be mistaken for tentative to play on current interstate divergences on doctrinal level. Apparently wrong actions of States shouldn’t be justified by “national vision” of international law. Conversely comparative studies of international law are capable to mitigate effects of frequent oscillations in the international legal field.

3.2. Experience in application of the comparative method

According to M. Forteau over the last seventy years the International Law Commission has been successfully using the comparative method in its work [Forteau 2015:500]. Setting the objective to “promote the progressive development of international law and its codification”²⁷, the Commission receives the task not only to bring the outcomes of States’ practice to normative form, but also to embrace the fields in which there is still no full agreement among nations. Faced with the insufficiently general practice the Commission has three options: first, to reject any

development or codification; second, to opt for the major practice; finally, to favour one version over the other [Forteau 2015:507]. Besides grading “justified” and “deviated” variants, Commission is armed with so called “accommodating tools”, like recourse to linguistic tools, drafting general rules (leaving room for marge of appreciation) or providing normative flexibility. Using these instruments the Commission seeks to reconcile diversity of opinions with unity of international values. It’s worth noting that Commission doesn’t have to comfort much with different approaches to international law, rather with normative discrepancies [Forteau 2015:507]. Probably, differences in legal conceptions are destined for doctrinal comparative studies.

Comparative legal studies are believed to be so aged as national law itself, though the science of comparative legal studies took its shape only in the latter half of the nineteenth century²⁸. When it comes to the comparativist research in the field of international law, its origins seem to be hidden in the epoch of power polarization in the world. Actually the tradition of applying the comparative method to international law arose in the Soviet Union in its early years²⁹. It resulted from the urgent need to counterpose fledgling Soviet view of international law against old imperialistic pre-setting in this field. “International law of transitional period” stood out from “the law of civilized nations”. Russian international lawyer E. Korovin was the first who tried to analyse how emerging Soviet republics were going to “communicate” with their bourgeois partners given their unlike viewpoints³⁰. Nonetheless, comparative international law sought to develop in the XX century beyond fierce camps’ rivalry³¹. E. McWinney introduced the

²⁷ Statute of the International Law Commission 1947. Adopted by the General Assembly in resolution 174 (II) of 21 November 1947, as amended. Art.1(1).

²⁸ Saidov A.Kh. 2003. *Sravnitel’noe pravovedenie (osnovnye pravovye sistemy sovremennosti)* [Comparative legal studies (main legal systems of the present time)]. Ed. by. Tumanov V.A. Moscow: Yurist Publ. P. 23.

²⁹ In the retrospective analysis of CIL’s foundations, prof. B.N. Mamlyuk suggests to reckon the history of comparative international legal studies from the establishment of soviet international legal scholarship, while also admitting, that the comparative method could have been used in international law since the very birth of the latter [Mamlyuk, Mattei 2011:389]. The introduction of the term “tradition” should justify this approach. By tradition we mean purposeful research efforts to differentiate international legal knowledge or to identify existing dissimilarities in its understanding. Taking into account the existence of “so called anglo-american and continental schools of thought in international law” at that time, it should be underlined, that these schools didn’t go in for opposing their views to others, nor for sustained comparison. [Lauterpacht 1931:31].

³⁰ “Intellectual communication implies certain solidarity of estimates, unity of convictions on the law, ethics, politics. Is it possible and to extent to suggest such unity (...) between soviet socialistic republic and the other states with bourgeois system? (...) However, it doesn’t exclude the possibility of partial legal communication on the grounds of universal human values, independent from the epoch and political systems (...)”. Korovin E.A. *International law in transitional period* [Mezhdunarodnoe pravo perekhodnogo vremeni]. Institute of Soviet Law; 2nd edition. Moscow. Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ. 1925. P. 12, 16.

³¹ Under the bipolarity even the idea of “inter-camp international law” sounded rather feasible. See McWhinney E. 1963. *International Law in the Nuclear Age: Soviet-Western, Inter-Bloc, International Law*. Proceedings of the American Society of International Law at Its Annual Meeting. No. 57. P. 68-72.

notion of international legal systems with the aim to illustrate the development of different outgrowths of the international law. For instance, he ranged the Socialist international law among the traditional international law (meaning customs and general treaty rules), the UN law³² (first of all, resolutions of the Security Council and General Assembly, as well as the judgements rendered by the ICJ), the 'regional' international law [McWhinney 1964:36]. In the same decade W. Butler started his course "Soviet, Chinese and Western Approaches to International Law" at the Harvard Law School. The years of his comparative studies resulted in the widely-known collection of essays, which came out in 1980 as a stand-alone volume titled "International Law in Comparative Perspective". Except numerous single works on treatment of international law inside domestic legal systems it can be seen that by the end of the XX century comparative international law has obtained the robust analytical experience (but appearingly still lacks methodological one).

3.3. Focus at national approaches to international law

Today we observe the new splash of interest to the comparative method in the context of intensifying discourse on national approaches. Some scholars aim for overriding commonplace Eurocentrism and draw attention to diverse regional and national traditions. For instance, the aforementioned TWAIL school insists that pre-colonial Third World states had their own rules of interstate conduct, laws of treaties and laws of war [Anghie 2003:80]. International scholars frequently speak about national conceptions of international law [Messineo 2013:879-905], legal traditions [Abdulqawi 2013:681-703], particular legal thinking [Lorca 2006:283] or legal cultures [Jouanet 2006:292.]. Another path involves the research into the role of different actors in forming any particular attitude to international law, like national scholastic approaches to international law³³. Nowadays the subject of 'diversified' international law appears in works on separate national perspectives as wells as in integral research papers [Roberts, Stephan 2015: 467-474]. It should be noted, that the object of such comparative legal studies does not confine

itself to normative materials or mental conceptions on law. For instance, W. Butler includes into their scope differences and similarities in legal schools, historic regularities, extra-legal factors of differences, particularities of law created by international institutions, special considerations in international adjudication, regional ideological, theological sub-systems, cultural patterns and national approaches [Butler 1986:32-44]. By the term "national approach" W. Butler understood the State's attitude towards international law expressed in the assembly of words, documents and gathered experience. Their accumulation form policies on concrete matters of international law [Butler 1986:44]. From this point of view, the national approach is tantamount to Lacharrière's concept of international legal policy. However, it's not the only perspective on its definition.

In the work "Russian approaches to international law" Estonian scholar L. Mälskoo analyses early Russian theories of international law, soviet and contemporary thinking and seeks to determine how these ideas shape modern State's practice. But thereby he narrows down complete national approach to the scholastic one. Viewed in this way national approach won't be an equivalent to international legal policy. Such national approach would have to embrace divergent or even contradictory opinions of national scholars on one question, while international legal policy is singular and unambiguous. In international studies the term "national approach" is often applied for description of State's positions on concrete matters, like attitudes to the rule of law, to compliance with international norms etc. Besides notion of "national approach", comparativists appeal to "national style" and "legal culture". W. Butler presents *national style* as an aggregation of extra-legal, quasi-legal and legal factors, including State's historical experience and mode of foreign relations, geopolitical frontiers, links to foreign communities, sense of mission, extent of power of influence, techniques of foreign policy, competences of national institutions, legal methodology [Butler 1986:80]. Legal culture seems even more focused on extra-legal elements, as it embodies a national identity of State just in legal terms. In the context of international law "legal culture" is a kind of an individual voice in the choir of those who cre-

³² The idea to mark out the UN law might have been one of the first steps anticipating the phenomenon of fragmentation, which was determined in international scholarship only in the new millennium. See: Fragmentation of International law: difficulties arising from the diversification and expansion of international law. Report of the Study Group of the International Law Commission, finalized by Martti Koskenniemi. April 2006.

³³ See: Mälskoo L. 2015. *Russian Approaches to International Law*. Oxford University Press. 240 p.; Roberts A. 2017. *Is international Law international?* Oxford University Press. 432 p.

ate legal norms. In other words “legal culture” pre-determines the national vision of international legal order, which by extension to global level can intersect and conflict with other visions [Joannet 2006:295]. After a quick glance on potential objects for comparative studies of international law the impression is that everyone feels the dissemblance of States, but can't find a right term to express it. Herefrom we get so many words, which overlaps in meaning, but are not identical to each other. Thuswise the object of comparative international law is either too vague or too extensive.

Without prejudice to comparativists' capacities, it would be more appropriate to specify their agenda. A. Roberts first concentrated on the role of national courts in a process of nationalizing international law through its interpretation and application (instead of impartial enforcement). In this context she characterizes the ‘comparative international law’ as “loosely fusing international law substance with comparative law methodologies” [Roberts 2011:73-74]. B.N. Mamlyuk finds comparative studies more fruitful in the research of the soft law. In his view problems of positive law across jurisdictions are enough covered by existing international and inner research fields, while institutional projects are little addressed [Mamlyuk 2011:441]. In a climate of growing vogue of interdisciplinary research, the policy-oriented mode from half a century ago is constantly at play. The authors of the policy-oriented approach to international law (which was then developed to the New Haven School), M.S. McDougal and H.D. Lasswell effectively embraced the comparative method for consistent description of power-processes. In their view it could contribute to clarifying differences and enabling cooperation among authoritative decision-makers [McDougal 1952:57].

It seems that project of comparative international law encompasses every research into dissimilarities or contradictions of States' positions on international legal matters. The comparative method allows to lift researcher's viewpoint slightly over examined objects and thereby to provide a full sight of the problem. In case of States' standpoints on particular matters the substance of differences is generally intelligible. For instance, different positions on the status of the Arctic and its continental shelf, on the status of natural

resources of the Moon and other celestial bodies, on legitimacy of support to local producers by means of investment measures, on the meaning of public interest exception and many other more or less obvious controversial questions. *The problem is that these positions haven't yet been systemised in the context of international legal policy.* The Chinese foreign policy can serve a good illustration. It's widely known that China regards the Arctic as a region where «community with a shared future for mankind» should be built in contrast to its «original inter-Arctic States nature». This position is plainly declared in its Arctic Policy of 2018, in the terms of “near Arctic State” status, “win-win result”, “multi-level, omni-dimensional and wide-ranging cooperation”³⁴. The same discourse on the ‘shared future’ and ‘mutual benefit’ is applied in the “Belt and Road” Initiative³⁵. Thereby it can be seen that the State adopts its international legal policy, which is formed by one logic and based on one mechanism. Therefore international legal policy is supposed to be coherent and consistent in every aspect of State's external interactions. It allows to reveal the policy's inner-workings. Once they are revealed, comparativist can get down to work.

Conclusion

The international legal policy is a system of non-legal elements directly tied to the legal aspects of international relations. While legal framework is inherently constant, its multi-faceted substance varies on individual basis, therefore presents a special interest for comparative studies. It would be better to examine a new research subject with the established methodology. However the comparative studies in the field of international law hasn't yet formed their precise methodological tenets, so as to provide international legal policy with systemic treatment. We certainly know where the comparative research of international legal policy cannot be inserted: the framing field of comparative foreign relations law treats a categorially different subject. Within comparative international law the research of international legal policy will benefit from creative freedom. But international legal policy's nature and its scope of questions should be clearly distinguished from contiguous terms. The most important moment about

³⁴ China's Arctic Policy. The State Council Information Office of the People's Republic of China. January 2018. URL: http://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2018/01/26/content_281476026660336.htm (accessed 15.11.2019)

³⁵ Exploring Public International Law Issues with Chinese Scholars. International Law Programme Roundtable Meeting Summary. 2-3 June 2018. Chatham House The Royal Institute of International Affairs. P. 4.

comparative research of international legal policy is that the inter-structural comparison shouldn't break the inner links of policy. Comparison of approaches

and attitudes to particular international legal matters demands caution about their integral nature.

References

1. Abebe D. Great Power Politics and the Structure of Foreign Relations Law. – *Chicago Journal of International Law*. 2009. No. 10. P. 125-141.
2. Abdulqawi Yu. Diversity of Legal Traditions and International Law: Keynote Address. – *Cambridge Journal of International and Comparative Law*. 2013. No. 24. P. 681-703.
3. Anghie A., Chimni B.S. Third World Approaches to International Law and Individual Responsibility in International Conflicts. – *Chinese Journal of International Law*. 2003. Vol. 2. Issue 1. P. 77-103. DOI: <https://doi.org/10.1093/oxfordjournals.cjilaw.a000480>
4. Beitzinger A.J. *A History of American Political Thought*. Wipf and Stock Publishers. 2011. 640 p.
5. Bellinger III John B. Trump Administration's Approach to International Law and Courts: Are We Seeing a Turn for the Worse? – *51 Case Western Reserve Journal of International Law* 7. 2019 URL: <https://scholarlycommons.law.case.edu/jil/vol51/iss1/20/> (accessed date: 15.08.2020).
6. Bradley C.A. A new American Foreign Affairs Law? – *University of Colorado Law Review*. Vol. 70. No. 4. 1999. P. 1089-1108.
7. Bradley C.A. What is Foreign Relations Law? – *The Oxford Handbook of Comparative Foreign Relations Law*. Ed. by Curtis A. Bradley. Oxford University Press. 2019. 856 p.
8. Butler W.E. Comparative Approaches to International Law. – *Recueil des Cours*. Hague Academy of International Law. Martinus Nijhoff Publishers. 1986. P. 9-90.
9. Cazala J. Retour sur un Classique: Guy de Lacharrière, La politique juridique extérieure. – *Revue générale de droit international public*. 2013. No. 2. P. 411-416.
10. *Comparative International Law* (eds.) A. Roberts, P.B. Stephan, P.H. Verdier, M. Versteeg. Oxford University Press. 2018. 640 p.
11. *EU Foreign Relations Law – Constitutional Fundamentals*. Eds. by M. Cremona, B. de Witte. Hart Publishing. 2008. 328 p.
12. Forteau M. Comparative International Law Within, Not Against, International Law: Lessons from the International Law Commission. – *The American Journal of International Law*. 2015. Vol. 109. P.498-513.
13. Gouttefarde F. Les Communautés Européennes et les Retorsions Croisées à l'OMC: Aspects de la Politique Juridique Extérieure de l'Union Européenne. – *Revue Québécoise de Droit International*. 2004. Vol. 17.2. P. 33-79.
14. Gutteridge H.C. Comparative Law and the Law of Nations in *International Law in Comparative perspective*. Ed. by W.E. Butler. 1980. 305 p.
15. Henkin L. *Foreign Affairs and the U.S. Constitution*. 1976. 666 p.
16. Jouannet E. French and American Perspectives on International Law: Legal Cultures and International Law. – *Main Law Review*. 2006. No. 58. P. 291-336.
17. Kapustin A.Ya. Mezhdunarodnoe pravo i vyzovy XXI veka [International Law and Challenges of the 21st century]. – *Journal of Russian Law*. 2014. No. 7. P. 5-19. (in Russ.)
18. Koh H.H. The Trump Administration and International Law. – *Washburn Law Journal*. 2017. Vol 56. P. 413-469.
19. Koskeniemi M. Imagining the Rule of Law: Rereading of the Grotian 'Tradition'. – *European Journal of International Law*. 2019. Vol. 30. No. 1. P. 17-52. DOI: <https://doi.org/10.1093/ejil/chz017>
20. Koskeniemi M. The Politics of International Law. – *European Journal of International Law*. 1990. No. 4. P. 4-32.
21. Koskeniemi M. The Politics of International Law. – *European Journal of International Law*. 2009. Vol. 20. No. 1. P. 7-19.
22. Koskeniemi M. *The Politics of International Law*. Bloomsbury Publishing. 2011. 371 p.
23. Lacharrière G.L. *La Politique juridique extérieure*. Economica. Enjeux internationaux. 1983. 236 p.
24. Larik J. EU Foreign Relations Law as a Field of Scholarship. – *AJIL Unbound*. 2017. Vol. 111. P. 321-325. DOI: [doi:10.1017/aju.2017.88](https://doi.org/10.1017/aju.2017.88)
25. Lauterpacht H. The So-Called Anglo-American and Continental Schools of Thought in International Law. – *British Yearbook of International Law*. 1931. No. 12. P. 31-62.
26. Lauterpacht H. *Règles générales du droit de la paix*. Recueil des Cours. 1937. Vol. 62. P. 95-422.
27. Levin D.B. *Mezhdunarodnoe pravo, vneshnaja politika i diplomatiya* [International Law, Foreign Policy and Diplomacy]. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. 1981. 144 p. (in Russ.)
28. Lorca A.B. Universal International Law: Nineteenth-Century Histories of Imposition and Appropriation. – *Harvard International Law Journal*. 2010. Vol. 51. No. 2. P. 475-552.
29. Lorca A.B. International Law in Latin America or Latin American International Law? Rise, Fall, and Retrieval of a Tradition of Legal Thinking and Political Imagination. – *Harvard International Law Journal*. 2006. No. 47. P. 283-305.
30. Mälskoo L. *Russian Approaches to International Law*. Oxford University Press. 2015. 240 p.
31. Mamlyuk B.N., Mattei U. Comparative International Law. – *Brooklyn Journal of International Law*. 2011. Vol. 36:2. P. 386-452.
32. McDougal M.S. The Comparative Study of Law for Policy Purposes: Value Clarification as an Instrument of Democratic World Order. – *The American Journal of Comparative Law*. Vol. 1. 1952. P. 24-57.
33. McLachlan C. The Allocative Function of Foreign Relations Law. – *The British Yearbook of International Law*. 2012. P. 1-32.
34. McWhinney E. Operational Methodology and Philosophy for Accommodation of the Contending International Legal Systems. – *Virginia Law Review*. 1964. No. 50. P. 36-57.
35. Megret F. International Law as Law – *The Cambridge companion to International Law*. Eds. J. Crawford, M. Koskeniemi. Cambridge. 2012. 471 p.
36. Messineo F. Is There an Italian Conception of International Law? – *Cambridge Journal of International and Comparative Law*. 2013. Vol. 4 No. 2. P. 879-905. DOI: [10.7574/cjicl.02.04.13](https://doi.org/10.7574/cjicl.02.04.13)
37. *Oxford Handbook of Comparative Foreign Relations Law*. Ed. by C.A. Bradley. Oxford University Press. 2019. 896 p.

38. Özsu U. Agency, Universality and the Politics of International Legal History. – *Harvard International Law Journal Online*. 2010. Vol. 52. P. 58-72.
39. Pozdnjakov Je.A. *Sistemnyj podhod i mezhdunarodnye ot-nosheniya* [Systemic approach to international relations]. Moscow: Nauka Publ. 1976. 159 p. (in Russ.)
40. Purcell E.A. Understanding Curtiss-Wright. – *Law and His-tory Review*. November 2013. Vol. 31. No. 4. P. 653-715. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0738248013000461>
41. Roberts A. Comparative International Law? The role of national courts in creating and enforcing international law. – *International and Comparative Law Quarterly*. 2011. Vol. 60. P. 57-92.
42. Roberts A., Stephan P.B., Verdier P.H., Versteeg M. Compar-ative International Law: framing the field. – *The American Journal of International Law*. 2015. Vol. 109. P. 467-474.
43. Rovira M. G.-S. The Politics of Interest in International Law. – *The European Journal of International Law*. 2014. Vol. 25. No. 3. P.765-793.
44. Sitaraman G., Wuerth I. The Normalization of foreign re-lations law. – *Harvard Law Review*. 2015. Vol. 128. No. 7. P. 1900-1978.
45. Talmon S. The United States under President Trump: Gravedigger of International Law. October 7, 2019. – *Chinese Journal of International Law*. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3465460 (ac-cessed date: 15.08.2020). DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3465460>
46. The Politics of International Law (ed) C. Reus-Smit. Cam-bridge University Press. 2004.
47. Tunkin G.I. International Law in the International System. – *Recueil des Cours de l'Academie de Droit International*. 1975. Vol. 147. P. 1-218.
48. Vagts D.F. Hegemonic International Law. – *American Jour-nal of International Law*. 2001. No. 95. P. 843-848.
49. Vylegzhanin A.N., Dudykina I.P. The Ponyatiye vtzhdun-arodno-pravovaya politika gosudarstva [Politics of Inter-national Law as a Concept]. – *Moscow Journal of Interna-tional Law*. 2016. No. 4. P. 21-37. (in Russ.)
50. White G.E. The Transformation of the Constitutional Re-gime of Foreign Relations. – *Virginia Law Review*. 1999. Vol. 85, No. 1. P. 1-150.

About the Author

Olga S. Magomedova,

PhD Student, Department of International law, Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia

76, Prospekt Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454

olga.magomedova.96@mail.ru
ORCID: 0000-0003-0593-3101

Информация об авторе

Ольга Сергеевна Магомедова,

Аспирант кафедры международного права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России

119454, Российская Федерация, Москва, проспект Вер-надского, д. 76

olga.magomedova.96@mail.ru
ORCID: 0000-0003-0593-3101

ПРАВО МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2020-3-44-63>**Марк Владимирович ШУГУРОВ**

Саратовская государственная юридическая академия
410056, Российская Федерация, Саратов, ул. Вольская 1.
shugurovs@mail.ru
ORCID: 0000-003-3604-3961

Исследовательская статья
Поступила в редакцию: 04.08.2020
Принята к публикации: 28.08.2020

ПРАВО ЕАЭС В СФЕРЕ НАУКИ, ТЕХНОЛОГИЙ И ИННОВАЦИЙ: СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД

ВВЕДЕНИЕ. В статье рассматриваются ключевые особенности права Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в сфере науки, технологий и инноваций с точки зрения вызовов Четвертой промышленной революции. Цель исследования заключается в анализе состояния правового регулирования научно-технологического сотрудничества государств – членов и выявлении возможных сценариев его развития.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. В ходе подготовки исследования использовались акты, составляющие право ЕАЭС, а именно международные договоры и документы (решения, распоряжения и рекомендации) органов Союза. Кроме этого, автор учитывал обобщения относительно уровня развития научно-технологической интеграции, сформулированные представителями экономической науки. Исследование основано на базе общенаучных методов познания (системный и структурный подходы, анализ и синтез, индукция и дедукция), а также специальных методов, используемых в юридической науке (сравнительно-правовой, историко-правовой и формально-догматический). Однако наиболее важным выступил системный подход, позволивший представить право ЕАЭС в качестве сложноорганизованного и многоуровневого комплекса.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. На основе проведенного анализа автор пришел к следующим исследовательским результатам. Право в сфере НТИ – подсистема права ЕАЭС как тако-

вого; предметом регулирования являются различные формы взаимодействия (координация, кооперация, интеграция). Анализируемый правовой комплекс представляет собой единство подсистемы первичного и вторичного права, причем первичное право отличается фрагментарностью. В свою очередь большое значение в регулировании научно-технологического сотрудничества принадлежит рекомендательным актам Евразийской экономической комиссии. Фактором развития права ЕАЭС в сфере НТИ на современном этапе является признание научно-технологического взаимодействия в качестве самостоятельного интеграционного направления.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. В ходе анализа автор обращался к дискуссионным моментам, высказанным в научной литературе относительно полноты правового регулирования научно-технологического сотрудничества и вариантов его дальнейшего совершенствования. К числу важнейших выводов исследования относится положение о необходимости дальнейшего совершенствования прежде всего договорной базы, а также устранения дисбаланса в регуляторной среде, означающего отставание уровня правового регулирования научно-технологического сотрудничества в энергетике по сравнению с правовым регулированием в сфере промышленности и АПК. В качестве принципов развития права ЕАЭС в сфере НТИ предложено: четкое следование правовой модели Союза; учет современных ин-

фраструктурных изменений, связанных с распространением цифровых платформ; сбалансированность первичного и вторичного права; учет усиления роли программного и стратегического регулирования; сочетание дифференциации и интеграции правовых режимов сотрудничества в сфере традиционных и новых исследований и разработок.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Евразийский экономический союз, право ЕАЭС, научно-технологическое сотрудничество, интеграционные процессы, Индустрия 4.0, инновационная система, программное регулирование.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Шугуров М.В. 2020. Право ЕАЭС в сфере науки, технологий и инноваций: системный подход. – *Московский журнал международного права*. № 3. С. 44–63. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2020-3-44-63>

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00780 («Модель правового регулирования научно-технологической и инновационной интеграции в рамках ЕАЭС и вызовы Четвертой промышленной революции»).

LAW OF INTERNATIONAL ORGANIZATIONS

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2020-3-44-63>

Mark V. SHUGUROV

Saratov State Law Academy,
1, Vol'skaya st., Saratov, Russian Federation, 410056
shugurovs@mail.ru
ORCID: 0000-003-3604-3961

Research article
Received 04.08.2020
Approved 28.08.2020

LAW OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION IN THE FIELD OF SCIENCE, TECHNOLOGY AND INNOVATION: A SYSTEMIC APPROACH

INTRODUCTION. *The article discusses the main features of law of the Eurasian Economic Union in field of science, technology and innovation (STI) from the point of view of new challenges of Industry-4.0. The purpose of present study is analysis of current legal regulation of science and technology interconnection of member states and revealing the possible scenarios of its developing.*

MATERIALS AND METHODS. *In the course of preparation of this study, there have been used the act constituting the Union's law, namely international treaties and documents (decisions, directions and recommendations) of institutional bodies. Additionally, author took into account the generalization of academic economists as to level of science and technology integration within the EAEU. This study is premised on using the general methods of cognition (systemic and struc-*

tural approaches, analysis and synthesis, deduction and induction) and methods of legal research (comparative, historical and formally-dogmatic). However, as most important has become the systemic approach allowing to understand the EAEU's law in appropriate field as a complicated and multi-level system.

RESEARCH RESULTS. *Based on conducted analysis, the author has come to following research findings. The law in field of STI is a subsystem of EAEU's law as such; subject matter of its regulation is a various forms of interconnection (coordination, cooperation and integration). Analyzed legal complex is unity of subsystems of primary and secondary law, while primary law is characterized by fragmentation. In turn, a great importance in regulating the science and technology interaction belongs to recommendatory acts of Eurasian economic commission. The factor of development of*

Union's law in regarded field at the current stage is the recognition of science and technology interaction in a kind of separate integrative direction.

DISCUSSION AN CONCLUSIONS. *The author has ascertained the controversial issues concerning the completeness of legal regulation of science and technology cooperation and mainstream of its further improvement. The treaty base is needed to be improved first of all. Additionally, removing the imbalance in regulatory environment that means the lag of level of legal regulation of science and technology cooperation in energy sector over regulation in area of industry and agriculture is already in great demand. As a principles of improvement of the Union's law in field of STI, author has suggested followings: strict adherence to legal model of the EAEU; taking into account the modern infrastructural trends closely connected with diffusion of digital platforms; equilibrium of primary and secondary law; increasing the role of program and strategic regulation; conjunction of differentiation and integration of legal regimes in area of traditional and emerging*

research and developments.

KEYWORDS: *Eurasian Economic Union, law of EAEU, science and technology cooperation, integrative processes, Industry 4.0, innovation system, program regulation.*

FOR CITATION: Shugurov M. V. Law of the Eurasian Economic Union in the Field of Science, Technology and Innovation: a Systemic Approach. – *Moscow Journal of International Law*. 2020. No. 3. P. 44–63. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2020-3-44-63>

The research was carried out with the financial support of the RFBR in the framework of research project No. 20-011-00780 ("Model of legal regulation of scientific, technological and innovative integration within the EAEU and challenges of the Fourth industrial revolution").

Введение

К одному из ключевых векторов интеграционного взаимодействия государств в рамках международных организаций региональной экономической интеграции относится научно-технологическое сотрудничество, тесно связанное с взаимодействием в сфере инноваций. Данная закономерность непосредственным образом характерна для Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС). Одной из важнейших задач, стоящих перед Союзом, является ускорение темпов научно-технологической и инновационной интеграции, ее углубление и расширение, а также разработка и реализация современных решений организационного и инфраструктурного характера. Все это приобретает особую актуальность в условиях перехода к Четвертой промышленной революции, предполагающей новый технологический базис экономики и одновременно детерминирующей необходимость совершенствования правового регулирования региональной научно-технологической и инновационной интеграции. Это предполагает разработку эффективных правовых средств и инструментов, обеспечение их взаимной связанности и непротиворечивости, не

говоря уже о всесторонней продуманности самой модели правового регулирования.

О том, что предстоит большая работа по развитию и укреплению правовой основы Союза в сфере науки, технологий и инноваций (далее – НТИ), свидетельствует существование серьезной проблемы, на которую в свое время указала Евразийская экономическая комиссия (далее – ЕЭК). Как отмечалось в ее первом докладе об интеграционных процессах в ЕАЭС, «в том, что касается реакции Союза на научно-технологический вызов, следует отметить, что она весьма ограничена, поскольку правовая основа для сотрудничества минимальна, интеграционные инструменты и механизмы не определены, Договор о Союзе содержит лишь отдельные фрагментарные нормы, но не предусматривает программу интеграции в этой области»¹. Следовательно, коренная проблема заключается во фрагментарности правовых основ. Как представляется, в настоящее время это дополняется отсутствием общего стратегического планирования и программного обеспечения научно-технологической интеграции в рамках ЕАЭС.

Важнейшей формой международного регионального сотрудничества является со-

¹ Доклад о реализации основных направлений интеграции в рамках Евразийского экономического союза. 2016. С. 24.

трудничество в научно-технологической сфере, которое «обеспечивает широкий диапазон знаний, ресурсов, оказания помощи в формировании потенциала для объединения ресурсов стран, участвующих в интеграционных альянсах; гарантирует эффективное развитие инновационных процессов и, как результат, усиливает конкурентоспособность стран» [Sopilko *et al.* 2018:616]. В литературе подчеркивается, что, поскольку межгосударственное научно-технологическое сотрудничество осуществляется на региональном уровне, его правовые аспекты требуют специального осмысления с позиции современной юридической науки [Абдуллин и др. 2019:22]. В нашем случае это предполагает выработку четких концептуальных представлений о праве ЕАЭС в сфере НТИ, основанных на обобщении существующего положения дел, а также направленных на прогнозирование развития правового регулирования, выявление его возможных сценариев, и, наконец, на выработку практических предложений. Все это составляет цель настоящей статьи.

Как и во всяком исследовании, важна исходная гипотеза, представляющая собой первичное теоретическое обобщение, которое требует своего подтверждения. В качестве гипотезы исследования выступает тезис о том, что, несмотря на фрагментарность, некоторые блоки данного правового комплекса уже функционируют, хотя в целом комплексное правовое регулирование научно-технологического сотрудничества и интеграции в рамках ЕАЭС находится в процессе своего становления, за которым должно последовать его развитие. С высказанной нами точкой зрения контрастирует существующее утверждение о том, что в ЕАЭС существует правовой вакуум в регулировании вопросов сотрудничества в сфере научных исследований и технологического развития [Дьяконова, Рахматуллина 2019:136].

Наиболее эвристически ценным для достижения цели статьи и проверки исследовательской гипотезы выступает системный подход. Это означает, что анализируемый правовой комплекс должен рассматриваться как достаточно обширная система с присущими для нее внутрисистемными закономерностями. В свою очередь она представляет собой подсистему права Союза как такового. Представленное исследование предполагает обращение ко всему кругу имеющихся

здесь правовых проблем и обоснование подходов к их решению.

1. Право ЕАЭС в сфере НТИ: природа и предназначение

Усиление значения правового регулирования сотрудничества государств – членов ЕАЭС в сфере НТИ, осуществляющегося по многообразным тематическим направлениям, является предпосылкой выделения в рамках права Союза вполне самостоятельной подсистемы. Ее следует концептуализировать как *право ЕАЭС в сфере НТИ*, предметом регулирования которого является сотрудничество не только государств – членов, но и сотрудничество субъектов научной, научно-технической и инновационной деятельности. Последние представлены юридическими лицами – предприятиями, научными организациями, университетами и т.д. Как таковое, право ЕАЭС в данной сфере – важнейший элемент нормативной среды, необходимой для технологической модернизации промышленности, сельского хозяйства, энергетики, транспорта и т.д., без чего достижение целей Союза невозможно. Следует полностью согласиться с подходом о том, что научно-технологическое сотрудничество является аспектом устойчивого экономического развития, способствующего улучшению условий жизни населения. Причем крайне необходимой является не двухсторонняя кооперация, а создание общего научно-технологического пространства, являющегося незаменимым элементом гуманитарного, информационного и промышленного сотрудничества в ЕАЭС [Андропова и др. 2018:119]. Иными словами, актуальным вопросом является развитие многостороннего сотрудничества в институциональной среде общего научно-технологического пространства. Причем, если исходить из концепции глобальной регионализации, отражающей возникновение новых полюсов современного мира [Lagutina 2014: 97-98], эффективно функционирующее научно-технологическое пространство следует расценивать как фактор весомости Союза в современной глобальной миросистеме.

В литературе высказывается вполне обоснованное утверждение о том, что «сфера НТИ изначально не входила в соглашение по экономической интеграции как самостоятельное направление межгосударственных инициатив»².

² Евразийская экономическая интеграция: перспективы развития и стратегические задачи для России. Доклад НИУ ВШЭ / отв. ред. Т.А. Мешкова. 2019. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. С. 58.

Однако, не являясь на первом этапе функционирования Союза (2015–2018 гг.) самостоятельным направлением, оно так или иначе воспринималось как «сквозной» аспект других направлений интеграционного взаимодействия, а именно сотрудничества в сфере промышленности, сельского хозяйства, транспорта, энергетики. В дальнейшем логика развития интеграционных процессов привела к тому, что в Декларации о дальнейшем развитии интеграционных процессов 2018 г., если судить по разделу 2 «Формирование “территории инноваций” и технологического прорыва»³, взаимодействие в рамках НТИ было признано в качестве одного из самостоятельных направлений интеграционных процессов.

Все это приводит к постановке фундаментального вопроса теоретического характера о сущностной характеристике интересующего нас права. Разумеется, ответ на данный вопрос предполагает учет результатов дискуссий о природе права ЕАЭС, в рамках которых высказана позиция о праве ЕАЭС как отражении международно-правовой модели интеграции [Капустин 2015; Ануфриева 2017; Петрова 2017; Соколова 2017; Perskaia 2018]. Действительно, анализируемый нами правовой комплекс во многом отражает логику функционирования и развития поля права Союза как такового, коррелирует его природе и отражает его модель. Но осуществление механической экстраполяции вряд ли допустимо. Здесь более верным представляется иной методологический ход, а именно – усмотрение «прорастания» первого во втором. Кроме этого, для права в сфере НТИ характерны не только общие, но и специфические моменты, которые подчас могут стать дополнительным аргументом в пользу корректировки матрицы права Союза в целом, что означает, например, создание условий для реализации потенциала наднациональных аспектов правового регулирования. Так, в литературе отмечается, что ЕАЭС заметно отстает от ЕС как в отношении автономии своего правового порядка, так и способности гарантировать эффективное функционирование организации [Karliuk 2017:60]. Представляется, что межправительственная модель архитектуры Союза рас-

считана прежде всего на обеспечение интересов государств – членов, но не на реализацию наиболее эффективных инструментов интеграции в ответ на вызовы глобальных мегатрендов.

В нашем случае нельзя также не обратиться к специфической характеристике общественных отношений, которые право ЕАЭС в сфере НТИ призвано регулировать. Родовым понятием, характеризующим эти отношения, является понятие «сотрудничество», а именно научно-технологическое и инновационное сотрудничество государств – членов, поскольку первое сегодня существует в неразрывной связке со вторым. Подобного рода сотрудничество осуществляется в разных формах – конкуренция, координация, коллаборация, кооперация, интеграция⁴. Не будем забывать и о содержательно-тематических формах международного научно-технического сотрудничества (совместные исследования и разработки, обмен научной информацией, передача технологий и т.д.).

В связи с тем, что взаимодействие в сфере НТИ осуществляется в интеграционном объединении государств, казалось бы, речь должна идти не столько о сотрудничестве в форме кооперации, сколько о сотрудничестве как интеграции. В последнем случае право ЕАЭС в рассматриваемой сфере должно квалифицироваться в качестве интеграционного права. Однако следует констатировать, что в терминологическом аппарате, используемом в правовых актах ЕАЭС разной юридической природы, относящихся к интересующей нас сфере, отсутствует терминологическая определенность. Подчас заметно одновременное использование понятий – взаимодействие, сотрудничество, координация, кооперация, интеграция. Акты первичного и вторичного права, как это будет продемонстрировано далее, стремятся урегулировать, подчас одновременно, разные формы взаимодействия. С нашей точки зрения, все это говорит не о терминологической путанице, а о реальном положении дел в научно-технологическом сотрудничестве государств – членов, а именно о стремлении планомерно развивать указанные формы сотрудничества при разумном исключении конкуренции.

³ Декларация о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза (Санкт-Петербург, 6 декабря 2018 г.). Доступ: <https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01420213/> (дата обращения: 18.05.2020).

⁴ Нечаева Е.К. 2017. Правовое регулирование научных исследований и технологического развития в рамках региональных интеграционных организаций (на примере Европейского Союза и Евразийского экономического союза) // Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Москва. С. 20–26.

Действительно, для того, чтобы сотрудничество приобрело форму интеграции, предполагающей наиболее тесное взаимодействие и объединение научно-технологических комплексов в одну систему, вначале необходимо развивать координацию, коллаборацию и кооперацию. Тем более это чрезвычайно важно в условиях, когда возникают новые направления НТИ, представляющие собой взаимный интерес. По мере развития и углубления кооперации и ее фазового перехода на стадию интеграции по одним направлениям могут возникать новые, еще не столь развитые кооперационные цепочки по другим направлениям. Все это вполне прослеживается, например, в принятии органами ЕАЭС решений о создании новых технологических платформ, которые дополняют перечень уже функционирующих технологических платформ. В результате возникает весьма мозаичная и постоянно обновляющаяся картина научно-технологического взаимодействия. Безусловно, каждая из форм последнего должна обрести свое правовое обеспечение.

Смысловой доминантой интересующего нас данного правового комплекса, конечно же, является направленность на обеспечение интеграционного, т.е. совместного научно-технологического развития государств – членов, что является наиболее эффективным способом ответа на современные глобальные технологические вызовы. Поскольку данные вопросы получили свое освещение в литературе [Шугуров 2020], в данной статье необходимо подчеркнуть, что для достижения этой цели используются привычные международно-правовые средства, например, принятие и выполнение международно-правовых обязательств, предусмотренных в международных договорах. На содействие выполнению этих обязательств, а также на их уточнение направлены акты вторичного права.

Осуществление анализа права ЕАЭС в сфере НТИ-интеграции ни в коем случае не должно быть оторвано от оценки реального положения дел в данном направлении интеграционных процессов. Последнее является предметом специальных научных исследований, выполненных, как правило, представителями экономической науки [Славнецкова, Мызрова 2016; Байдулин и др. 2016]. И это не случайно, ибо в соответствии

с интеграционным проектом ЕАЭС научно-технологическое сотрудничество – это составная часть экономической интеграции. Думается, что учет научных исследований, а также специальных аналитических разработок, которые демонстрируют состояние научно-технологического сотрудничества в ЕАЭС, успехи, сохраняющиеся барьеры, а также намечают дальнейшие перспективы, – важная отправная основа для исследования и понимания возникающих здесь правовых проблем.

Несмотря на достижение определенных результатов, в настоящее время констатируется факт незначительной интегрированности и своего рода «недоинтегрированности» государств – членов ЕЭС в рассматриваемой сфере. Об этом можно судить на основании того, что в настоящее время в полной мере не прослеживается реализация ряда фундаментальных признаков интеграции. Как отмечает Е.К. Нечаева, интеграция, присущая международным организациям интеграционного типа, характеризуется основными отличительными признаками, такими как формирование общего исследовательского пространства и осуществление общей или единой научно-технической политики участниками интеграции⁵. Безусловно, надежными индикаторами высокой степени интегрированности являются следующие: сформированность региональной инновационной системы; проведение согласованной научно-технологической политики; достаточно высокий уровень гармонизации национальных законодательств в научно-технической и инновационной деятельности и их согласованность с нормами регионального интеграционного права; коррелятивное соотношение национальных стратегий и приоритетов в сфере научно-технологического и инновационного развития; выполнение значимых интеграционных проектов. В ЕАЭС реализация перечисленных, а также других признаков, например, полное устранение барьеров и ограничений для трансграничного научно-технологического сотрудничества, а также функционирование общих органов управления научно-технологическим развитием отсутствует.

Следует ли из этого, что виной тому – фрагментарность интересующего нас правового комплекса? Мы полагаем, что здесь все наоборот:

⁵ Нечаева Е.К. 2017. Указ. соч. С. 27.

именно объективная «недоинтегрированность», т.е. отсутствие перехода взаимодействия государств – членов в рассматриваемой области к определенному новому качественному состоянию, является причиной указанной правовой фрагментарности. Поэтому движущим фактором дальнейшего развития интеграционных процессов в сфере НТИ и его системного правового регулирования является реализация мер и инициатив, исходящих от государств – членов, органов Союза и субъектов научно-технической деятельности по развитию практического взаимодействия в данной области интеграционных процессов.

2. Подсистема договорных правовых основ научно-технологической интеграции

Осью права ЕАЭС в сфере НТИ являются положения учредительного Договора о ЕАЭС⁶. В научных работах, которые посвящены анализу правового регулирования научно-технологической интеграции в ЕАЭС, нашла свое отражение общая позиция относительно правового характера данного закрепления. Как отмечает Е.К. Нечаева, «сотрудничество в сфере научных исследований и технологического развития прямо не отнесено к компетенции Евразийского экономического союза, но вместе с тем возможность для расширения предметной компетенции Союза предусмотрена Договором о ЕАЭС»⁷. Сходной позиции придерживается Н.А. Соколова, отмечая, что «научно-технический прогресс является фактором, порождающим более тесное межгосударственное сотрудничество в форме межгосударственной интеграции. Договор о Евразийском экономическом союзе, в принципе, содержит программные положения в пользу возможности интеграции по научно-технологическим вопросам» [Соколова 2019:154]. С точки зрения А.О. Четверикова, интеграция в сфере науки, как и интеграция в сфере образования и молодежной политики, не входит в компетенцию ЕАЭС согласно учредительному Договору, однако в дальнейшем может войти в данную компе-

тенцию посредством других международных договоров» [Четвериков 2014:120].

Указанный общий подход имеет под собой определенные основания. Во время подготовки Договора со стороны российских и белорусских экспертов высказывались предложения о включении в него отдельной статьи, посвященной научно-технологическому сотрудничеству. Но из-за позиции Казахстана статья 104 «О сотрудничестве в области науки, в технической и космической сферах» проекта Договора была исключена, как, впрочем, были исключены – ст. 101 «Сотрудничество в сфере образования», ст. 103 «Сотрудничество в сфере культуры» и т.д., входившие в часть 4 «Сотрудничество и взаимодействие государств – членов в других областях»⁸. Позиция Казахстана заключалась в том, что новое интеграционное объединение должно ограничиться главным образом вопросами экономической интеграции, хотя эта позиция и не была абсолютно ригористической.

Несмотря на то, что согласно Договору о ЕАЭС сотрудничество в сфере НТИ не рассматривается как самостоятельное направление интеграции, его вполне можно рассматривать как вспомогательное, к тому же отличающееся «сквозным», т.е. кроссотраслевым характером. Это означает, что оно призвано обеспечить реализацию других направлений и одновременно является их аспектом. Поэтому вопросам правового регулирования НТИ-сотрудничества посвящены отдельные положения Договора, касающиеся интеграционного взаимодействия в различных сферах.

Значительное количество положений, посвященных научной, технологической и инновационной кооперации, содержится в Разделе XXIV «Промышленность». Это далеко не случайно, так как одна из целей ЕАЭС – инновационная модернизация экономики, прежде всего обрабатывающего производства. В настоящее время научно-техническая и инновационная деятельность стала неотъемлемым звеном промышленной политики. В п. 4 ст. 92 к развитию инноваций в экономике прямо отнесены такие меры, как

⁶ Договор о Евразийском экономическом союзе (Астана, 29 мая 2014 г.) (ред. от 15.03.2018 г.). Доступ: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения: 10.06.2020).

⁷ Нечаева Е.К. 2017. Указ. соч. С. 31.

⁸ Проект Договора о ЕАЭС (12.02.2014). Доступ: http://old.economy.gov.ru/minec/about/structure/depSNG/doc20140212_1 (дата обращения: 21.06.2020).

развитие технологических и информационных ресурсов для целей промышленного сотрудничества (подп. 6 п. 4 ст. 92), проведение совместных научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок с целью стимулирования высокотехнологичных производств (подп. 7 п. 4 ст. 92). Далее следует указание на формирование технологических платформ и промышленных кластеров в целях достижения современного уровня технологического развития приоритетных отраслей.

Составной частью согласованной стратегии развития АПК является нацеленность на обеспечение продовольственной безопасности и переход к более полному импортозамещению и увеличению объема экспорта, а также намеченный выпуск продукции с высокой добавленной стоимостью, т.е. выпуск высокотехнологичной продукции. Модернизация и развитие сельскохозяйственного научного и технологического потенциала государств ЕАЭС предполагает, с одной стороны, проведение согласованной сельскохозяйственной политики и гармонизацию нормативно-правовой базы, а во-вторых, формирование совместной научно-технологической инфраструктуры. Поэтому значительное внимание в Договоре уделено научно-технологическому сотрудничеству государств – участников в рамках проведения согласованной агропромышленной политики (Раздел XXV «Агропромышленный комплекс»). Для решения задач согласованной агропромышленной политики в п. 6.1 ст. 95 «Основные направления согласованной (скоординированной) агропромышленной политики и меры государственной поддержки сельского хозяйства» указано научное и инновационное развитие агропромышленного комплекса. В ряду направлений (прогнозирование в агропромышленном комплексе, государственная поддержка сельского хозяйства, регулирование общего аграрного рынка и т.д.) упоминается научное и инновационное развитие агропромышленного комплекса (подп. 6 п. 1 ст. 95).

Если обратиться к Разделу XX «Энергетика» Договора о ЕАЭС (ст. 79–85), то можно видеть отсутствие специальных положений о научно-технологическом и инновационном сотрудничестве. В п. 1(3) ст. 79 «Взаимодействие государств – членов в сфере энергетики» в качестве одного из

основных принципов проведения долгосрочного взаимовыгодного сотрудничества в сфере энергетики указывается отсутствие барьеров в сфере торговли не только энергетическими ресурсами, но и соответствующим оборудованием, технологиями и связанными с ними услугами. Следовательно, развитие энергетических технологий Договором прямо не предусматривается.

В ст. 86 «Скоординированная (согласованная) транспортная политика» Раздела XXI «Транспорт» Договора проблематика научно-технологического и инновационного сотрудничества поднимается лишь в самой общей форме. Так, в п. 2(7) данной статьи в качестве одной из задач скоординированной (согласованной) политики выступает снижение вредного воздействия транспорта на окружающую среду и здоровье человека, тогда как в п. 3 этой же статьи в качестве одного из приоритетов скоординированной политики указано развитие науки и инноваций в сфере транспорта. Ясно, что здесь непосредственно не предусматривается сотрудничество в данной сфере исследований и разработок, но из приведенного положения ясно следует, что политика государств – членов по развитию науки и инноваций в транспортной сфере должна быть согласованной. В Протоколе о скоординированной (согласованной) транспортной политике (Приложение № 24 к Договору о ЕАЭС) данные вопросы не затрагиваются.

К договорной базе интересующей нас сферы сотрудничества можно отнести договоры по отраслевым направлениям интеграционного взаимодействия, которые содержат соответствующие положения. Укажем на принятое 25 октября 2019 г. Соглашение о мерах, направленных на унификацию проведения селекционно-племенной работы с сельскохозяйственными животными в рамках Евразийского экономического союза⁹. В ст. 4 Соглашения предусматриваются полномочия Евразийского межправительственного совета по координации и аналитическому обеспечению селекционно-племенной работы, которая проводится в государствах – членах в целях разработки и внедрения инновационных технологий. Таким образом здесь речь идет преимущественно о внедрении данных технологий на базе учреждений государств – членов, которые определяются Межправительственным советом.

⁹ Соглашение о мерах, направленных на унификацию проведения селекционно-племенной работы с сельскохозяйственными животными в рамках Евразийского экономического союза (Москва, 25 октября 2019 г.). Доступ: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01423638/itia_29102019 (дата обращения: 24.06.2020).

Однако такая форма сотрудничества, как совместные исследования и разработки, не рассматривается. Правда, предусмотрена такая форма сотрудничества, как обмен информацией о племенных животных и селекционных достижениях (ст. 5).

Определенный интерес в разрезе предмета нашей статьи вызывает Соглашение о трансграничном перемещении опасных отходов по таможенной территории ЕАЭС, принятое 9 августа 2019 г.¹⁰ Данное Соглашение предусматривает контроль и надзор при перемещении опасных отходов по таможенной территории ЕАЭС при осуществлении взаимной торговли государств – членов. В дополнение к этому оно призвано содействовать выполнению международных обязательств государств – членов по Базельской конвенции о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением 1989 г.¹¹ Как известно, ст. 10 Базельской конвенции предусматривается сотрудничество государств по разработке и применению новых, экологически обоснованных технологий, совершенствованию имеющихся технологий, которые являются основой экологически обоснованного использования опасных отходов, а также сотрудничество в сфере ликвидации производства данного рода отходов. В Соглашении же ЕАЭС данного рода положения отсутствуют. Несомненно, что в процессе его реализации подобного рода вопросы так или иначе возникнут перед государствами – членами. Тем более, что это вполне соответствует курсу на разработку технологий по охране окружающей среды, которые, как мы покажем ниже, входят в перечень приоритетных направлений научно-технологического сотрудничества государств – членов. Сказанное позволяет понять, что стратегический курс на вхождение в Четвертую промышленную революцию одновременно включает в себя совместные усилия государств –

членов в сфере разработки и передачи экологически чистых технологий [Shugurov 2018]. Все это вполне объяснимо тем, что новая индустриализация в рамках современной парадигмы общественного развития понимается как составная часть перехода к устойчивому развитию. Как известно, цели последнего закреплены в тематическом документе ООН¹².

Аналогичные выводы можно сделать и в отношении Соглашения о перемещении озоноразрушающих веществ и содержащей их продукции и учете озоноразрушающих веществ при осуществлении взаимной торговли государств – членов ЕАЭС 2015 г., вступившего в силу 1 февраля 2019 г.¹³ В преамбуле Соглашения государства – члены выразили данного Соглашения приверженность принципам выполнения своих международных обязательств, которые предусмотрены Венской конвенцией об охране озонового слоя 1985 г.¹⁴, а также обязательств, вытекающих из Монреальского протокола по веществам, разрушающим озоновый слой, 1987 г.¹⁵ Напомним, что обязательства по осуществлению различных форм научно-технического сотрудничества предусмотрены в ст. 4 Венской конвенции об охране озонового слоя и ст. 9 Монреальского протокола по веществам, разрушающим озоновый слой.

Таким образом, договорная база в части регулирования сотрудничества в сфере НТИ достаточно фрагментарна. К обсуждению возможных сценариев ее развития мы обратимся в п. 5 нашей статьи.

3. Подсистема вторичного права ЕАЭС в сфере регулирования отраслевой научно-технологической интеграции

В ситуации установленных пробелов в рамках договорных международно-правовых основ научно-технологической интеграции ЕАЭС впол-

¹⁰ Соглашение о трансграничном перемещении опасных отходов по таможенной территории ЕАЭС (Чолпон-Ата, 9 августа 2019 г.). Доступ: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01422722/itia_12082019 (дата обращения: 28.06.2020).

¹¹ Базельская конвенция о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением 1989 г. Доступ: <http://www.basel.int/Portals/4/Basel%20Convention/docs/text/BaselConventionText-r.pdf> (дата обращения: 01.07.2020).

¹² Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. Док. ГА ООН А/RES/70/1 (21 октября 2015 г.). Доступ: https://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/70/1&Lang=R (дата обращения: 12.09.2020).

¹³ Соглашение о перемещении озоноразрушающих веществ и содержащей их продукции и учете озоноразрушающих веществ при осуществлении взаимной торговли государств – членов ЕАЭС (Бурубай, 29 мая 2015 г.). Доступ: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0147901/itia_02062015 (дата обращения: 08.07.2020).

¹⁴ Венская конвенция об охране озонового слоя 1985 г. Доступ: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/ozone.shtml (дата обращения: 07.07.2020).

¹⁵ Монреальский протокол по веществам, разрушающим озоновый слой, 1987 г. Доступ: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/montreal_prot.shtml (дата обращения: 15.07.2020).

не естественно обратиться к анализу еще одной подсистемы в рамках права ЕАЭС в сфере НТИ. Она представлена актами вторичного права, а именно актами органов ЕАЭС. Напомним, что согласно п. 1 ст. 6 Договора о ЕАЭС в право Союза входят не только международные договоры в рамках Союза и международные договоры Союза с третьей стороной, но и решения органов Союза – Высшего Евразийского экономического совета, Евразийского межправительственного совета и Евразийской экономической комиссии, которые приняты в рамках их полномочий.

В литературе можно встретить тезис о том, что до настоящего времени практически единственным документом ЕАЭС, который непосредственно затрагивает вопросы интеграции в сфере науки, технологий и инноваций является Распоряжение Совета ЕЭК от 16 октября 2016 г. № 32 «О формировании приоритетных Евразийских технологических платформ» [Дьяконова, Рахматуллина 2019: 136]. На наш взгляд, это заметное упрощение положения дел. Необходимость обоснования такой констатации побуждает заняться исследованием достаточно сложной конфигурации подсистемы вторичного права ЕАЭС в сфере НТИ.

В качестве первого блока рассматриваемой подсистемы выделим акты, в которых закрепляются приоритетные направления НТИ-сотрудничества в целом. В детальном виде данные направления раскрываются, например, в Приложении к Рекомендации Комиссии ЕЭК от 28 февраля 2017 г. № 5. Перечень включает в качестве приоритетов разработку новых лекарственных препаратов, развитие ресурсо- и энергосберегающих технологий, биотехнологий, технологий охраны окружающей среды, клеточных технологий. Все это учитывает самые современные тенденции технологического развития: в качестве одного из приоритетов в п. 10 выделено развитие систем числового программного управления для высокотехнологичных средств

производства (станков, промышленных роботов и т.д.). В дополнение к этому в п. 11 выделена разработка средств производства (в том числе продукции станкостроительной отрасли), которые соответствуют требованиям и технологическим стандартам Индустрии-4.0. С нашей точки зрения, рассматриваемый перечень явно нуждается во включении в него в качестве приоритетного направления развитие широкого спектра цифровых технологий (облачных вычислений, искусственного интеллекта, технологий больших данных т.д.).

Второй блок представлен многочисленными актами, в которых детализируется порядок научно-технологического взаимодействия в рамках отраслевого сотрудничества. Как бы то ни было, большинство актов, нацеленных на стимулирование научно-технологической интеграции в конкретной научно-технологической области, имеют рекомендательный характер. Их роль, как представляется, заключается в содействии выполнению положений актов, входящих в право Союза, конкретизации направлений сотрудничества и, что самое главное, – в стимулировании сотрудничества как самих государств, так и предприятий, учреждений и организаций, находящихся в их юрисдикции.

Суть Рекомендации Коллегии ЕЭК № 30 от 13 декабря 2017 г. «О развитии кооперационного сотрудничества государств – членов ЕАЭС в сфере производства продукции цветной металлургии»¹⁷ сводится к побуждению указанных предприятий к тому, чтобы они в рамках развития кооперации осуществляли совместное производство инновационной продукции на основе имеющихся современных технологий, которыми они располагают. Аналогичная формулировка содержится в п. в) ст. 1 Рекомендации Коллегии ЕЭК от 14 октября 2019 г. № 30 «О развитии кооперационного сотрудничества государств – членов ЕЭК в сфере судостроения и производства судового комплектующего оборудования»¹⁸.

¹⁶ Приложение к Рекомендации Комиссии ЕЭК от 28 февраля 2017 г. № 5 «Перечень приоритетных направлений сотрудничества государств-членов ЕАЭС в целях ускорения технологической модернизации и повышения инновационной активности организаций государств – членов с учетом прикладных и фундаментальных исследований, проводимых государствами-членами. Доступ: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01417291/clcr_02032017_5 (дата обращения: 23.05.2020).

¹⁷ Рекомендация Коллегии ЕЭК от 13 декабря 2017 г. № 30 «О развитии кооперационного сотрудничества государств – членов ЕАЭС в сфере производства продукции цветной металлургии». Доступ: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01417995/clcr_15122017_30 (дата обращения: 23.05.2020).

¹⁸ Рекомендация Коллегии ЕЭК от 14 октября 2019 г. № 30 «О развитии кооперационного сотрудничества государств – членов ЕЭК в сфере судостроения и производства судового комплектующего оборудования». Доступ: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01425034/clcr_17102019_30 (дата обращения: 24.05.2020).

В ЕАЭС акцент ставится на использовании, освоении новых технологий и их дальнейшего распространения не только в тяжелой, но и в легкой промышленности в форме совместных проектов на базе объектов инновационной инфраструктуры инжиниринговых центров, технопарков, бизнес-инкубаторов и т.д. Особенностью Приложения № 1 «Перечень перспективных направлений исследований и разработок в сфере легкой промышленности, а также научных организаций и предприятий, их осуществляющих» к Рекомендации ЕЭК № 28 от 13 декабря 2016 г.¹⁹ является указание на разработку и внедрение эффективных и экологически чистых технологий отделки тканевых материалов, а также ресурсосберегающих и энергосберегающих технологий окраски и отделки тканей.

Как мы уже отмечали выше, сотрудничество государств в сфере АПК означает проведение согласованной агропромышленной политики, а также реализацию совместных проектов, в том числе в научно-технической сфере. Весьма важным представляется формирование согласованных подходов по поддержке наиболее перспективных сельскохозяйственных исследований и разработок, а также рациональный выбор тем и направлений научно-технологического взаимодействия. Ключевое значение для кооперации организаций государств ЕАЭС в сфере сельскохозяйственных НИОКР имеет такой нормативный правовой акт, как Порядок организации совместных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в агропромышленном комплексе, который утвержден Решением Евразийского межправительственного совета от 26 мая 2017 г. № 1²⁰. В нем предусматривается организационно-правовой механизм взаимодействия государств – членов и ЕЭК в процессе реализации совместных НИОКР. На наш взгляд, это

ключевой документ, устанавливающий правовые рамки НТС-сотрудничества ЕАЭС в сфере АПК. Внимание к указанным НИОКР и технологиям обусловлено политикой диверсификации сельскохозяйственного производства и экспорта.

В свою очередь важную ориентирующую роль выполняет рекомендательный Перечень перспективных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в сфере агропромышленного комплекса государств – членов ЕАЭС, содержащийся в приложении к Рекомендации Коллегии ЕЭК № 14 от 8 июля 2015 г.²¹ Данный перечень преследует своей целью эффективное использование научного потенциала, развитие и углубление сотрудничества государств – членов ЕАЭС в научной и инновационных областях. Перечень, предусматривающий четырнадцать приоритетных тем сотрудничества, призван стать важным инструментом осуществления совместной научно-исследовательской деятельности, а также разработки механизмов проведения совместных научных исследований в рассматриваемой сфере. Коллегия ЕЭК рекомендовала использовать данный перечень как основу координации в процессе осуществления совместной научной и инновационной деятельности в сфере АПК²². Общим контекстом здесь выступает переход к инновационной модели сельского хозяйства при разумеющейся сбалансированности с обеспечением занятости в контексте повышения конкурентоспособности данного сектора.

Нельзя также не отметить, что существует целый ряд рекомендаций Коллегии, приложения к которым представляют собой перечень мер, специально направленных на развитие сотрудничества государств – членов в конкретных секторах АПК. В данных перечнях в большинстве случаев предусматриваются меры по развитию научно-технического сотрудничества: обмен опытом,

¹⁹ Рекомендация ЕЭК от 13 декабря 2016 г. № 28 «О реализации совместных проектов по освоению и применению государствами – членами ЕАЭС новых технологий в легкой промышленности». Приложение 1: Перечень перспективных направлений исследований и разработок в сфере легкой промышленности, а также научных организаций и предприятий, их осуществляющих. Доступ: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01414486/clcr_15122016_28 (дата обращения: 15.07.2020).

²⁰ Решение Евразийского межправительственного совета от 26 мая 2017 г. № 1 «О порядке организации совместных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в агропромышленном комплексе». Приложение: Порядок организации совместных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в агропромышленном комплексе. Доступ: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01414615/icd_29052017_1 (дата обращения: 29.05.2020).

²¹ Рекомендация Коллегии ЕЭК № 14 «О перечне перспективных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в сфере агропромышленного комплекса государств – членов ЕАЭС до 2020 г.». Доступ: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0148046/clco_09072015_14. (дата обращения: 11.07.2019).

²² Рекомендация Коллегии ЕЭК от 13 декабря 2016 г. № 25 «О координации совместной научной и инновационной деятельности государств – членов ЕАЭС в сфере агропромышленного комплекса». Доступ: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01414525/clco_15122016_25 (дата обращения: 02.06.2020).

проведение отраслевых исследований в форме совместных проектов, разработка и внедрение инновационных технологий, а также подготовка и переподготовка кадров²³.

Развитие положений Договора о ЕАЭС, в которых затрагиваются вопросы научно-технического и инновационного сотрудничества в транспортной сфере, можно увидеть в «Основных направлениях и этапах скоординированной (согласованной) транспортной политики государств – членов ЕАЭС», утвержденных Решением Высшего Евразийского экономического совета от 26 декабря 2016 г. № 19²⁴. В данном документе в число направлений сотрудничества отнесено установление связи между кооперационными проектами по развитию объектов индустриально-инновационной инфраструктуры (промышленных кластеров, индустриальных парков и технопарков) с планируемыми и реализуемыми в государствах – членах национальными проектами по созданию объектов транспортной инфраструктуры. В свою очередь здесь можно увидеть конкретизацию положения п. 3(7) ст. 86 «Скоординированная (согласованная) транспортная политика» Договора. В частности, в содержание данного приоритета включено планирование и проведение совместных исследований в целях разработки и внедрения инновационных технологий и интеллектуальных транспортных систем, энергосберегающих и зеленых технологий, информационных технологий организации перевозок, беспилотных транспортных средств. Во многом это вполне соответствует тенденциям Четвертой промышленной революции. Тем бо-

лее об этом свидетельствует планируемое формирование на программной основе цифровых платформ экосистемы цифровых коридоров²⁵.

В современных условиях особое значение начинают приобретать инновационные инфраструктурные решения в организации научно-технологического сотрудничества. Более того, создание инфраструктуры сотрудничества, например, совместных технопарков, кластеров и т.д. становится самостоятельным предметом сотрудничества в рассматриваемой сфере, которое тесно соприкасается с сотрудничеством по использованию опыта наилучших инфраструктурных решений применительно к процессам формирования национальных инновационных систем²⁶. Их создание и функционирование предусматривается в актах первичного и вторичного права Союза.

Важными объектами инновационной инфраструктуры, которые обеспечивают эффективную коммуникацию разработчиков перспективных технологий и их пользователей, являются Евразийские технологические платформы (далее – ЕТП). Правовым актом, на основании которого была запущена совместная работа национальных правительств государств – членов и ЕЭК по формированию ЕТП, выступило Распоряжение Евразийского межправительственного совета № 11 от 29 мая 2015 г. «О формировании Евразийских технологических платформ»²⁷. Положение о формировании и функционировании ЕТП было утверждено Решением Евразийского межправительственного совета № 2 от 13 апреля 2016 г. (Москва) «Об ут-

²³ Рекомендация Коллегии ЕЭК от 18 сентября 2018 г. № 18 «О развитии сотрудничества государств – членов ЕАЭС в сфере производства масляничных культур и масложировой продукции». Приложение «Перечень мер по развитию сотрудничества государств – членов ЕАЭС в сфере производства масляничных культур и масложировой продукции», Раздел II. Доступ: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01418886/clcr_20092018_18 (дата обращения: 19.07.2020); Рекомендация Коллегии ЕЭК от 28 ноября 2018 г. № 26 «О развитии сотрудничества государств – членов ЕАЭС в сфере производства мяса птицы и продукции его переработки». Приложение «Перечень мер по развитию сотрудничества государств – членов ЕАЭС в сфере производства мяса птицы и продукции его переработки», п. 2(г) Раздела II. Доступ: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01420109/clcr_30112018_26 (дата обращения: 19.07.2020).

²⁴ Решение Высшего евразийского экономического совета от 26 декабря 2016 г. № 19 «Об основных направлениях и этапах скоординированной (согласованной) транспортной политики государств – членов ЕАЭС». Приложение: Основные направления и этапы скоординированной (согласованной) транспортной политики государств – членов ЕАЭС. Доступ: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01415043/scd_11042017_19 (дата обращения: 24.07.2020).

²⁵ Распоряжение Евразийского межправительственного совета от 31 января 2020 г. № 14 «О формировании цифровых транспортных коридоров ЕАЭС». Доступ: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01425804/err_03022020 (дата обращения: 21.05.2020).

²⁶ Рекомендация Коллегии ЕЭК от 27 декабря 2016 г. № 37 «О распространении наилучших практик создания и обеспечения функционирования объектов индустриально-инновационной инфраструктуры государств – членов ЕАЭС». Доступ: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01314494/clcr_29122016_37 (дата обращения: 17.06.2020).

²⁷ Распоряжение Евразийского межправительственного совета № 11 от 29 мая 2015 г. «О формировании Евразийских технологических платформ». Доступ: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0147893/ico_02062015_11 (дата обращения: 14.06.2020).

верждении Положения о формировании и функционировании евразийских технологических платформ»²⁸. Обращает на себя внимание, что Положение разработано на основе ст. 92 Договора о ЕАЭС и положений Основных направлений промышленного сотрудничества в рамках ЕАЭС до 2020 г. Как следует из п. 4 Положения, цель ЕТП – повышение эффективности кооперационного взаимодействия всех заинтересованных сторон для взаимовыгодного инновационного развития национальных промышленных комплексов, мобилизация научного потенциала государств – членов для совместного решения прикладных задач по разработке инновационных продуктов и технологий с последующим их внедрением в производство.

Важным инфраструктурным объектом в сфере промышленной кооперации выступает Евразийский инжиниринговый центр по станкостроению. Правовой основой его создания является подп. 4 п. 4 и подп. 2 и 4 п. 9 ст. 92 Договора о ЕАЭС. Как отмечается в Концепции создания Инжинирингового центра²⁹, его деятельность направлена на формирование инновационных решений в производственных процессах в целях обеспечения содействия переходу станкостроительной отрасли к новому технологическому укладу («цифровую промышленность»), а также на развитие конструкторско-технологического потенциала государств – членов. И, наконец, на основе Решения Евразийского межправительственного совета от 30 апреля 2019 г. № 2 «О реализации проекта “Евразийская сеть промышленной кооперации, субконтрактации и трансфера технологий”»³⁰ стала функционировать Сеть, являющаяся важнейшим механизмом для цифровой трансформации промышленности.

4. Программно-проектные рамки научно-технологической и инновационной интеграции ЕАЭС: правовые основы

К одному из перспективных организационно-правовых инструментов осуществления научно-технологического сотрудничества на региональном уровне относятся программы и проекты, которые должны иметь прочную правовую основу, обеспечивающую четкий порядок их разработки и реализации, что в свою очередь позволит добиться эффективных результатов. В частности, на сегодняшний день можно видеть сформировавшуюся правовую базу, положения которой регулируют совместную проектную деятельность. В Распоряжении Совета ЕЭК от 18 января 2019 г. № 1 «О перспективных интеграционных проектах в ЕАЭС»³¹ признано вполне целесообразным осуществлять проработку перспективных интеграционных проектов, направленных на углубление интеграционного сотрудничества; поддержку предпринимательской инициативы, обеспечение выгод для граждан и бизнеса; разработку интеграционных инициатив в проектном формате, предусматривающем участие, как правило, всех, но не менее трех государств – членов, а также хозяйствующих субъектов государств – членов.

В связи с тем, что научно-технологическое сотрудничество в ЕАЭС имеет отраслевой характер, разработка программ и проектов с научно-технологической составляющей предусмотрена в положениях специальных актов. Данные положения вполне могут рассматриваться как одна из подсистем права ЕАЭС в сфере НТИ-сотрудничества.

Согласно Положению о разработке, финансировании и реализации межгосударственных

²⁸ Решение Евразийского межправительственного совета № 2 от 13 апреля 2016 г. «Об утверждении Положения о формировании и функционировании евразийских технологических платформ». Доступ: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01410052/icd_14042016_2 (дата обращения: 16.06.2020).

²⁹ Решение Евразийского межправительственного совета от 13 апреля 2016 г. № 1 «О Концепции создания Евразийского инжинирингового центра станкостроения». Доступ: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01410056/icd_15042016_1 (дата обращения: 24.06.2020).

³⁰ Решение Евразийского межправительственного совета от 30 апреля 2019 г. № 2 «О реализации проекта “Евразийская сеть промышленной кооперации, субконтрактации и трансфера технологий”». Доступ: <http://docs.cntd.ru/document/554459352> (дата обращения: 21.07.2020).

³¹ Распоряжение Совета ЕЭК от 18.01.2019 г. № 1 «О перспективных интеграционных проектах в ЕАЭС». Доступ: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01420773/cnco_22012019_1 (дата обращения: 28.05.2020).

программ и проектов в промышленной сфере³², разработанному в целях реализации подпункта 4.4.3 «Основных направлений промышленного сотрудничества в рамках ЕАЭС», промышленное сотрудничество участников соответствующих программ (проектов) включает в себя научно-техническое и инновационное сотрудничество. Так, важнейшим требованием к программам и проектам выступает принципиальная новизна и перспективность технических, организационных и иных решений, которые необходимы для широкого распространения инноваций и повышения конкурентоспособности промышленной продукции (п. 7(6)). Кроме этого, в ежегодном отчете о результатах реализации программы (проекта) должны содержаться сведения о результатах научно-исследовательских работ и внедрении соответствующих научно-технологических и инновационных разработок, а также сведения об их эффективности.

К существенной части программного обеспечения НТИ-сотрудничества следует отнести программы формирования отраслевых рынков, утверждаемые Высшим евразийским экономическим советом. Полагаем, что НТИ-сотрудничество является одним из аспектов этих программ по той причине, что общие рынки нацелены на беспрепятственное движение не только товаров, услуг, рабочей силы, капитала, но и технологий. Так, формирование условий для функционирования общего рынка газа предусматривает Программа формирования общего рынка газа ЕАЭС³³. В свою очередь она предполагает проведение разнообразных мероприятий, в том числе технологического характера, которые планируются к проведению в рамках совместных проектов в газовой отрасли (п. 59), в том числе по обмену технической информацией (п. 26). Однако специальные положения о сотрудничестве в сфере НТС в газовой сфере в целом отсутствуют. Аналогичная ситуация характерна для соответствующих программ и концептуальных документов в сфере формирования общего рынка

электроэнергии, а также общего рынка нефти и нефтепродуктов.

К сожалению, общие и отраслевые межгосударственные программы в сфере научно-технологического сотрудничества не разработаны. Однако налицо процесс разработки отраслевых программ. В качестве полностью разработанной выступает Межгосударственная программа «Интегрированная система государств – членов ЕАЭС по производству и предоставлению космических и геоинформационных продуктов и услуг на основе национальных источников данных дистанционного зондирования Земли (ДЗЗ)». 13 июля 2020 г. Совет ЕЭК одобрил проект решения Евразийского межправительственного совета в отношении данной программы³⁴. Она предусматривает решение проблемы низкого уровня технологических разработок и расширение внедрения космических и геоинформационных технологий в экономику государств – членов ЕАЭС. Продвижение промышленного и инновационного развития данных технологий в рамках Программы предполагает целый перечень мероприятий, ряд из которых имеет научно-исследовательский (например, НИР «Обоснование проектного облика интегрированной космической системы ДЗЗ государств – членов ЕАЭС») и опытно-конструкторский (модернизация аппаратно-программных комплексов приема данных национальных операторов космических систем ДЗЗ) характер.

Подтверждение необходимости реализации государствами – членами ЕАЭС совместных программ и масштабных высокотехнологичных проектов, которые способны стать символами евразийской интеграции, а также необходимости объединения усилий государств – членов для стимулирования проведения совместных научно-исследовательских работ, можно найти в разделе 2 «Формирование “территории инновации” и стимулирование научно-технологических прорывов» Декларации 2018 г. о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках ЕАЭС.

³² Евразийский межправительственный совет. Решение № 1 от 2 февраля 2018 г. «Об утверждении Положения о разработке, финансировании и реализации межгосударственных программ и проектов в промышленной сфере». Доступ: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01416877/icd_05022018_1 (дата обращения: 04.07.2020).

³³ Программа формирования общего рынка газа ЕАЭС (утв. Решением Высшего Евразийского экономического совета от 6 декабря 2018 г.). Доступ: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01422604/scd_07122018 (дата обращения: 08.06.2020).

³⁴ Распоряжение Коллегии ЕЭК от 28 апреля 2020 г. № 54 «О проекте решения Совета ЕЭК о проекте решения Евразийского межправительственного совета «О межгосударственной программе «Интегрированная система государств – членов ЕАЭС по производству и предоставлению космических и геоинформационных продуктов и услуг на основе национальных источников данных дистанционного зондирования Земли». Доступ: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01225467/err_30042020_54 (дата обращения: 01.05.2020).

В качестве сфер реализации кооперационных проектов с интеграционной составляющей выделены – сельскохозяйственное производство и машиностроение, автомобилестроение, станкостроение, авиастроение и космическая деятельность, легкая промышленность и т.д. В Декларации перечисляются весьма многочисленные направления разработок – «зеленые» технологии, технологии энергоэффективности и энергосбережения, технологии возобновляемых источников энергии, био- и нанотехнологии и др., что вполне обоснованно можно рассматривать в качестве развития Перечня приоритетных направлений сотрудничества государств – членов ЕАЭС в целях ускорения технологической модернизации и повышения инновационной активности организаций государств – членов с учетом прикладных и фундаментальных исследований, проводимых государствами – членами.

Как следует из приведенного анализа, в ЕАЭС постепенно разрабатываются и вводятся в действие отраслевые программы, в рамках которых предусматривается кооперация в сфере НТИ. Формирование общей программы в сфере исследований и разработок по аналогии с программой ЕС «Горизонт-2020» могло бы существенным образом укрепить потенциал научно-технологического и инновационного сотрудничества и развития в рамках ЕАЭС. Научно-технологическое сотрудничество осуществляется также в совместных отраслевых проектах. Думается, что достаточно перспективной могла бы стать реализация специальных проектов в сфере исследований и разработок в рамках отраслевых и общих научно-исследовательских программ.

5. Перспективы развития правовой базы интеграционных процессов в сфере науки, технологий и инноваций

Как мы уже отмечали в начале статьи, новизна момента состоит в том, что согласно воле государств – участников Союза взаимодействие в сфере НТИ начинает «собираться» из отдельных, своего рода отраслевых, секторов в целостное явление в рамках евразийской интеграции. Со своей стороны, данные процессы детерминируют развитие архитектуры права ЕАЭС в сфере науки, технологий и инноваций.

В экспертно-аналитических кругах в свое время было высказано убеждение о том, что «следует совершенствовать международную договорную основу формирования общего научно-технического пространства, а также способствовать формированию правовых основ обеспечения технологического развития в евразийском интеграционном процессе»³⁵. Безусловно, указанная ремарка имеет самый общий характер, но она отражает выделяемый, например, А.А. Каширкиной вектор правового сотрудничества в рамках ЕАЭС в целом, а именно развитие международно-правовой базы, гармонизацию законодательства, повышение эффективности имплементации принимаемых актов [Каширкина 2016:170].

Как представляется, перед государствами – членами ЕАЭС возникает двуединая задача: во-первых, обеспечить развитие конкретных отраслевых правовых режимов научно-технологической интеграции, следуя тенденции дифференциации, а во-вторых, обеспечить интеграцию данных режимов. Следует учитывать, что их формирование предполагает развитие всех компонентов и «ярусов» рассматриваемого нами правового комплекса. Но в первую очередь это затрагивает его ядро – положения учредительного Договора. Развитие правового блока, включающего акты институциональных органов ЕАЭС, оттеняет необходимость включения в Договор о Союзе специального раздела, посвященного вопросам НТИ, или, по крайней мере, принятие Протокола к Договору. Целесообразность таких шагов можно обосновать тем, что наличие соответствующего раздела в Договоре, как это имеет место, например, в Договоре о функционировании ЕС (раздел XIX «Научные исследования, технологическое развитие и космос»)³⁶, не только создаст системное и прочное ядро права ЕАЭС в сфере НТИ, но и окажет сильнейшее стимулирующее воздействие на выдвижение и реализацию инициатив в рассматриваемой сфере интеграции.

Думается, что имеющиеся в Договоре положения, в принципе, вполне могут быть объединены в одно целое и дополнены иными положениями, отражающими современные тенденции научно-технического прогресса в условиях Четвертой промышленной революции и цифровых трансформаций. Данный раздел должен включать об-

³⁵ Научно-техническое сотрудничество как фактор Евразийской экономической интеграции. Ежегодный доклад Интеграционного клуба при Председателе Совета Федерации Федерального Собрания за 2015 г. 2015. Москва. С. 62.

³⁶ Treaty on Functioning of the European Union // Official Journal of the European Union C 326, 26.10.2012, p. 47-390.

щие положения, касающиеся целей и принципов правового регулирования НТИ-сотрудничества, его организационно-правовых форм, а также положения о формировании единого научно-технологического и инновационного пространства. Причем это должно быть не механическое объединение положений разной степени общности, но их особая система, базирующаяся на парадигмальной основе, т.е. базовом идейно-концептуальном представлении о модели научно-технологической интеграции.

На наш взгляд, для ЕАЭС в условиях вызовов Четвертой промышленной революции жизненно необходима наибольшая глубина научно-технологической интеграции, что предполагает объединение научно-технологических комплексов и формирование Единой инновационной системы. Однако вполне очевидно, что понятие «глубина научно-технологической интеграции» является относительным. Например, в рамках общей правовой модели интеграции, где доминирует международно-правовое начало, степень интеграции будет отлична от степени интеграции в рамках правовой модели, где доминирует наднациональное правовое начало. Как можно видеть, право ЕАЭС в сфере НТИ отражает общую правовую модель интеграции в рамках Союза, которую можно отнести к смешанному типу, для которого характерно сочетание международно-правового и наднационально-правового регулирования при доминировании первого. Модель интеграции ЕАЭС в отличие от коммунитарной модели ЕС обозначается в качестве конвенционной (межправительственной) с одновременным признанием некоторых общих черт [Пименова, 2019:79]. Основным регулятором интеграции в рамках второй модели являются положения международных договоров между государствами – членами интеграционного объединения, но оперативными инструментами здесь являются акты главных органов, которые обеспечивают условия для достижения высокой степени НТИ-интеграции.

Другой вопрос, который привлекает внимание экспертных и научных кругов, заключается в отсутствии в праве ЕАЭС специального международного договора о научно-техническом сотрудничестве. Как отмечает А.О. Четвериков, вполне назрел вопрос о конкретизации и дополнении положений Договора о ЕАЭС, касающихся научно-технологического сотрудничества и имеющих, по сути, программный характер, «посредством специального Договора о евразийской на-

учно-технической интеграции как еще одно-го основополагающего документа, регулирующего интеграционные процессы на постсоветском пространстве в статусе «международного договора в рамках Союза» (ст. 2)» [Четвериков, 2018:47].

Точка зрения, что в рамках ЕАЭС необходимо принять международный договор по вопросам взаимодействия в сфере науки, технологий и инноваций, исходит из посылки о том, что практическая реализация тенденции формирования единого евразийского научно-технологического и инновационного пространства должна предполагать правовую основу, представленную соглашением (соглашениями) о международном научно-техническом сотрудничестве. Однако опыт СНГ показывает, что правовых основ, а именно международных договоров в научно-технической сфере, более чем достаточно, однако о сформированности эффективного научно-технологического пространства говорить затруднительно. К тому же СНГ не предполагает реализацию модели углубленной интеграции. Поэтому в свете данных уточнений зададимся вопросом: может ли выполнить подобного рода международный договор в рамках ЕАЭС функцию правового обеспечения и стимулирования не просто научно-технологического сотрудничества, а именно интеграции?

Согласно подходу ряда авторов, поскольку в рамках ЕАЭС до сих пор не принят специальный международный договор, посвященный вопросам межгосударственного научно-технического сотрудничества, «говорить о полностью сформированной единой политике в области науки и техники на территории ЕАЭС в настоящее время весьма преждевременно» [Дьяконова, Рахматуллина 2019:136]. На наш взгляд, данные высказывания требуют уточнения. Безусловно, в актах права ЕАЭС отражена политика Союза в сфере научно-технологического и инновационного сотрудничества и закреплены ее цели. Однако такое закрепление не имеет целостной формы и не создает основу для формирования и проведения согласованной научно-технологической политики, в том числе согласованной политики государств по научно-технологическому сотрудничеству в рамках ЕАЭС. Поэтому принятие такого договора можно рассматривать как правовое средство, «запускающее» согласование научно-технологической политики, важным аспектом которой должна стать гармонизация национальных законодательств в сфере науки,

технологий и инноваций. Все это – обязательное условие интеграции в научно-технологической сфере.

С учетом сказанного также вполне обоснованным представляется мнение Р.Н. Салиевой о том, что вполне целесообразно было бы «закрепить основные принципы, цели, задачи, направления исследований в Соглашении о единой научно-технической политике и основных направлениях научно-технического сотрудничества государств ЕАЭС» [Салиева 2019: 146]. Здесь следует напомнить, что еще в период функционирования ЕвразЭС была разработана концепция Основ законодательства об инновационной деятельности, которые устанавливали единые нормы и принципы правового регулирования построения и функционирования инновационной системы [Андреева 2015: 64].

Таким образом, на обеспечение интеграции в анализируемой сфере взаимодействия государств – членов должен быть направлен договор о научно-технологическом сотрудничестве, в котором были бы закреплены обязательства по проведению согласованной, а в перспективе и единой научно-технической политики государств – членов, без чего немыслимо формирование и функционирование единого научно-технологического и инновационного пространства. Однако данный договор более уместно рассматривать в качестве Приложения к учредительному Договору. Включение специального раздела в Договор о ЕАЭС и принятие договора о согласованной научно-технической и инновационной политике не исключают друг друга. Вопрос о дублировании здесь не возникает, так как в праве ЕАЭС имеются логические отношения между содержанием Договора, с одной стороны, и содержанием приложений (протоколов) к нему – с другой стороны. Напомним, что ряд приложений посвящен вопросам проведения согласованной (скоординированной) политики по различным направлениям интеграционного взаимодействия.

По всей видимости, ставить точку после только что высказанных соображений преждевременно, так как возможности теоретического рассмотрения совершенствования договорной базы на этом не исчерпываются. Здесь можно сформулировать вопрос о необходимости принятия специального международного договора, но уже не о согласованной научно-технологической политике, а о научно-технологическом сотрудничестве, который был бы аналогичен

двусторонним договорам, заключенным между государствами – членами ЕАЭС, но в право ЕАЭС не входящим.

Специальный международный договор в сфере научно-технологического сотрудничества так или иначе будет напоминать двусторонние договоры о научно-техническом сотрудничестве, заключенные между государствами ЕАЭС. Разумеется, подобного рода договор не обесценит действующие двухсторонние договоры, так как государства – члены, несмотря на их членство в ЕАЭС, сохраняют полное право на осуществление двухстороннего научно-технологического сотрудничества. Но все же наибольшие перспективы характерны для многостороннего сотрудничества, ибо указанные договоры не предполагают интеграции научно-технологических комплексов. Вместе с тем двусторонние договоры можно рассматривать как важные инструменты подкрепления потенциала научно-технологического взаимодействия. Однако по мере развития договорной базы ЕАЭС вполне может возникнуть вопрос о координации участия в отмеченных двусторонних договорах и координации выполнения предусмотренных в них обязательств.

Если вспомнить предысторию принятия Договора о ЕАЭС, то к его проекту было предусмотрено Приложение № 30 – Протокол о сотрудничестве государств – членов в области науки, технической и космической сферах. Само название Протокола, не говоря уже о его содержании, говорит о его гибридном характере. Поэтому вряд ли целесообразно в одном акте договорного характера объединять воедино положения, содержание которых может относиться к договору о согласованной научно-технологической политике, общему договору о научно-технологическом сотрудничестве и договору о научно-технологическом сотрудничестве в конкретной области исследований.

В рамках обсуждения проблематики разработки и заключения договоров о научно-технологическом сотрудничестве неизбежно возникает вопрос о договорах специального характера, посвященных конкретным направлениям (биотехнологии, ИКТ, нанотехнологии, исследование и освоение космоса и т.д.), тематическим вопросам (правовой статус научных работников) и организационно-правовым аспектам научно-технологической интеграции (функционирование объектов совместной научно-исследовательской инфраструктуры). По-

лагаем, что заключение подобного рода договоров вполне целесообразно, хотя, как показывает практика, такие инфраструктурные объекты, как ЕТП, уже вполне успешно функционируют не на основе международных договоров, а на основе актов, принятых институциональными органам ЕАЭС. Поэтому наращивание договорной базы не должно оставлять в тени дальнейшее развитие вторичного права, а также реализацию потенциала программного метода регулирования научно-технологической интеграции. Но во всех случаях успех возможен только при четком выполнении международно-правовых обязательств и выполнении положений актов, в том числе рекомендательных, исходящих от органов Союза. Разработка общих мер по повышению дисциплины внутри Союза, включая наделение Комиссии функциями контроля за исполнением наднациональных решений, норм и правил в целом и в сфере научно-технологического сотрудничества в частности, особенно в проектной области, будет содействовать решению проблемы «недоинтеграции» в сфере НТИ.

6. Заключение

Подводя итоги проведенного исследования, сделаем ряд выводов. Итак, вполне обоснованно утверждать, что в настоящее время оформились тематические блоки права ЕАЭС в сфере регулирования научно-технологического и инновационного сотрудничества. Они представляют собой нормы, закрепленные в актах права ЕАЭС, имеющих различную юридическую силу. Однако данное право еще не представляет собой завер-

шенной подсистемы в составе права Союза. Это заметно по неполноте договорной базы и по различной степени интенсивности охвата регулирующим воздействием тех или иных направлений интеграции, предполагающих научно-технологическое взаимодействие. В последнем случае это означает большое количество норм, регулирующих научно-технологическое взаимодействие в сфере промышленности и АПК при явном их дефиците в энергетической сфере. В определенном смысле такое положение дел вполне можно охарактеризовать как дисбаланс.

Все сказанное следует воспринимать не как всего лишь констатацию недостатков, а как то, что указывает на возможные перспективы развития правового комплекса ЕАЭС в сфере НТИ. Его развитие должно преследовать своей целью создание надлежащих правовых условий для ускорения научно-технологической интеграции ЕАЭС. Как представляется, формирование комплексного права ЕАЭС в сфере НТИ должно быть основано на следующих принципах: 1) избегание форсированного правового регулирования, что означает разработку нормативных положений именно в ответ на возникшие устойчивые взаимодействия в сфере НТИ, нуждающиеся в правовом урегулировании; 2) сбалансированное развитие положений первичного и вторичного права; 3) четкое следование правовой модели Союза; 4) учет в процессе формирования и функционирования модели правового регулирования научно-технологического сотрудничества ЕАЭС современных инфраструктурных изменений, связанных с распространением цифровых платформ.

Список литературы

1. Абдуллин А.И., Ситдикова Р.И., Тюрина Н.Е. 2019. Правовые основы и особенности международного регионального сотрудничества в области научных исследований. – *Российский юридический журнал*. № 3. С. 21–25.
2. Андреева Л.В. 2015. Формирование нормативной правовой основы для создания единого инновационного пространства в Евразийском экономическом союзе. – *Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право*. № 3. С. 52–64.
3. Ануфриева Л.П. 2017. О некоторых теоретических подходах к праву евразийской интеграции и ее институционализации. – *Lex Russica*. № 9. С. 116–126. DOI: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2017.130.9.116-126>.
4. Байдулин М.С., Борталевич С.И., Логинов Е.Л. 2016. Экономическая интеграция в научно-технической сфере государств-участников ЕАЭС. – *Вестник Казахского университета им. аль-Фараби. Серия: экономическая*. № 6. С. 48–52.
5. Дьяконова А.А., Рахматуллина О.В. 2019. Правовое регулирование научно-технического сотрудничества в условиях современной региональной интеграции: опыт Республики Казахстан. – *Право и государство: теория и практика*. № 10. С. 134–136.
6. Капустин А.Я. 2015. Право Евразийского экономического союза: международно-правовой дискурс. – *Журнал российского права*. № 11. С. 59–69.
7. Каширкина А.А. 2016. Евразийский экономический союз: расширение границ и правовая реальность. – *Журнал российского права*. № 1. С. 160–171. DOI: <https://doi.org/10.12737/21996>.
8. Петрова Г.В. 2017. Формирование интеграционного права ЕАЭС в условиях глобализации и регионализации экономических процессов и макроэкономический эффект унификации и гармонизации законодательства государств – членов ЕАЭС. – *Международное*

- сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. № 3. С. 28–40.
9. Пименова О.И. 2019. Правовая интеграция в Европейском союзе и Евразийском экономическом союзе: сравнительный анализ. – *Вестник международных организаций*. № 1. С. 76–93. DOI: 10.17323/1996-7845-2019-01-05
 10. Салиева Р.Н. 2019. Правовые основы научно-технического сотрудничества государств Евразийского экономического союза. – *Вестник экономики, права и социологии*. № 3. Т. 2. С. 144–147.
 11. Славнецкова Л.В., Мызрова О.А. 2016. Формирование и развитие инновационной системы стран ЕАЭС на основе кластерного подхода. – *Известия Саратовского университета. Новая серия: Экономика, Управление, Право*. Т. 16. Вып. 1. С. 62–69. DOI: 10.18500/1994-2540-2016-16-1-62-69.
 12. Соколова Н.А. 2017. Евразийский экономический союз: правовая природа и природа права. – *Lex Russica*. № 11. С. 47–57. DOI: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2017.132.11.047-057>
 13. Соколова Н.А. 2019. Международно-правовые вопросы реализации научно-технического сотрудничества. – *Lex Russica*. № 9. С. 146–157. DOI: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2019.154.9.146-157>.
 14. Четвериков А.О. 2014. Правовые основы и перспективы евразийской интеграции в сферах науки, образования и молодежной политики. – *Международно-правовые чтения*. Отв. ред. П.Н. Бирюков. Воронеж: Воронежский государственный университет. Вып. 3(14). С. 104–126.
 15. Четвериков А.О. 2018. Организационно-правовые формы большой науки (мега-сайенс) в условиях международной интеграции: сравнительное исследование (Часть 2). – *Юридическая наука*. № 2. С. 34–50.
 16. Шугуров М.В. 2020. Парадигма научно-технической и инновационной интеграции в рамках ЕАЭС – *Актуальные проблемы современности: наука и общество*. № 1. С. 30–35.
 17. Karliuk M. 2017. The Eurasian Economic Union: An EU-Inspired Legal Order and Its Limits – *Review of Central and East European Law*. Vol. 42. Issue 1. P. 50–72.
 18. Lagutina M. 2014. Eurasian Economic Union Foundation issues of Global Regionalization – *Eurasia Border Review*. Vol. 5. No. 2. P. 95–112.
 19. Perskaya V.V. 2018. Integration Process in the Eurasian Economic Union (EAEU): Interstate Relations Instead of Supranationality under the Conditions of Multipolarity – *Espacios*. Vol. 38. No. 11. P. 11.
 20. Shugurov M.V. 2018. Promising Policy Efforts on Development and Transfer of Environmentally Sound Technologies – *Environmental Policy and Law*. Vol. 48. Issue 6. P. 403–410.
 21. Sopilko N.Yu., Shatalova I.I., Navrotskaia N.A. 2018. Integration Potential for Technological Cooperation of the EAEU Countries – *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. Vol. 240. P. 616–622.
 - Foundation and Features of International Regional Cooperation in the Field of Scientific Research]. – *Rossiiskij yuridicheskij zhurnal*. 2019. No. 3. P. 21–25. (in Russ.)
 2. Andreeva L.V. Formirovanie normativnoj pravovoj osnovy dlya sozdaniya edinogo innovacionnogo prostranstva v Evrazijskom ekonomicheskom soyuze [Formation of the Legal and Regulatory Framework for the Creation of a Single Innovation Space in the Eurasian Economic Union]. – *Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo evrazijskikh gosudarstv: politika, ekonomika, pravo*. 2015. No. 3. P. 52–64. (in Russ.)
 3. Anufrieva L.P. O nekotoryh teoreticheskikh podhodah k pravu evrazijskoj integracii i ee institucionalizacii [Some Theoretical Approaches to Eurasian Integration Law and Its Institutionalization]. – *Lex Russica*. 2017. No. 9. P. 116–126. DOI: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2017.130.9.116-126> (in Russ.)
 4. Bajdurin M.S., Bortalevich S.I., Loginov E.L. Ekonomicheskaya integraciya v nauchno-tehnicheskoy sfere gosudarstv-uchastnikov EAES [Strategic Integration in Science and Technologies of the Eurasian Economic Union]. – *Vestnik Kazahskogo universiteta im. al'-Farabi. Seriya: ekonomicheskaya*. 2016. No. 6. P. 48–52. (in Russ.)
 5. Chetverikov A.O. Pravovye osnovy i perspektivy evrazijskoj integracii v sferah nauki, obrazovaniya i molodezhnoj politiki [The Legal Framework and Prospects of the Eurasian Integration in the Areas of Education, Scientific Research and Youth Policy]. – *Mezhdunarodno-pravovye chteniya*. Отв. ред. П.Н. Бирюков [International Law Readings. Ed. by Biryukov P.N.]. Voronezh: Voronezhskij gosudarstvennyj universitet Publ. 2014. Issue 3(14). P. 104–126. (in Russ.)
 6. Chetverikov A.O. Organizacionno-pravovye formy bol'shoj nauki (megasajens) v usloviyah mezhdunarodnoj integracii: sravnitel'noe issledovanie (Ch. 2) [Institutional and Legal Forms of Big Science (Megascience) in the Context of International Integration: Comparative Study Part 2]. – *Yuridicheskaya nauka*. 2018. No. 2. P. 34–50. (in Russ.)
 7. D'yakonova A.A., Rahmatullina O.V. Pravovoe regulirovanie nauchno-tehnicheskogo sotrudnichestva v usloviyah sovremennoj regional'noj integracii: opyt Respubliki Kazahstan [Legal Regulation of Scientific and Technical Cooperation in the Context of Modern Regional Integration: Experience of the Republic of Kazakhstan]. – *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*. 2019. No. 10. P. 134–136. (in Russ.)
 8. Kapustin A.Ya. Pravo Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza: mezhdunarodno-pravovoj diskurs [The Law of Eurasian Economic Union: International Legal Discourse]. – *Zhurnal rossijskogo prava*. 2015. No. 11. P. 59–69. (in Russ.)
 9. Karliuk M. The Eurasian Economic Union: An EU-Inspired Legal Order and Its Limits – *Review of Central and East European Law*. 2017. Vol. 42. Issue 1. P. 50–72 (In English).
 10. Kashirkina A.A. Evrazijskij ekonomicheskij soyuz: rasshirenie granic i pravovaya real'nost' [EURASIAN ECONOMIC UNION: BORDERS EXTENSION AND LEGAL REALITY] – *Russian Law Journal*. 2016. No. 1. P. 160–171. DOI: <https://doi.org/10.12737/21996> (in Russ.)
 11. Lagutina M. Eurasian Economic Union Foundation issues of Global Regionalization – *Eurasia Border Review*. 2014. Vol. 5. No. 2. P. 95–112 (In English).

References

1. Abdullin A.I., Sitdikova R.I., Tyurina N.E. Pravovye osnovy i osobennosti mezhdunarodnogo regional'nogo sotrudnichestva v oblasti nauchnyh issledovanij [Legal

12. Perskaya V.V. Integration Process in the Eurasian Economic Union (EAEU): Interstate Relations Instead of Supranationality under the Conditions of Multipolarity – *Espacios*. 2018. Vol. 38. No. 11. P. 11 (In English).
13. Petrova G.V. Formirovanie integracionnogo prava EAES v usloviyah globalizatsii i regionalizatsii ekonomicheskikh processov i makroekonomicheskij effekt unifikatsii i garmonizatsii zakonodatel'stva gosudarstv – chlenov EAES [Formation of the Integration Law of the EAEU in the Context of Globalization and Regionalization of Economic Processes and the Macroeconomic Effect of Unification and Harmonization of the Legislation of the Member States of the EAEU]. – *Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo evrazijskikh gosudarstv: politika, ekonomika, pravo*. 2017. No. 3. P. 28–40. (in Russ.)
14. Pimenova O.I. Pravovaya integratsiya v Evropejskom soyuze i Evrazijskom ekonomicheskom soyuze: sravnitel'nyj analiz [Legal Integration in the European Union and the Eurasian Economic Union: Comparative Analysis]. – *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsij*. 2019. No. 1. P. 76–93. (in Russ.) DOI: 10.17323/1996-7845-2019-01-05
15. Salieva R.N. Pravovye osnovy nauchno-tekhnicheskogo sotrudnichestva gosudarstv Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza [Legal Basis of Scientific and Technical Cooperation of the Russian Federation and CIS Countries and the EAEU in the Fuel and Energy Sector]. – *Vestnik ekonomiki, prava i sociologii*. 2019. No. 3(2). P. 144–147. (in Russ.)
16. Shugurov M.V. Paradigma nauchno-tekhnicheskoy i innovatsionnoy integratsii v ramkah EAES [Modernization Paradigm of EU Copyright Law in the Context of Digital Economy]. – *Aktual'nye problemy sovremennosti: nauka i obshchestvo*. 2020. No. 1. P. 30–35. (in Russ.)
17. Shugurov M.V. Promising Policy Efforts on Development and Transfer of Environmentally Sound Technologies – *Environmental Policy and Law*. 2018. Vol. 48. Issue 6. P. 403–410 (In English).
18. Slavnetskova L.V., Myzrova O.A. Formirovanie i razvitie innovatsionnoy sistemy stran EAES na osnove klasternogo podhoda [Formation and Development of Innovative Systems of the EAEC Clustering Based Economy]. – *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya: Ekonomika, Upravlenie, Pravo*. 2016. Vol. 16. Issue 1. P. 62–69. (in Russ.)
19. Sokolova N.A. Evrazijskij ekonomicheskij soyuz: pravovaya priroda i priroda prava [The Eurasian Union: the Legal Nature and Nature of Law]. – *Lex Russica*. 2017. No. 11. P. 47–57. (in Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2017.132.11.047-057>
20. Sokolova N.A. Mezhdunarodno-pravovye voprosy realizatsii nauchno-tekhnicheskogo sotrudnichestva [International Legal Issues of Implementation of Scientific and Technological Cooperation]. – *Lex Russica*. 2019. No. 9. P. 146–157. (in Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2019.154.9.146-157>
21. Sopilko N.Yu., Shatalova I.I., Navrotskaia N.A. Integration Potential for Technological Cooperation of the EAEU Countries – *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. 2018. Vol. 240. P. 616–622 (In English).

Информация об авторе

Шугуров Марк Владимирович,

доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры международного права Саратовской государственной юридической академии.

410056, Российская Федерация, Саратов, ул. Вольская, 1.

shugurovs@mail.ru

ORCID: 0000-003-3604-3961

About the Author

Shugurov Mark Vladimirovich,

Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of International Law of the Saratov State Law Academy.

1, Vol'skaya st., Saratov, Russian Federation, 410056

shugurovs@mail.ru

ORCID: 0000-003-3604-3961

МЕЖДУНАРОДНОЕ ВОЗДУШНОЕ ПРАВО

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2020-3-64-90>

Исследовательская статья
Поступила в редакцию: 13.07.2020
Принята к публикации: 06.09.2020

Александр Александрович БАТАЛОВ*

Представительство Российской Федерации при Международной организации гражданской авиации (ИКАО)

Авеню дю Мюзе, 3617, Монреаль, H3G 2E1, Канада

alexbatalov2000@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9311-9822

ИСТОЧНИКИ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЗДУШНОГО ПРАВА: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ВВЕДЕНИЕ. В статье рассматривается процесс создания норм и источники международного воздушного права в контексте существующей в отечественной международно-правовой доктрине теории согласования воли и на основе современной практики государств и международных авиационных организаций (прежде всего, Международной организации гражданской авиации – ИКАО).

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Материалом для исследования являются международные договоры в области международного воздушного права, документы ИКАО, труды российских и зарубежных юристов-международников. Методологическую основу исследования составили общенаучные и частнонаучные методы познания (диалектический, сравнительно-правовой, методы анализа и синтеза, дедукции и индукции).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. В результате проведенного исследования выделены и систематизированы существующие на сегодняшний день источники международного воздушного права, то есть различные формы, с помощью которых закрепляются нормы этой отрасли международного права. Проанализированы теоретические

и практические проблемы, связанные с процессом создания и применения норм, закрепляемых в данных источниках.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. На основе существующей в отечественной международно-правовой доктрине теории «согласования воли» и с учетом современной практики государств и международных авиационных организаций в статье выделены (систематизированы) следующие источники международного воздушного права: (i) международные договоры; (ii) международно-правовые обычаи; (iii) международные стандарты ИКАО; (iv) Технические инструкции по безопасной перевозке опасных грузов по воздуху. Каждый из указанных видов источников международного воздушного права подробно анализируется как с точки зрения процесса нормообразования, так и в связи с той ролью, которую он играет в регулировании межгосударственных отношений в области международной гражданской авиации. В частности, показана особая роль в международном воздушном праве таких традиционных источников, как международный договор и международный обычай. Что касается международных стандартов и Технических ин-

* В настоящей статье излагается исключительно личное мнение автора по исследуемым вопросам. Данное мнение и статья в целом никоим образом не должны рассматриваться в качестве отражения позиции любых учреждений и организаций, с которыми у автора существовали или существуют трудовые, договорные или иные отношения.

струкций по безопасной перевозке опасных грузов по воздуху, то они рассматриваются в качестве особых сложных форм закрепления норм международного воздушного права, появившихся на фоне быстрого развития гражданской авиации во второй половине XX века и превращения ее в глобальное средство транспортировки пассажиров и грузов. В целом, оценивая существующие на сегодняшний день процессы образования норм и источники международного воздушного права, можно отметить, что они достаточно динамичны и хорошо учитывают современные реалии развития мировой авиации и интересы различных государств.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: международная гражданская авиация, источники международного воз-

душного права, Международная организация гражданской авиации (ИКАО), международные авиационные организации, международный договор, международно-правовой обычай, международные стандарты, технические инструкции по безопасной перевозке опасных грузов по воздуху, Аэронавигационная комиссия, безопасность полетов, молчаливое согласие, Приложения к Конвенции о международной гражданской авиации.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Баталов А.А. 2020. Источники международного воздушного права: актуальные вопросы теории и практики. – *Московский журнал международного права*. № 3. С. 64–90. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2020-3-64-90>

INTERNATIONAL AIR LAW

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2020-3-64-90>

Alexander A. BATALOV*

Representation of the Russian Federation to International Civil Aviation Organization (ICAO)
3617, Avenue du Musee, Montreal, Canada, H3G 2E1
alexbatalov2000@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9311-9822

Research article
Received 13.07.2020
Approved 06.09.2020

THE SOURCES OF INTERNATIONAL AIR LAW: CURRENT ISSUES OF THEORY AND PRACTICE

INTRODUCTION. *Within the context of the theory of 'the concordance of the wills of States' developed in the Russian doctrine of international law and on the basis of the contemporary practice of States and international aviation organizations (in particular, International Civil Aviation Organization (ICAO)) the author examines the process of rule-making and the sources of international air law.*

MATERIALS AND METHODS. *The present research has been conducted on the basis of international*

air law treaties, the ICAO documents, as well as the works of Russian and foreign international law experts. The methodology of the research is based upon general scientific and special methods, including dialectical method, methods of analysis and synthesis, deduction and induction, comparative legal method.

RESEARCH RESULTS. *On the basis of his research the author has been able to identify and systematize the present-day sources of international air law, i.e. the forms, in which the norms of this branch of interna-*

* This article contains exclusively personal opinion of the author. This opinion and this article as a whole, must not be attributed to any institutions and entities, with which the author was affiliated or is currently affiliated through any form of employment or other contractual relationships.

tional law exist. Theoretical and practical problems relating to the development and implementation of these sources of international air law have been examined.

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. On the basis of the theory of 'the concordance of the wills of States' developed in the Russian doctrine of international law and the contemporary practice of States and international aviation organizations the following sources of international air law have been identified: (i) international treaties; (ii) international customs; (iii) ICAO international standards; (iv) Technical Instructions for the Safe Transport of Dangerous Goods by Air. Each of these sources of international air law has been examined in detail both from the point of view of the rule-making process and within the context of its role played in regulation of cooperation between States in the area of international civil aviation. In particular, the author shows the specific role in international air law of such traditional sources as international treaties and international customs. As for the international standards and the Technical Instructions for the Safe Transport of Dangerous Goods by Air, they are described as special complex forms of creation of norms of international air law emerged as a result of rapid development of civil

aviation in the second half of the 20th century and its transformation into the global passengers and cargo transportation network. Overall examination of the currently existing rule-making processes and sources of the international air law demonstrates that they are rather dynamic and well take into account the contemporary development of global aviation and the interests of different States.

KEYWORDS: international civil aviation, sources of international air law, International Civil Aviation Organization (ICAO), international aviation organizations, international treaty, international custom, international standards, technical instructions for the safe transport of dangerous goods by air, Air Navigation Commission, aviation safety, tacit consent, Annexes to the Convention on International Civil Aviation.

FOR CITATION: Batalov A.A. The sources of international air law: current issues of theory and practice. – *Moscow Journal of International Law*. 2020. No. 3. P. 64–90. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2020-3-64-90>

Введение

Вопросы об источниках международного воздушного права традиционно более или менее подробно рассматриваются во многих курсах и иных публикациях, посвященных этой отрасли международного права¹. Между тем данные вопросы не теряют своей актуальности по следующим причинам.

Во-первых, практика международно-правового регулирования деятельности воздушного транспорта и использования воздушного пространства, в частности, практика международных межправительственных авиационных организаций, постоянно развивается и вносит все новые элементы в указанное регулирование, требующие более глубокого анализа.

Во-вторых, даже в тех публикациях, которые рассматривают источники и процессы создания норм международного воздушного права, очень часто отсутствует концептуальный систематизи-

рованный подход к этим вопросам, что порождает неопределенность при оценке юридической природы тех или иных актов или документов и, в свою очередь, затрудняет выработку позиции государств в отношении них.

И, наконец, в-третьих, непреходящая актуальность темы источников и процесса образования норм международного воздушного права определяется спецификой развития самой авиации, с которой непосредственно связано формирование рассматриваемой отрасли международного права.

Авиация представляет собой высокотехнологичную, быстрорастущую и передовую отрасль, играющую важнейшую роль в глобальной экономической деятельности. Развитие данной отрасли на всем протяжении XX столетия происходило стремительными темпами: всего лишь несколько десятилетий прошло с момента первых полетов воздушных судов до превращения авиации в эффективное и зачастую незаменимое средство

¹ См., например: [Международное воздушное право... 1980: 81–100; Dempsey 2008: 7–40; Mendes de Leon 2017; The use of airspace... 1995: 277–295]; Международное воздушное право: учебник для бакалавриата и магистратуры / Под ред. А.И. Травникова и А.Х. Абашидзе. М.: Издательство Юрайт, 2018. С. 19–24.

быстрой транспортировки пассажиров, грузов и решения многих других задач государства и экономики. На современном этапе гражданская авиация также активно развивается с применением новых технологий. Это требует от государств и международных организаций неотложного решения новых и все более сложных проблем в области повышения уровня безопасности полетов, управления воздушным движением и обеспечения эффективных и стабильных перевозок на глобальном, региональном и национальном уровнях. Несмотря на огромные экономические и иные трудности, которые на сегодняшний день испытывает авиатранспортная отрасль из-за ограничений, связанных с коронавирусной пандемией, можно быть уверенным, что гражданская авиация не утратит своего важнейшего значения в качестве средства транспорта и неотъемлемой составляющей мировой экономической системы, а объемы международных авиaperевозок через какое-то время продолжат свой поступательный рост. Согласно оценкам Международной организации гражданской авиации (ИКАО), в настоящее время происходит активное внедрение новых технологий в области аэронавигации, обеспечения авиационной безопасности и обучения авиационного персонала, расширяется использование беспилотных авиационных систем для различных гражданских целей².

Вышеуказанные обстоятельства, связанные с развитием и современным состоянием авиационной отрасли, конечно, не могут не влиять на способы правового регулирования межгосударственных отношений в области использования воздушного пространства и деятельности гражданской авиации, а также на процессы создания норм международного воздушного права. Эти способы правового регулирования, как представляется, в некоторой степени, уникальна и характеризуются следующими особенностями:

- сокращение сроков и упрощение процесса создания и изменения норм международного воздушного права;
- широкое участие высококвалифицированного экспертного сообщества в разработке и обсуждении норм международного воздушного права;
- сбалансированное сочетание юридически обязательных норм в процессе регулирова-

ния деятельности международной гражданской авиации с актами, носящими рекомендательный характер.

Вместе с тем, наряду с вышеперечисленными особенностями, процессу образования норм международного воздушного права присущи и общие черты, характерные для нормообразования в международном праве в целом. В отечественной международно-правовой доктрине, в частности, в работах члена-корреспондента АН СССР Г.И. Тункина, отмечается, что «процесс образования норм общего международного права включает основные процессы, к которым мы относим те способы образования норм, в результате завершения которых появляется международно-правовая норма, а также вспомогательные процессы, которые являются определенными стадиями процесса становления международно-правовой нормы, но которые, однако, этот процесс не завершают» [Тункин 2000:75]. В случае, когда процесс нормообразования завершается появлением международно-правовой нормы, последняя находит свое выражение и закрепление в определенной форме, именуемой источником международного права. Следовательно, источник международного права, выступая в качестве формы существования норм международного права, представляет собой конечный результат процесса создания данных норм.

В свою очередь, для установления того, возникла ли в результате процесса нормообразования норма международного права, необходимо определить ее основные признаки, отличающие ее от социальных, технических норм и каких-либо правил, не носящих нормативного характера. Положения общей теории права и теории международного права позволяют сформулировать следующие признаки, которым должна соответствовать международно-правовая норма: 1) формальная определенность нормы, направленной на регулирование отношений между субъектами международного права; 2) обязательность (юридическая сила) для субъектов международного права; 3) норма носит общий характер, то есть должна быть рассчитана на неопределенное число случаев, а не представлять собой индивидуальное решение³.

Таким образом, как и в международном праве в целом, если в результате процесса нормообра-

² World Civil Aviation Report. Vol. 3. Montreal. 2019. P. 34, 140, 188, 219.

³ См., например: [Общая теория государства... 1998:213–218; Курс международного права... 1989: 24–29; Лукашук 1997: 112–124; Черниченко 2014: 81–101].

зования возникает норма международного воздушного права, соответствующая вышеперечисленным признакам, она закрепляется в одной из форм – источнике международного воздушного права. В тех же случаях, когда норма международного воздушного права, отвечающая всем указанным признакам, не возникает, а появляется лишь какое-либо решение (акт), не являющееся обязательным для государств и иных субъектов международного права, можно говорить об определенных, незавершившихся стадиях процесса нормообразования, носящих вспомогательный характер.

Как представляется, именно вышеизложенный подход к анализу вопроса о процессе создания норм и источниках международного воздушного права позволяет, основываясь на современной практике государств и международных организаций (прежде всего, ИКАО), решить следующие задачи:

- более четко систематизировать все многообразие актов, решений и документов, касающихся деятельности международной гражданской авиации, разделив при этом те из них, которые являются юридически обязательными для государств, и те, которые не носят обязательного характера;
- сформулировать более точные и практически ориентированные рекомендации для государств по поводу их действий в отношении указанных актов, решений и документов, включая многочисленные документы ИКАО;
- выявить проблемы и предложить возможные пути совершенствования процесса нормообразования в международном воздушном праве с учетом интересов Российской Федерации и международного авиационного сообщества в целом.

В данной статье внимание будет сконцентрировано на источниках международного воздушного права, то есть различных формах, с помощью которых закрепляются нормы этой отрасли международного права. Что касается актов, решений и иных документов, принимаемых (утверждаемых) в рамках вспомогательных процессов нормообразования или в качестве вспомогательных средств для определения

международно-правовых норм, и самих по себе, не содержащих нормы международного воздушного права, то они составят предмет дальнейших исследований.

Международные договоры

В связи с тем, что международное воздушное право является относительно «молодой» отраслью международного права (по сравнению, например, с международным морским правом) и регулирует отношения между государствами в области авиации, представляющей собой технологически сложный и динамично развивающийся вид деятельности, международный договор обладает большими преимуществами в качестве источника международного воздушного права. Именно международный договор как явно выраженное соглашение между государствами⁴ и иными субъектами международного права позволяет наиболее точно закрепить достигаемые ими договоренности по сложным и зачастую противоречивым вопросам использования воздушного пространства и функционирования воздушного транспорта.

В международном воздушном праве существуют как многосторонние, так и двусторонние международные договоры. В свою очередь, многосторонние договоры могут быть общими (универсальными) и договорами с ограниченным числом участников (например, с участием государств отдельного региона).

Среди общих международных договоров в международном воздушном праве центральное место занимает Конвенция о международной гражданской авиации, заключенная в г. Чикаго (США) 7 декабря 1944 г. (далее – Чикагская конвенция), что связано со следующими обстоятельствами.

Во-первых, из всех международных договоров, действующих в международном воздушном праве, в Чикагской конвенции участвует наибольшее число государств (193 государства⁵).

Во-вторых, как указано в самой Чикагской конвенции, участвующие в ней государства признают, что она отменяет все обязательства и соглашения между ними, несовместимые с ее по-

⁴ Примерно одинаковое понимание международного договора в качестве явно выраженного соглашения между государствами и иными субъектами международного права существует как в отечественной, так и в зарубежной международно-правовой доктрине (см., например: [Тункин 2000:75; Вельяминов 2015:559; Shaw 2008:94; Thirlway 2014:31]).

⁵ По состоянию на 1 июля 2020 г.

ложениями, и обязуются не принимать на себя любые такие обязательства и не вступать в подобные соглашения⁶.

В-третьих, из всех универсальных международных договоров именно Чикагская конвенция регулирует наиболее широкий спектр вопросов международной аэронавигации и деятельности воздушного транспорта, с тем чтобы «международная гражданская авиация могла развиваться безопасным и упорядоченным образом и чтобы международные воздушные сообщения могли устанавливаться на основе равенства возможностей и осуществляться рационально и экономично»⁷. Так, Чикагская конвенция, подтверждая принцип полного и исключительного суверенитета государства в отношении его воздушного пространства, устанавливает правовые основы международных полетов над государственной территорией и за ее пределами, закрепляет различные меры содействия аэронавигации, регламентирует вопросы государственной регистрации воздушных судов и требования к ним, а также положения, касающиеся аэропортов, усовершенствования аэронавигационных средств, и положения, ограничивающие применение оружия против гражданских воздушных судов. Неслучайно в международно-правовой литературе Чикагскую конвенцию называют «кодексом международных полетов» [Бордунов, Котов, Малеев 1988:27].

И, наконец, в-четвертых, Чикагская конвенция содержит нормы, учреждающие ИКАО – универсальную международную межправительственную организацию системы ООН, которая сама оказывает огромное влияние на развитие международного воздушного права.

Несмотря на то, что с момента принятия Чикагской конвенции прошло уже более 75 лет, закрепленные в ней принципы и нормы не теряют своей актуальности и продолжают оставаться важным и эффективным регулятором межгосударственных отношений в области гражданской авиации. Данный факт неоднократно подчеркивается и в документах ИКАО⁸, и в международно-правовой доктрине [Behind and Beyond the Chicago 2019:XIV].

Что касается других общих международных договоров, то каждый из них посвящен отдельным специальным вопросам международного воздушного права, включая, в частности: а) защиту гражданской авиации от актов незаконного вмешательства в ее деятельность⁹; б) унификацию правил международных воздушных перевозок и режим ответственности авиаперевозчика¹⁰; в) режим ответственности за вред, причиненный иностранными воздушными судами третьим лицам на поверхности¹¹; г) признание прав на воздушные суда¹²; д) международные гарантии в отношении воздушных судов¹³. Одной из важных особенностей данных многосторонних договоров является то, что почти все из них были разработаны и приняты под эгидой ИКАО при участии ее Юридического комитета.

Многосторонние международные договоры в области международного воздушного права, заключаемые на региональном уровне, также чрезвычайно многообразны. Они могут представлять собой учредительные акты региональных международных авиационных организаций (например, конвенция, учреждающая Европейскую организацию по обеспечению безопасности аэронавигации – Евроконтроль)¹⁴), устанавливать порядок осуществления нерегулярных между-

⁶ Статья 82 Конвенции о международной гражданской авиации 1944 г. (Документ ИКАО 7300/9. 9-е изд. 2006).

⁷ Там же. Преамбула Конвенции.

⁸ См., например: резолюция Ассамблеи ИКАО А40-9 (Действующие резолюции Ассамблеи (ICAO Doc. 10140); Resolution adopted by the ICAO Council to mark the 70th anniversary of the signing of the Convention on International Civil Aviation (ICAO C-Dec Extraordinary 20/01/15).

⁹ См., например: Конвенция о преступлениях и некоторых других действиях, совершаемых на борту воздушных судов 1963 г., Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов 1970 г., Конвенция о маркировке пластических взрывчатых веществ в целях их обнаружения 1991 г.; Конвенция о борьбе с незаконными актами в отношении международной гражданской авиации 2010 г.

¹⁰ См., например: Конвенция для унификации некоторых правил международных воздушных перевозок 1999 г.

¹¹ См., например: Конвенция об ущербе, причиненном иностранными воздушными судами третьим лицам на поверхности 1952 г.

¹² См., например: Конвенция о международном признании прав на воздушные суда 1948 г.

¹³ См., например: Конвенция о международных гарантиях в отношении подвижного оборудования 2001 г..

¹⁴ "Eurocontrol" International Convention relating to co-operation for the safety of air navigation (with Annexes and Protocol of signature). Signed at Brussels, on 13 December 1960 (United Nations Treaty Series. Volume 523. No. 7557. New York, 1966. P. 117).

народных воздушных сообщений (например, Многостороннее соглашение о коммерческих правах при нерегулярных воздушных сообщениях в Европе 1956 г., Многостороннее соглашение о коммерческих правах при нерегулярных международных воздушных сообщениях между странами – членами АСЕАН и др.), регламентировать иные вопросы деятельности международного воздушного транспорта и эксплуатации воздушных судов (например, Многостороннее соглашение, касающееся удостоверений о годности к полетам импортируемых воздушных судов 1960 г.).

Огромное число двусторонних международных договоров по вопросам международного воздушного права заключается прежде всего в целях установления регулярных международных воздушных сообщений между государствами и подробной регламентации коммерческой деятельности авиапредприятий, выполняющих международные авиаперевозки. Такие двусторонние договоры заключены почти всеми государствами и в международной договорной практике именуется межправительственными соглашениями о воздушном сообщении или межправительственными соглашениями о воздушном транспорте¹⁵. Кроме того, на двустороннем договорном уровне государства регулируют и другие вопросы использования воздушного пространства и деятельности авиации: например, предотвращение инцидентов в воздушном пространстве над открытым морем, организация авиационного поиска и спасания, вопросы повышения безопасности полетов при эксплуатации воздушных судов, передача определенных функций и обязанностей от государства регистрации воздушного судна государству эксплуатанта и т. д.¹⁶.

Международный обычай в международном воздушном праве

Выше уже отмечались характерные для международного воздушного права особенности,

которые в преимущественное положение в качестве его источника ставят международный договор. Эти же особенности определяют и весьма ограниченную роль международного обычая в данной отрасли международного права, что, вероятно, объясняет и то небольшое внимание, которое уделяется международному обычаю в исследованиях в области воздушного права. Так, например, в современном авторитетном курсе международного публичного воздушного права профессора П.С. Дэмпси, изданном Институтом воздушного и космического права Университета МакГил, в разделе, посвященном источникам международного воздушного права, анализируются положения только международных договоров [Dempsey 2008:7-40]. Между тем, несколько не переоценивая значение международного обычая в регулировании межгосударственных отношений по поводу использования воздушного пространства и выполнения полетов воздушных судов, с теоретической и практической точек зрения было бы неправильным игнорировать этот важный источник международного права, и потому представляется необходимым рассмотреть его с учетом современных проблем развития международного воздушного права.

При анализе вопроса о международном обычае как источнике международного воздушного права важно иметь в виду следующие положения.

Во-первых, согласно классическому пониманию международного обычая, основанному на ст. 38 Статута Международного Суда¹⁷, практике самого Международного Суда¹⁸ и международно-правовой доктрине¹⁹, для формирования международной обычной нормы необходимо существование и взаимодействие двух элементов: «всеобщая» практика государств и признание этой практики государствами как должной в силу права (*opinio juris*). При этом, рассматривая взаимодействие указанных элементов международного обычая в контексте теории согласования воли, отечественные юристы-международники отмечают: «В результате первой стадии согла-

¹⁵ Более подробно о вопросах, регулируемых соглашениями о воздушном сообщении или соглашениями о воздушном транспорте, см., например: [Jae Woon Lee 2016:103-146; Savic 2019:15-31].

¹⁶ См., например: Соглашение между Правительством СССР и Правительством США о предотвращении инцидентов в открытом море и в воздушном пространстве над ним 1972 г. (Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами, вып. XXVIII. М., 1974. С. 29–31); Соглашение между Правительством РФ и Правительством Республики Индии о повышении безопасности полетов 2001 г. (Бюллетень международных договоров. 2001. № 6. С. 66–69).

¹⁷ Статья 38 Статута Международного Суда определяет международный обычай «как доказательство всеобщей практики, признанной в качестве правовой нормы» (Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами, вып. XII. М., 1956. С. 47).

сования воле государств образуется обыкновение, т. е. правило поведения, которому обычно следует государство, но которое еще не является правовой нормой. Однако повторение одних и тех же действий может и не привести к созданию обыкновения. Для того чтобы стать нормой международного права, обыкновение должно пройти вторую, заключительную стадию, состоящую в согласовании воле государств относительно признания обыкновения в качестве правовой нормы» [Курс международного права... 1989:191]. Член-корреспондент АН СССР Г.И. Тункин также подчеркивал, что «существо процесса создания норм международного права путем обычая состоит в соглашении между государствами, которое в данном случае является молчаливым, а не явно выраженным, как в договоре...» [Тункин 2000:109].

Во-вторых, при оценке того, насколько необходимая для формирования международного обычая практика государств является «всеобщей», не следует абсолютизировать требование о «всеобщности» практики. Как справедливо обращают внимание профессора А.Н. Вылегжанин и Р.А. Каламкарян, в русском тексте ст. 38 Статута Международного Суда «термин “всеобщая практика” несколько отличается от соответствующего английского аналога (*general practice*), как и от французского (*une pratique generale*); в последних скорее отражен термин “общая практика”. Этот лингвистический нюанс сказывается и на понимании юридического смысла термина. У читающего русский текст может сложиться впечатление, что в Статуте закреплено жесткое требование: достаточно одному государству не придерживаться соответствующей практики (т. е. когда она не является практикой «всех» государств) – и требование «всеобщности» не выполнено. На самом деле столь жесткое требование не заложено в контексте употребления в Статуте Международного Суда термина *general practice* (*une pratique generale*)» [Вылегжанин, Каламкарян 2012:15]. Однако, говоря об общей практике, важно учитывать решение Международного Суда по спору между ФРГ, Данией и Нидерландами о континентальном шельфе Северного моря от 20 февраля 1969 г., в котором указано, что для формирования обычной нормы международно-

го права практика государств должна быть широкой и единообразной и охватывать государства, «чьи интересы особо затронуты»²⁰.

Применительно к обычным нормам международного воздушного права тезис о том, что создающая их практика государств должна быть широкой, единообразной и включать государства, «чьи интересы особо затронуты», очевидно означает, что этой практики всегда единообразно придерживаются, в том числе, государства, вносящие наибольший вклад в развитие международного воздушного транспорта и международной аэронавигации. Объективным ориентиром для определения того, какие государства вносят большой вклад в развитие воздушного транспорта и международной аэронавигации, мог бы стать, например, состав Совета ИКАО – постоянного органа ИКАО, состоящего из 36 государств – членов ИКАО, избираемых ее Ассамблеей через каждые три года. Поскольку в соответствии со ст. 50 Чикагской конвенции при выборах Совета в приоритетном порядке обеспечивается надлежащее представительство государств, играющих ведущую роль в воздушном транспорте, на протяжении уже длительного времени в состав Совета постоянно переизбираются следующие одиннадцать членов ИКАО: Австралия, Бразилия, Италия, Канада, КНР, Российская Федерация (до конца 1991 г. – СССР), Соединенное Королевство, США, Франция, ФРГ и Япония. Конечно, участие перечисленных государств в практике, относящейся к международной авиации, отнюдь не означает, что она не должна охватывать другие государства, однако вряд ли без единообразной позиции всех указанных одиннадцати государств – членов ИКАО любая такая практика может считаться действительно «общей», а формирующаяся на ее основе обычная норма международного воздушного права будет носить универсальный характер.

В-третьих, доказательством существования общей практики государств, необходимой совместно с *opinio juris* для формирования обычной нормы международного воздушного права, могут выступать национальное авиационное (воздушное) законодательство государства, его национальная судебная практика, решения органов исполнительной власти, дипломатическая

¹⁸ См., например: *Continental Shelf (Libyan Arab Jamahiriya/Malta), Judgment* (I.C.J. Reports 1985. P. 29); *North Sea Continental Shelf, Judgment* (I.C.J. Reports 1969. P. 44).

¹⁹ См., например: [Вылегжанин, Каламкарян 2012: 8; Shaw 2008:74; Thirlway 2014: 62].

²⁰ *North Sea Continental Shelf, Judgment* (I.C.J. Reports 1969. P. 42).

корреспонденция, заявления главы государства или главы правительства и т. п.²¹. Кроме этого, по аналогии с резолюциями Генеральной Ассамблеи ООН, которые, как отмечается в международно-правовой литературе, при определенных условиях могут свидетельствовать о наличии практики государств [Shaw 2008:83; Thirlway 2014:79-81], важную роль в процессе формирования обычных норм международного воздушного права могут играть и единогласно принятые резолюции Ассамблеи ИКАО – постоянного органа ИКАО, в котором представлены все ее 193 государства-члена.

И, наконец, в-четвертых, важно учитывать, что продолжительность, или элемент времени сами по себе не создают презумпции существования обычной нормы международного права, и в зависимости от обстоятельств обычная норма может складываться в течение длительного времени, а может образовываться быстро. На данное обстоятельство обращается внимание как в доктрине [Курс международного права... 1989:193; Shaw 2008:76], так и в решениях Международного Суда²². Особенностью процесса нормообразования в международном воздушном праве, как и в международном космическом праве, является то, что для формирования международно-правовых обычаев, как правило, требуется значительно меньше времени, чем для обычных норм в других отраслях международного права.

С учетом вышеизложенных положений международные обычаи в международном воздушном праве могут быть систематизированы следующим образом.

Прежде всего, необходимо выделить обычные нормы международного воздушного права, которые предшествовали созданию соответствующих договорных норм и которые после их кодификации в рамках международного договора, в частности, Чикагской конвенции, как бы «расширяют» сферу ее действия, связывая обязательствами государства, не участвующие в этом международном договоре. В этой связи в международно-правовой литературе одни авторы

называют такие нормы «смешанными обычно-правовыми нормами», договорными для государств-участников международного договора и обычными для всех остальных государств [Тункин 2000:126], другие авторы говорят о двойной правовой основе юридической силы таких норм [Лукашук 1997:281]. Например, принцип полного и исключительного суверенитета государства в отношении воздушного пространства над его территорией сформировался в начале XX века именно в качестве обычной нормы, прежде чем он был закреплен в ст. 1 Конвенции о регулировании воздушной навигации 1919 года, а затем в ст. 1 Чикагской конвенции. Другими примерами обычно-правовых норм, которые были кодифицированы в многосторонних международных договорах, является норма, обязывающая государства оказывать помощь воздушным судам, терпящим бедствие²³, и норма о свободе полетов над открытым морем²⁴.

В зарубежной юридической литературе широко распространено мнение, согласно которому обязательство государств воздерживаться от применения оружия против гражданских воздушных судов в полете и в случае перехвата не ставить под угрозу жизнь находящихся на борту лиц и безопасность воздушного судна, сформулированное в 1984 г. в виде поправки в ст. 3bis Чикагской конвенции, также первоначально сформировалось в рамках обычной нормы общего международного права [Dempsey 2008:49; Huang 2009:87; Abeyratne 2014:68-69; Мильде 2017:79]. Действительно, если согласиться с тем, что норма, закрепленная в ст. 3bis Чикагской конвенции, зародилась и продолжает существовать в форме международного обычая даже после ее закрепления в Чикагской конвенции, то все государства обязаны были соблюдать установленное этой нормой обязательство задолго до 1984 года и продолжают нести эту обязанность вне зависимости от ратификации ими указанной статьи. Как подчеркнул Международный Суд в своем решении по делу о военной и военизированной деятельности в Никарагуа и против Никарагуа

²¹ По вопросу о вышеперечисленных доказательствах существования общей практики государств в отечественной и зарубежной доктрине существуют более или менее одинаковые позиции: см., например: [Черниченко 2014: 142; Лукашук 1997: 225-228; Вылегжанин, Каламкарян 2012: 13; Thirlway 2014: 69-70; Shaw 2008: 82].

²² North Sea Continental Shelf, Judgment (I.C.J. Reports 1969. P. 42).

²³ См., например: [Международное воздушное право... 1980: 89].

Указанная норма об оказании помощи воздушным судам, терпящим бедствие, нашла отражение, в частности, в ст. 25 Чикагской конвенции.

²⁴ Норма о свободе полетов над открытым морем нашла отражение в ст. 87 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. (Бюллетень международных договоров. 1998. № 1. С. 3).

в 1986 году, принципы общего обычного права остаются обязательными в качестве таковых, несмотря на то, что они были включены в договорно-правовые постановления. Даже если государства связаны нормами на уровне как договорного, так и обычного международного права, то эти нормы сохраняют свое раздельное существование²⁵. Однако обоснованность указанного вывода о первоначальной обычно-правовой природе обязательства, отраженного в статье 3bis Чикагской конвенции, вызывает большие сомнения, прежде всего, в связи с позицией таких важнейших авиационных держав, как СССР и США.

Например, возникает вопрос, каким образом следует оценивать действия СССР 1 сентября 1983 года, когда неподалеку от острова Сахалин советским истребителем был сбит самолет «Боинг-747» авиакомпании «Кориан Эйр Лайнз» с 246 пассажирами и 23 членами экипажа на борту, неправоммерно вошедший в воздушное пространство СССР. Являлись ли данные действия нарушением международного обычая либо СССР в то время еще не признавал существование обычно-правовой нормы, запрещающей применение оружия против гражданских воздушных судов в полете? Фактом, дополнительно подтверждающим, что в 1983 году СССР не признавал наличие указанной обычно-правовой нормы, является голосование СССР против резолюции Совета ИКАО, принятой 16 сентября 1983 года и признающей несовместимость применения вооруженной силы против международной гражданской авиации с нормами международного права²⁶.

Что касается США, то их позиция в отношении международно-правового обязательства воздерживаться от применения оружия против гражданских воздушных судов в полете до настоящего времени представляется не совсем определенной. Ввиду того что по прошествии почти сорока лет с момента внесения статьи 3bis в Чикагскую конвенцию США так и не ратифицировали ее, то есть не выразили согласие на ее обязательность, возникает вопрос, действительно ли США когда-либо признавали сформулирован-

ную в ней норму в качестве обычно-правовой. Неслучайно в своих решениях по делу о праве убежища и по делу о континентальном шельфе Северного моря Международный Суд обратил внимание на то, что неучастие государств в международном договоре может в определенных ситуациях поставить под сомнение существование самой обычно-правовой нормы, на кодификацию которой направлен данный международный договор²⁷.

По нашему мнению, сегодня можно с уверенностью утверждать, что норма, обязывающая государства воздерживаться от применения оружия против гражданских воздушных судов в полете и в случае перехвата не ставить под угрозу жизнь находящихся на борту лиц и безопасность воздушного судна, существует в договорной форме и связывает только государства, ратифицировавшие ст. 3bis Чикагской конвенции, а говорить о том, что эта норма когда-либо носила обычно-правовой характер, нет достаточных оснований.

Следующую группу составляют международные обычаи в международном воздушном праве, которые касаются вопросов использования воздушного пространства и деятельности авиации, до настоящего времени не урегулированных договорными нормами. При этом решение вопроса о самом существовании подобных международных обычаев и определение конкретной диспозиции таких обычно-правовых норм нередко могут вызывать значительные сложности и дискуссии. Можно согласиться с высказываемым в международно-правовой литературе мнением, что в международном воздушном праве сформировался международный обычай выполнения полетов государственных транспортных воздушных судов по воздушным трассам в международном воздушном пространстве в соответствии с правилами, установленными Приложением 2 к Чикагской конвенции, а также международный обычай объявления государствами зон в международном воздушном пространстве, опасных для осуществления деятельности, представляющих угрозу для полетов воздушных судов (например, в случае пусков

²⁵ Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America), Judgment (I.C.J. Reports 1986. P. 95).

²⁶ Чрезвычайная сессия Совета ИКАО. Монреаль, 15 и 16 сентября 1983 г. Протоколы (ICAO Doc. 9416 – C/1077 C-Min. Extraordinary 1983. P. 51).

²⁷ Colombian-Peruvian asylum case, Judgment (I.C.J. Reports 1950. P. 277); North Sea Continental Shelf, Judgment (I.C.J. Reports 1969. P. 42).

баллистических и иных ракет, стрельб, полетов боевой авиации и т. п.)²⁸.

В то же время примером, показывающим, насколько спорным и сложным может быть установление содержания некоторых обычно-правовых норм в международном воздушном праве, является вопрос о международном обычае, обязывающем каждое государство обеспечивать безопасность полетов гражданских воздушных судов в своем суверенном воздушном пространстве. Так, в резолюциях Ассамблеи ИКАО и в официальных письмах ИКАО ее государствам-членам неоднократно подчеркивалось, что «государства-члены несут как коллективную, так и индивидуальную ответственность за обеспечение безопасности полетов международной гражданской авиации»²⁹. Указание на обязанность государства обеспечить безопасное выполнение полетов гражданских воздушных судов в его суверенном воздушном пространстве в том или ином виде содержится в актах национального законодательства и судебной практике различных государств³⁰. С учетом данных положений можно было бы сделать вывод о формировании на сегодняшний день всеобщей практики государств и их *opinio juris*, то есть международно-правового обычая, в отношении обязанности каждого государства по обеспечению безопасности полетов гражданской авиации в воздушном пространстве над его территорией. Некоторые специалисты даже рассуждают о возможности превращения в будущем такой обычно-правовой нормы в императивную норму общего международного права [Huang 2009:173-174]. Однако возникает сложный и спорный вопрос о конкретной диспозиции вышеуказанной обычной нормы международного права. В частности, непонятно, какие в точности действия обязаны выполнять

государства для обеспечения безопасности полетов гражданских воздушных судов в их суверенном воздушном пространстве: например, обязано ли государство ввести запреты и ограничения полетов гражданских воздушных судов в случае ведения боевых действий или возникновения иной опасности на территории государства [Баталов 2018:65-66].

Рассматривая различные виды международных обычаев в международном воздушном праве, в отдельную группу следует выделить те, которые изменяют положения международного договора. Как отмечается в международно-правовой доктрине [Тункин 2000:125-127; Черниченко 2014:151] и подтверждается практикой Международного Суда³¹, изменение договорной нормы обычным путем в международном праве в принципе возможно, хотя случаи таких изменений встречаются редко. В международном воздушном праве к подобным случаям относится международный обычай, изменяющий ст. 5 Чикагской конвенции³². Несмотря на то, что в соответствии с этой статьей допускается выполнение нерегулярных полетов иностранных воздушных судов в некоммерческих целях в воздушном пространстве государств-участников Чикагской конвенции без предварительного разрешения, существующая практика государств, напротив, предусматривает необходимость получения разрешения для таких полетов, то есть изменяет (отменяет) норму, содержащуюся в Чикагской конвенции.

Международные стандарты

Согласно ст. 37 Чикагской конвенции каждое участвующее в ней государство обязуется сотрудничать для обеспечения максимально до-

²⁸ См., например: [Травников 2013: 76]; Международное воздушное право: учебник для бакалавриата и магистратуры / Под ред. А.И. Травникова и А.Х. Абашидзе. М.: Издательство Юрайт, 2018. С. 23; Стребков М.М. Международно-правовое регулирование полетов военных воздушных судов над открытым морем: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук М., 2007. С. 18.

²⁹ См., например: резолюции Ассамблеи ИКАО А37-1, А40-6, А29-13, А32-11 (Действующие резолюции Ассамблеи (ICAO Doc. 10140)); письмо Генерального секретаря ИКАО всем государствам-членам ИКАО № AN 13/4.2-14/59 от 24 июля 2014 г.

³⁰ См., например, законодательство России и США, регулирующее порядок использования воздушного пространства, а также судебную практику ФРГ (United States Code, Title 49, § 40103 "Sovereignty and use of airspace" (URL: <http://uscode.house.gov/download/download.shtml> (дата обращения: 7 июля 2020 г.)); преамбула Воздушного кодекса Российской Федерации (Собрание законодательства Российской Федерации, 1997. № 12, Ст. 1383); Lake Constance Mid-Air Collision: *Bashkirian Airlines v. Federal Republic of Germany* // Air & Space Law. 2007. No. 1. P. 75-79).

³¹ Case concerning the Temple of Preah Vihear (Cambodia v. Thailand), Judgment (I.C.J. Reports 1962, p. 33).

³² По вопросу существования международного обычая, изменяющего (отменяющего) положения статьи 5 Чикагской конвенции см., например: Международное воздушное право: учебник для бакалавриата и магистратуры / Под ред. А.И. Травникова и А.Х. Абашидзе. М.: Издательство Юрайт, 2018. С. 24; [Бордунов, Котов, Малеев 1988 : 43].

стижимой степени единообразия правил, стандартов, процедур и организации, касающихся воздушных судов, персонала, воздушных трасс и вспомогательных служб по всем вопросам, в которых такое единообразие будет содействовать аэронавигации и совершенствовать ее. С этой целью ИКАО, в частности, принимает и по мере необходимости время от времени изменяет международные стандарты, касающиеся:

- а) систем связи и аэронавигационных средств, включая наземную маркировку;
- б) характеристик аэропортов и посадочных площадок;
- в) правил полетов и практики управления воздушным движением;
- г) присвоения квалификации летному и техническому персоналу;
- д) годности воздушных судов к полетам;
- е) регистрации и идентификации воздушных судов;
- ж) сбора метеорологической информации и обмена ее;
- з) бортовых журналов;
- и) аэронавигационных карт и схем;
- к) таможенных и иммиграционных процедур;
- л) воздушных судов, терпящих бедствие, и расследования происшествий; а также
- м) других вопросов, касающихся безопасности, регулярности и эффективности аэронавигации, какие время от времени могут оказаться целесообразными³³.

Вместе с рекомендуемой практикой, также принимаемой и изменяемой ИКАО, на сегодняшний день насчитывается около 12 000 международных стандартов³⁴, которые в зависимости от регулируемых ими вопросов деятельности гражданской авиации сгруппированы в 19 документах, именуемых Приложениями к Чикагской конвенции:

- Приложение 1 «Выдача свидетельств авиационному персоналу»;
- Приложение 2 «Правила полетов»;
- Приложение 3 «Метеорологическое обеспечение международной аэронавигации»;
- Приложение 4 «Аэронавигационные карты»;

- Приложение 5 «Единицы измерения, подлежащие использованию в воздушных и наземных операциях»;
- Приложение 6 «Эксплуатация воздушных судов»;
- Приложение 7 «Национальные и регистрационные знаки воздушных судов»;
- Приложение 8 «Летная годность воздушных судов»;
- Приложение 9 «Упрощение формальностей»;
- Приложение 10 «Авиационная электро-связь»;
- Приложение 11 «Обслуживание воздушного движения»;
- Приложение 12 «Поиск и спасание»;
- Приложение 13 «Расследование авиационных происшествий и инцидентов»;
- Приложение 14 «Аэродромы»;
- Приложение 15 «Службы аэронавигационной информации»;
- Приложение 16 «Охрана окружающей среды»;
- Приложение 17 «Безопасность»;
- Приложение 18 «Безопасная перевозка опасных грузов по воздуху»;
- Приложение 19 «Управление безопасностью полетов».

Несмотря на то что каждый из вышеуказанных документов именуется «Приложение к Конвенции о международной гражданской авиации», согласно самой Чикагской конвенции данное наименование используется лишь «для удобства»³⁵. Нигде в Чикагской конвенции не указано, что Приложения являются ее составной частью, а порядок их принятия и изменения отличен от процедуры изменения самой Чикагской конвенции. В этой связи нельзя согласиться с мнениями отдельных специалистов, рассматривающих Приложения в качестве неотъемлемой части Чикагской конвенции³⁶.

В зависимости от степени определенности различают три вида международных стандартов: 1) предписывающие стандарты (prescriptive standards); 2) стандарты, ориентированные на достижение результата (performance-based standards); 3) смешанный вид стандартов.

³³ Статья 37 Конвенции о международной гражданской авиации 1944 г. (Документ ИКАО 7300/9. 9-е изд. 2006).

³⁴ World Civil Aviation Report. Vol. 3. Montreal. 2019. P. 5.

³⁵ Статья 54 Конвенции о международной гражданской авиации 1944 г. (Документ ИКАО 7300/9. 9-е изд. 2006).

³⁶ См., например: [Abeyratne 2016 : 103].

Предписывающие стандарты четко определяют (предписывают), какие действия необходимо выполнить, либо какие технические средства должны быть использованы, либо каким требованиям должны соответствовать организации, объекты инфраструктуры гражданской авиации или члены экипажей воздушных судов. Данный вид международных стандартов наиболее часто используется ИКАО для регулирования различных вопросов деятельности гражданской авиации, поскольку во многих случаях они являются единственным эффективным средством достижения единообразия различных правил и процедур, принимаемых государствами – членами ИКАО. Предписывающие международные стандарты содержатся почти во всех Приложениях к Чикагской конвенции и сформулированы, например, следующим образом:

– *Приложение 1 «Выдача свидетельств авиационному персоналу»:*

«2.1.10 Договаривающееся государство, выдающее свидетельства пилотам, не допускает их обладателей к выполнению функций пилота воздушного судна, занятого в международных коммерческих воздушных перевозках, если обладатели свидетельств достигли 60-летнего возраста или, в случае выполнения полетов более чем с одним пилотом 65-летнего возраста»;³⁷

– *Приложение 2 «Правила полетов»:*

«3.2.2.2 Сближение на встречных курсах. При сближении двух воздушных судов на встречных курсах или на курсах, близких к встречным, и если при этом существует опасность столкновения, то каждое из этих воздушных судов отворачивает вправо»;³⁸

– *Приложение 13 «Расследование авиационных происшествий и инцидентов»:*

«6.7 Если государство, которое провело расследование происшествия или инцидента с воздушным судном максимальной массой более 5700 кг, выпустило окончательный отчет, то это государство направляет в Международную организацию гражданской авиации экземпляр такого окончательного отчета». ³⁹

В отличие от предписывающего международного стандарта стандарт, ориентированный на достижение результата, устанавливает лишь общие цели (параметры), которые должны быть достигнуты посредством его внедрения, предполагая при этом, что государство (регулирующий орган) предоставит субъектам своего национального права – физическим и юридическим лицам – свободу в определении средств (методов, действий) достижения этих целей (параметров). Например, данный вид международного стандарта содержится в пункте 6.18.1 части I («Международный коммерческий воздушный транспорт. Самолеты») Приложения 6 («Эксплуатация воздушных судов») к Чикагской конвенции:

– «6.18.1 Все самолеты с максимальной сертифицированной взлетной массой более 27 000 кг, индивидуальные сертификаты летной годности которых впервые выданы 1 января 2023 года или после этой даты, если они терпят бедствие, по крайней мере ежеминутно передают в автономном режиме информацию, на основании которой эксплуатант может определить их местоположение, в соответствии с положениями добавления 9». ⁴⁰

Как видно из формулировки пункта 6.18.1, устанавливая общее требование о ежеминутной передачи самолетом, терпящим бедствие, информации о местоположении в автономной режиме, международный стандарт не предписывает, каким образом должно быть выполнено данное требование, и предоставляет тем самым свободу в определении технических и иных средств достижения заданных параметров. С одной стороны, международные стандарты, ориентированные на достижение результата, предоставляют государству (регулирующему органу) и регулируемым физическим и юридическим лицам большую гибкость в выборе наиболее эффективных средств их внедрения. Однако, с другой стороны, не очень четкая формулировка целей (параметров), подлежащих достижению в соответствии с этими стандартами, может создать значительные сложности для их имплементации

³⁷ Приложение 1 к Конвенции о международной гражданской авиации «Выдача свидетельств авиационному персоналу». 12-е изд. ИКАО, 2018. С. 2–6.

³⁸ Приложение 2 к Конвенции о международной гражданской авиации «Правила полетов». 10-е изд. ИКАО, 2005. С. 3–3.

³⁹ Приложение 13 к Конвенции о международной гражданской авиации «Расследование авиационных происшествий и инцидентов». 11-е изд. ИКАО, 2016. С. 6–3.

⁴⁰ Приложение 6 к Конвенции о международной гражданской авиации «Эксплуатация воздушных судов». Часть I. 11-е изд. ИКАО, 2018. С. 6–19 (с учетом письма Генерального секретаря ИКАО всем государствам-членам ИКАО № AN 11/1.3.32-20/18 от 7 апреля 2020 г.).

на национальном уровне и в итоге даже привести к нарушению единообразия правил и процедур, принимаемых различными государствами – членами ИКАО.

Указанные выше проблемы, связанные со стандартами, ориентированными на достижение результата, могут быть решены при использовании смешанных видов стандартов, в которых сочетаются преимущества как предписывающих стандартов, так и стандартов, ориентированных на достижение результата. Смешанный стандарт может устанавливать два альтернативных способа его внедрения: 1) посредством установления и выполнения минимальных требований, которые

четко определяются в предписывающей части стандарта, либо 2) посредством установления государством (регулирующим органом) общих параметров, указанных в стандарте, и предоставления регулируемым физическим и юридическим лицам возможности самостоятельного определения средств (методов) достижения этих параметров. Один из примеров смешанного международного стандарта содержится в пункте 4.3.4 части I («Международный коммерческий воздушный транспорт. Самолеты») Приложения 6 («Эксплуатация воздушных судов») к Чикагской конвенции, который устанавливает требования к выбору эксплуатантом запасных аэродромов⁴¹.

⁴¹ «4.3.4 Запасные аэродромы

4.3.4.1 Запасной аэродром при взлете

4.3.4.1.1 Запасной аэродром при взлете выбирается и указывается в рабочем плане полета в тех случаях, когда метеорологические условия на аэродроме вылета ниже установленных эксплуатантом посадочных минимумов аэродрома для данного полета или если не представляется возможным вернуться на аэродром вылета по другим причинам.

4.3.4.1.2 Запасной аэродром при взлете располагается в пределах следующего времени полета от аэродрома вылета:

а) самолеты с двумя двигателями: 1 ч времени полета на крейсерской скорости с одним отказавшим двигателем, определенном в соответствии с руководством по летной эксплуатации воздушного судна, рассчитанного в МСА и в штилевых условиях с использованием фактической взлетной массы или;

б) самолеты с тремя или более двигателями: 2 ч времени полета на крейсерской скорости при всех работающих двигателях, определенном в соответствии с руководством по летной эксплуатации воздушного судна, рассчитанного в МСА и в штилевых условиях с использованием фактической взлетной массы или;

с) самолеты, выполняющие полеты с увеличенным временем ухода на запасной аэродром (EDTO), в тех случаях, когда отсутствует аэродром, отвечающий критериям по расстояниям, указанным в а) и б), первый имеющийся запасной аэродром, расположенный в пределах утвержденного эксплуатантом максимального времени ухода на запасной аэродром с учетом фактической взлетной массы.

4.3.4.1.3 Для аэродрома, выбранного в качестве запасного для аэродрома взлета, имеющаяся информация должна указывать на то, что к расчетному времени использования условия на нем будут соответствовать или превышать эксплуатационные минимумы аэродрома, установленные эксплуатантом для такого производства полетов.

4.3.4.2 Запасные аэродромы на маршруте

Запасные аэродромы на маршруте, требуемые в соответствии с п. 4.7 при производстве полетов с увеличенным временем ухода на запасной аэродром самолетами с двумя газотурбинными двигателями, выбираются и указываются в рабочем плане полета и плане полета для обслуживания воздушного движения (ОВД).

4.3.4.3 Запасные аэродромы пункта назначения

4.3.4.3.1 При полете, выполняемом по правилам полетов по приборам, выбирается и указывается в рабочем плане полета и в плане полета для ОВД по крайней мере один запасной аэродром пункта назначения, за исключением тех случаев, когда:

а) продолжительность полета от аэродрома вылета или от точки на маршруте, где изменяется план полета до аэродрома пункта назначения, определяется с учетом метеорологических условий и оперативной информации в отношении полета, дающих основание для достаточной уверенности в том, что в расчетное время использования аэродрома:

- 1) заход на посадку и посадка могут выполняться в визуальных метеорологических условиях; и
- 2) на аэродроме пункта назначения к расчетному времени его использования имеются независимые рабочие ВПП, среди которых, по крайней мере, одна оборудована для захода на посадку по приборам; или

б) аэродром является изолированным. Производство полетов на изолированные аэродромы не требует выбора запасного(ых) аэродрома(ов) пункта назначения и планируется в соответствии с п. 4.3.6.3 d) 4);

- 1) для каждого полета на изолированный аэродром определяется рубеж ухода;

- 2) полет, выполняемый на изолированный аэродром, продолжается после прохождения рубежа ухода только в том случае, если оценка метеорологических условий, воздушного движения и прочих оперативных условий на данный момент свидетельствует о том, что в расчетное время использования аэродрома можно произвести безопасную посадку.

Примечание 1. Независимыми ВПП являются две или более ВПП на том же самом аэродроме, расположенные таким образом, что если одна ВПП закрыта, то производство полетов можно обеспечивать с помощью другой(их) ВПП.

Примечание 2. Инструктивный материал по планированию производства полетов на изолированные аэродромы, содержится в Руководстве по планированию полетов и управлению расходом топлива (FPM) (Doc 9976).

Процесс разработки и принятия международных стандартов занимает приблизительно два года и с учетом положений Чикагской конвенции и практики, сложившейся в рамках ИКАО, состоит из следующих этапов:

1. Инициатива разработки новых или изменения существующих международных стандартов может исходить от широкого круга органов и субъектов, включая государства – члены ИКАО, Ассамблею, Совет, Аэронавигационную комиссию (далее – АНК), Секретариат и комитеты ИКАО (например, Комитет по охране окружающей среды от воздействия авиации), группы экспертов АНК, специализированные аэронавигационные совещания ИКАО (например, аэронавигационные конференции), а также различные международные организации.

2. Если органы или субъекты, выступающие с инициативой разработки международного стандарта, не представляют конкретный проект самого стандарта, то порядок его разработки определяется АНК⁴², которая может поручить выполнение данной задачи группе экспертов либо специальной исследовательской (рабочей) группе Секретариата ИКАО. При этом в боль-

шинстве случаев разработка или изменение стандартов поручается одной из групп экспертов АНК, каждая из которых, как правило, состоит из 15–20 специалистов по отдельным вопросам аэронавигации и деятельности гражданской авиации и действует в соответствии с Директивами группам экспертов Аэронавигационной комиссии, утвержденными Советом, и кругом полномочий, определяемых самой АНК⁴³.

3. Разработанный проект нового или измененного международного стандарта представляется на предварительное рассмотрение АНК, которая на этом этапе проводит детальный критический анализ проекта и может вносить в него любые изменения.

4. После предварительного рассмотрения проекта международного стандарта АНК Секретариат ИКАО направляет его для консультации всем государствам – членам ИКАО и заинтересованным международным организациям, которым предоставляется, как правило, три месяца для представления своих замечаний в отношении проекта⁴⁴.

5. После получения замечаний государств – членов ИКАО и заинтересованных международ-

4.3.4.3.2 Два запасных аэродрома пункта назначения выбираются и указываются в рабочем плане полета и плане полета для ОВД в тех случаях, когда для аэродрома пункта назначения:

a) метеорологические условия в расчетное время использования аэродрома являются ниже установленных эксплуатационных минимумов аэродрома, установленных эксплуатантом для такого производства полетов; или

b) отсутствует информация о метеорологических условиях.

4.3.4.4 Несмотря на положения пп. 4.3.4.1, 4.3.4.2 и 4.3.4.3, государство эксплуатанта может на основе проведенной эксплуатантом конкретной оценки риска для безопасности полетов, которая демонстрирует, каким образом будет обеспечен эквивалентный уровень безопасности полетов, утвердить эксплуатационные варианты критериев выбора запасного аэродрома. В конкретную оценку риска для безопасности полетов включается, по крайней мере, следующее:

a) характеристики эксплуатанта;

b) общие технические характеристики самолета и его систем;

c) имеющаяся на аэродроме техника, технические характеристики и инфраструктура;

d) качество и надежность метеорологической информации;

e) выявленные опасности и риски для безопасности полетов, связанные с каждым вариантом использования запасного аэродрома;

f) конкретные меры по минимизации последствий.

Примечание. Инструктивный материал по проведению оценки риска для безопасности полетов и определению вариантов, включая примеры таких вариантов, содержится в Руководстве по планированию полетов и управлению расходом топлива (FPPM) (Doc 9976) и Руководстве по управлению безопасностью полетов (РУБП) (Doc 9859).» (Приложение 6 к Конвенции о международной гражданской авиации «Эксплуатация воздушных судов». Часть I. 11-е изд. ИКАО, 2018. С. 4–9).

⁴² Аэронавигационная комиссия (АНК) является одним из органов ИКАО и, согласно статье 56 Конвенции о международной гражданской авиации, состоит из 19 членов, назначаемых Советом ИКАО из числа лиц, выдвинутых государствами-членами ИКАО и обладающих «соответствующей квалификацией и опытом в научной и практической областях аэронавтики». Несмотря на то, что члены АНК выдвигаются государствами, они действуют в личном качестве независимых экспертов (специалистов) в области аэронавтики (аэронавигации).

⁴³ Директивы группам экспертов Аэронавигационной комиссии (ICAO Doc. 7984/5).

⁴⁴ Указание на необходимость проведения консультаций с государствами-членами ИКАО в отношении проектов новых или измененных международных стандартов до их принятия Советом ИКАО содержится в резолюциях Ассамблеи ИКАО (см., например, резолюцию А39-22. Действующие резолюции Ассамблеи (ICAO Doc. 10140)). Данные консультации могут не проводиться лишь в исключительных случаях, когда Совет ИКАО сочтет необходимым принять срочные меры.

ных организаций в отношении проекта международного стандарта Секретариат ИКАО проводит подробный анализ и представляет проект с учетом данных замечаний на окончательное рассмотрение АНК.

6. После окончательного рассмотрения проекта международного стандарта АНК принимает решение о рекомендации его для принятия Советом ИКАО.

7. Совет ИКАО принимает международные стандарты или изменения к ним, содержащиеся в соответствующих Приложениях к Чикагской конвенции (поправках к Приложениям), двумя третями голосов на созванном для этой цели заседании на основании статьи 90 Чикагской конвенции.

8. Приложения к Чикагской конвенции или поправки к Приложениям, содержащие международные стандарты, после принятия их Советом направляются государствам – членам ИКАО и вступают в силу в течение трех месяцев либо по истечении более длительного периода времени, который может быть установлен Советом, при условии, что в течение этого времени большинство государств – членов ИКАО (государств – участников Чикагской конвенции⁴⁵) не уведомят Совет о своем несогласии.

9. Совет немедленно извещает все государства – члены ИКАО о вступлении в силу поправок к Приложениям к Чикагской конвенции.

Следует отметить, что изложенный выше порядок разработки и принятия международных стандартов применяется в отношении Приложений 1–8, 10–16, 18 и 19 к Чикагской конвенции. Что касается международных стандартов Приложения 9 («Упрощение формальностей») и Приложения 17 («Безопасность. Защита международной гражданской авиации от актов незаконного вмешательства»), то они разрабатываются и принимаются без участия АНК и ее групп экспертов. В частности, поправки к Приложению 9, как правило, разрабатываются Группой экспертов по упрощению формальностей Авиатранспортного комитета⁴⁶, а поправки к Приложению 17 – Груп-

пой экспертов по авиационной безопасности Комитета по незаконному вмешательству⁴⁷. Затем разработанные поправки предварительно рассматриваются непосредственно в Совете ИКАО (его Авиатранспортном комитете и Комитете по незаконному вмешательству), проходят процесс консультации с государствами – членами ИКАО и в окончательном виде принимаются Советом ИКАО и вступают в силу в соответствии с той же процедурой, которая применяется к поправкам ко всем другим Приложениям к Чикагской конвенции.

После вступления международного стандарта в силу государство – член ИКАО должно начать его внедрение на национальном уровне посредством внесения соответствующих изменений в свое национальное законодательство и создания необходимых механизмов для реализации этих изменений на практике (например, подготовка соответствующего персонала, внедрение новых технических средств и оборудования и т. п.). В случае, если государство сочтет практически затруднительным придерживаться во всех отношениях каких-либо положений международного стандарта либо приводить свои собственные правила или практику в полное соответствие с международным стандартом, либо сочтет необходимым принять правила или практику, имеющие особое отличие от его положений, то оно незамедлительно уведомляет ИКАО об отклонениях от международного стандарта на основании ст. 38 Чикагской конвенции. При этом согласно указаниям Совета государствам – членам ИКАО рекомендуется уведомлять ИКАО о различиях между их национальными правилами или практикой и положениями международного стандарта в следующих случаях:

- требования национальных правил или практики государства жестче или превышают требования международного стандарта;
- требования национальных правил или практики государства отличаются по своему характеру от международного стандарта или устанавливают другие средства соблюдения между-

⁴⁵ Поскольку Чикагская конвенция одновременно является учредительным актом ИКАО, то участие государства в данной конвенции означает и членство в ИКАО. Следовательно, число участников Чикагской конвенции равно числу членов ИКАО и по состоянию на 1 июля 2020 г. составляет 193 государства.

⁴⁶ Авиатранспортный комитет является одним из постоянных комитетов Совета ИКАО и в соответствии с Правилами процедуры постоянных комитетов Совета (утверждены Советом, ICAO Doc. 8146-C/930/6) формируется из представителей всех членов Совета.

⁴⁷ Комитет по незаконному вмешательству также является одним из постоянных комитетов Совета ИКАО и в соответствии с Правилами процедуры постоянных комитетов Совета (утверждены Советом, ICAO Doc. 8146-C/930/6) состоит не менее чем из 13 и не более чем из 20 членов.

народного стандарта (например, национальные правила и практика, хотя и не налагающие дополнительного обязательства, отличаются в принципе по типу и структуре от соответствующего международного стандарта);

– требования национальных правил или практики государства обеспечивают меньшую защиту, чем соответствующий международный стандарт, либо государство не выполняет или выполняет только частично положения международного стандарта (например, национальные правила, учитывающие международный стандарт, полностью или частично не разработаны или не введены в действие государством)⁴⁸.

В тех случаях, когда государство не принимает национальные правила, соответствующие международному стандарту, в силу того что данный стандарт не применим к его текущей авиационной деятельности (например, международные стандарты, касающиеся проектирования и конструкции воздушных судов могут быть не применимы к конкретному государству, если на его территории не осуществляются проектирование и изготовление воздушных судов), оно не должно уведомлять ИКАО об отклонениях от международного стандарта согласно ст. 38 Чикагской конвенции.

Кроме того, для предоставления членам экипажей воздушных судов, авиапредприятиям и иным юридическим и физическим лицам быстрого доступа к важной информации о различиях между национальными требованиями государства и положениями международных стандартов, перечень таких различий также должен публиковаться в Сборнике аэронавигационной информации (AIP) государства в соответствии с пунктом 5.2.2 Приложения 15 («Службы аэронавигационной информации») к Чикагской конвенции⁴⁹.

Особенности процедуры разработки и принятия международных стандартов в совокупности с правом государств – членов ИКАО заявлять об отклонениях от положений международных стандартов в случае невозможности

их полного или частичного соблюдения на основании ст. 38 Чикагской конвенции во многом стали причиной довольно широкого разнообразия и зачастую диаметральной противоположности мнений специалистов по вопросу юридической природы стандартов ИКАО. В этой связи, несмотря на наличие большого количества работ по данному вопросу как в отечественной, так и в зарубежной международно-правовой литературе, представляется необходимым уделить особое внимание анализу проблемы юридической природы международных стандартов с учетом современной практики и документов ИКАО.

Позиции различных авторов в отношении международных стандартов, принимаемых ИКАО, можно условно разделить на три основные группы.

К первой группе относятся юристы, которые утверждают, что международные стандарты не содержат норм, обязательных для исполнения государствами – членами ИКАО. Например, по мнению профессора Ю.Н. Малеева, в силу вышеуказанной ст. 38 Чикагской конвенции стандарт «не является нормой, устанавливающей какое-то правило, обязательное для исполнения государством – членом ИКАО» [Международное воздушное право... 1980:93; Грязнов, Малеев 1987:9]. Аналогичной точки зрения придерживается американский профессор Т. Бюргенталь [Buerghenthal 1969:76]. В.Д. Бордунов также утверждает, что стандарты «являются юридически слабыми и представляют собой лишь «мягкое право»⁵⁰. При этом указанные авторы не отрицают важное практическое значение, которое имеют международные стандарты для международной гражданской авиации.

Авторы, позиции которых можно объединить в рамках второй группы, полагают, что международные стандарты, представляя собой односторонние акты Совета ИКАО, являются юридически обязательными для государств – членов ИКАО. Так, например, директор Управления по правовым вопросам и внешним сношениям Секретариата ИКАО доктор Д. Хуанг, учитывая

⁴⁸ См., например: письмо Генерального секретаря ИКАО всем государствам-членам ИКАО № AN 10/1.1-20/16 от 2 апреля 2020 г.

⁴⁹ Приложение 15 к Конвенции о международной гражданской авиации «Службы аэронавигационной информации». 16-е изд. ИКАО, 2018. С. 5–2.

Подробные разъяснения по поводу публикации в Сборнике аэронавигационной информации (AIP) государства информации о различиях между национальными правилами и практикой государства и положениями международных стандартов также содержатся в главе 5 Руководства ИКАО по службам аэронавигационной информации (ICAO Doc. 8126 AN/872).

⁵⁰ Бордунов В.Д. *Международное воздушное право. Учебное пособие*. М.: НОУ ВКШ «Авиабизнес», 2007. С. 269.

противоречивость различных взглядов в доктрине по поводу юридической природы международных стандартов ИКАО, тем не менее приходит к выводу о том, что до момента уведомления ИКАО об отклонении от международного стандарта на основании ст. 38 Чикагской конвенции государство – член ИКАО обязано соблюдать его [Huang 2009:60; Dobelle 2003:455; van Antwerpen 2008:31; Ratajczyk 2015:24; Шибаева 1986:116].

Третья группа юристов-международников, учитывая процесс так называемого «молчаливого» принятия международных стандартов государствами, предусмотренный ст. 90 Чикагской конвенции, рассматривает их в качестве особого вида международных договоров, также имеющих обязательную силу. Так, член-корреспондент АН СССР Г.И. Тункин, объединяя стандарты ИКАО и иные подобные акты, принимаемые международными межправительственными организациями, общим родовым понятием «регламенты специализированных международных организаций», делает вывод, что данные регламенты являются по своему существу международными договорами и при этом отмечает следующее: «Процесс заключения таких договоров значительно отличается от обычного. Это новое явление, связанное с развитием международных организаций, имеющее целью ускорить и упростить процесс заключения и изменения такого рода международных договоров. Но обязывающая сила норм регламентов основывается на соглашении (т. е. на согласовании воли государств), а не на законодательной власти международных организаций.» [Тункин 2000:91]. Аналогичной точки зрения в отношении юридической природы международных стандартов ИКАО придерживаются профессора Г. Шермерс и Н. Блоккер [Schermers, Blokker 2011:794], а также бывший юридический советник ЮНЕСКО Х. Саба [Saba 1964:678].

Как представляется, при рассмотрении вопроса о юридической природе международных стандартов необходимо учитывать следующие обстоятельства.

Во-первых, при анализе положений самой Чикагской конвенции как международного до-

говора, на основании которого принимаются и применяются международные стандарты ИКАО, следует соблюдать общие правила толкования договоров, установленные Венской Конвенцией о праве международных договоров 1969 г. В соответствии с данными правилами при толковании международного договора наряду с его контекстом должна учитываться и последующая практика его применения, устанавливающая соглашение участников относительно его толкования⁵¹.

Во-вторых, порядок принятия и вступления в силу международных стандартов ИКАО, закрепленный в Чикагской конвенции и включающий в себя «молчаливое» одобрение стандартов государствами – членами ИКАО, не является полностью уникальным и имеет аналоги в практике современных международных организаций. Например, Устав (Конституция) Всемирной организации здравоохранения предусматривает, что Ассамблея здравоохранения принимает различные правила, в том числе, касающиеся санитарных и карантинных требований и иных мероприятий, направленных против международного распространения болезней. После того как должным образом будет сделано оповещение о принятии этих правил Ассамблеей здравоохранения, они становятся обязательными для всех государств – членов, за исключением тех членов Организации, которые известят Генерального директора в указанный в оповещении срок об отклонении их или оговорках в отношении них⁵². Также в соответствии с Конвенцией Всемирной метеорологической организации ее пленарный орган (Всемирный метеорологический конгресс) вправе утверждать технические правила, которые относятся к метеорологическим процедурам и практике и для выполнения которых государства – члены должны приложить все усилия; однако, если для государства – члена нецелесообразно ввести в действие какое-нибудь предписание технической резолюции, принятой Всемирным метеорологическим конгрессом, то он должен известить Генерального секретаря Организации о предварительном или окончательном отказе и указать причины отказа⁵³. Очевидно,

⁵¹ Статья 31 Венской Конвенции о праве международных договоров 1969 г. (Сборник международных договоров СССР, вып. XLII. М., 1988).

⁵² Статья 22 Устава (Конституции) Всемирной организации здравоохранения 1946 г. (Основные документы. 48 е изд. Всемирная организация здравоохранение, 2014).

⁵³ Статьи 7 и 8 Конвенции Всемирной Метеорологической Организации 1947 г. (Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами, вып. XIV. М., 1957. С. 231).

что, как и в случае с международными стандартами ИКАО, упрощенный и более быстрый порядок принятия и вступления в силу определенных видов актов международных организаций (например, санитарные и карантинные правила или метеорологические процедуры) необходим для того, чтобы государства – члены этих организаций могли своевременно реагировать на быстро меняющиеся ситуации и процессы (появление новых технологий и типов воздушных судов в гражданской авиации, появление новых вызовов и угроз в виде распространения эпидемий, опасные метеорологические явления и т. п.) и более эффективно регулировать соответствующие вопросы.

И, наконец, в-третьих, определенную путаницу при анализе проблемы юридической природы международных стандартов вносят широко используемые в юридической литературе термины «регламенты», «авиационные регламенты», «технические регламенты» и «техническое законодательство» [Международное воздушное право... 1980:90; Бордунов 1989:75-79; Buergenthal 1969:57], под которыми понимаются не только международные стандарты, но и акты (документы), не являющиеся обязательными для государств (рекомендуемая практика, правила аэронавигационного обслуживания и проч.). Использование подобного единого термина для обозначения совершенно разных по своей юридической природе актов вряд ли обоснованно.

Принимая во внимание вышеизложенные обстоятельства, международные стандарты следует рассматривать в качестве сложного и особенно юридического феномена, который возник на фоне быстрого развития международной гражданской авиации во второй половине XX столетия и превращения ее в поистине глобальное средство транспортировки пассажиров и грузов, в рамках которого тесно переплелись различные процессы разработки и принятия международно-правовых норм.

С одной стороны, действительно, международные стандарты являются результатом интенсивной деятельности различных органов ИКАО,

включая ее Совет, АНК, группы экспертов и комитеты. Однако вряд ли правильно характеризовать международные стандарты исключительно в качестве актов одностороннего волеизъявления Совета ИКАО, поскольку при таком подходе возникает вполне обоснованный вопрос, на каком основании они являются юридически обязательными для государств. Ведь в отличие, например, от уставов (учредительных актов) некоторых других международных организаций, прямо предусматривающих обязанность их государств – членов выполнять решения органов этих организаций⁵⁴, в отношении международных стандартов Чикагская конвенция, как совершенно справедливо отмечалось в международно-правовой литературе [Мильде 2017:200], содержит лишь очень общее обязательство государств – членов ИКАО *сотрудничать в обеспечении максимально достижимой степени единообразия* правил, стандартов и процедур, касающихся различных аспектов деятельности международной гражданской авиации, и при этом данное обязательство по сотрудничеству распространяется не только на международные стандарты, но и на рекомендуемую практику, не являющуюся обязательной для государств. Только для международных стандартов, действующих над открытым морем, ст. 12 Чикагской конвенции однозначно устанавливает обязательство государств – членов ИКАО по их соблюдению⁵⁵.

С другой стороны, ст. 90 Чикагской конвенции, предусматривающая вступление в силу международных стандартов только в случае, если в течение определенного периода времени большинство государств – членов ИКАО не уведомят Совет ИКАО о своем несогласии, подтверждает вывод о том, что международные стандарты являются результатом соглашения («молчаливого» соглашения) между государствами. В связи с этим следует отметить, что сегодня в международной договорной практике известны случаи, когда изменения к многосторонним международным договорам принимаются и вступают в силу посредством «молчаливого» одобрения государств-участников приблизительно в том

⁵⁴ Например, согласно ст. 25 Устава Организации Объединенных Наций, члены ООН «соглашаются, в соответствии с настоящим Уставом, подчиняться решениям Совета Безопасности и выполнять их» (Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами, вып. XII. М., 1956. С. 14).

⁵⁵ Согласно ст. 12 Чикагской конвенции, над открытым морем действующими являются правила, установленные в соответствии с настоящей конвенцией, и каждое государство-участник конвенции обязуется обеспечить привлечение к ответственности всех лиц, нарушающих действующие регламенты.

же упрощенном порядке, который предусмотрен ст. 90 Чикагской конвенции для принятия и вступления в силу международных стандартов⁵⁶. Между тем нельзя полностью согласиться с позицией некоторых юристов-международников (например, Г.И. Тункин, Х. Саба) [Тункин 2000:91; Saba 1964:678], по существу приравнивающих международные стандарты к международным договорам, поскольку Приложения к Чикагской конвенции и поправки к ним, которые включают в себя международные стандарты и на которые распространяется упрощенный порядок принятия, «молчаливого» одобрения и вступления в силу в соответствии со ст. 90 Чикагской конвенцией, не являются, как уже подчеркивалось, неотъемлемой частью международного договора – Чикагской конвенции⁵⁷. Думается, более взвешенный подход в отношении международных стандартов как результата соглашения между государствами предлагается в работах С.В. Черниченко и Н.Б. Крылова, указывающих на недопустимость ставить знак равенства между международными стандартами и международными договорами и отмечающих, что наличие в основе стандартов соглашений между государствами не делает их тождественными [Крылов 1988:82-129]. В частности, С.В. Черниченко обращает внимание, что «сходство сути правотворческого процесса в одном и другом случае (вырабатывается явно выраженное соглашение на основе примерно одинаковой степени согласования) не исключает различий в механизме его подготовки

и формах, в которых оно фиксируется» [Черниченко 2014:159].

Таким образом, процесс принятия и вступления в силу международных стандартов проходит в рамках ИКАО и завершается достижением «молчаливого» соглашения между всеми государствами – членами ИКАО. И хотя за всю более чем 70-летнюю историю ИКАО не было ни одного случая, когда международный стандарт не вступил бы в силу из-за несогласия большинства государств – членов ИКАО, именно «молчаливое» соглашение государств является конечным этапом процесса, в результате которого появляется норма международного воздушного права – правило поведения, обязательное для государств, и именно согласие государств – членов ИКАО, «молчаливо» выраженное в соответствии со ст. 90 Чикагской конвенции, составляет основу юридической обязательности международных стандартов. Международный стандарт представляет собой отдельный вид источника международного воздушного права, то есть форму закрепления появившихся в результате «молчаливого» соглашения международно-правовых норм.

Как уже отмечалось ранее, даже после вступления международного стандарта в силу государство – член ИКАО, испытывающее практические трудности с его внедрением, вправе полностью или частично не придерживаться его положений либо при необходимости принять национальные правила, полностью или частично

⁵⁶ Например, ст. 24 Конвенции для унификации некоторых правил международных воздушных перевозок 1999 г. предусматривает следующий порядок изменения пределов ответственности авиаперевозчика, установленных данной конвенцией:

- 1) пределы ответственности авиаперевозчика пересматриваются ИКАО (Советом ИКАО) каждые пять лет с использованием коэффициента инфляции, соответствующего совокупным темпам инфляции за период со времени предыдущего пересмотра, или при первом пересмотре – с даты вступления в силу конвенции;
- 2) если в результате такого пересмотра делается вывод о том, что коэффициент инфляции превысил десять процентов, то ИКАО уведомляет государств – участников конвенции об изменении пределов ответственности; 3) любое такое изменение вступает в силу через шесть месяцев после уведомления о нем государств – участников;
- 4) если в течение трех месяцев после уведомления о нем государств – участников большинство государств – участников заявят о своем несогласии, изменение не вступает в силу, и ИКАО передает данный вопрос на рассмотрение совещания государств – участников конвенции;
- 5) ИКАО незамедлительно уведомляет всех государств – участников конвенции о вступлении в силу любого изменения (ICAO Doc. 9740).

Статья V Международной конвенции по регулированию китобойного промысла 1946 года также предусматривает порядок «молчаливого» одобрения государствами-участниками поправок к приложению к конвенции (правил, относящихся к сохранению и использованию поголовья китов), принятых Международной китобойной комиссией (Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами, вып. XIII. М., 1956. С. 370).

⁵⁷ Следует отметить, что в отличие от Чикагской конвенции предшествующий ей международный договор – Парижская Конвенция о регулировании воздушной навигации 1919 года прямо предусматривала в статье 39, что она дополняется приложениями А-Н (содержащими технические правила (стандарты)), которые имеют ту же юридическую силу и вступают в то же время, когда и сама Конвенция (Международное воздушное право: учебник для бакалавриата и магистратуры / Под ред. А.И. Травникова и А.Х. Абашидзе. М.: Издательство Юрайт, 2018. С. 227).

не соответствующие этому стандарту, при условии уведомления ИКАО о таких отклонениях в соответствии со ст. 38 Чикагской конвенции. В том же случае, если государство не направляет указанное уведомление в адрес ИКАО, предполагается, что оно продолжает «молчаливо» соглашаться с международным стандартом и обязано соблюдать его. Как представляется, право государств – членов ИКАО полностью или частично отступать от положений действующих международных стандартов ни в коей мере не должно рассматриваться как подтверждение отсутствия их обязательной силы и отнесение их лишь к так называемому «мягкому праву», а напротив, еще раз свидетельствует о том, что обязательность международных стандартов основывается исключительно на соглашении суверенных государств, которые не могут быть принуждены к выполнению этих стандартов без их согласия.

Вышеизложенное понимание международного стандарта как источника международного воздушного права, содержащего нормы, обязательные для государств – членов ИКАО, полностью подтверждается документами и практикой этой организации, а также текстом самих Приложений к Чикагской конвенции. Так, в официальных письмах ИКАО, в которых государствам – членам направляются принятые поправки к Приложениям к Чикагской конвенции, постоянно подчеркивается, что международные стандарты, содержащиеся в Приложениях, имеют обязательную силу в той их части, в отношении которой заинтересованное государство или государства не уведомили о каких-либо различиях в соответствии со ст. 38 Чикагской конвенции⁵⁸. В многочисленных резолюциях Ассамблеи ИКАО понятие «стандарт» определяется как «любое требование к физическим характеристикам, конфигурации, материальной части, техническим характеристикам, персоналу или правилам, единообразное применение которого **считается необходимым** для обеспечения безопасности или регулярности международной аэронавигации, и которое **будут соблюдать До-**

говаривающиеся государства согласно Конвенции»⁵⁹, то есть указывается на обязательность международных стандартов для государств – членов ИКАО. Наконец, в тексте Приложений к Чикагской конвенции всегда существовало и остается четкое разграничение между стандартами, имеющими обязательную силу, с одной стороны, и рекомендуемой практикой, которая не является юридически обязательной для государств, с другой стороны. Очевидно, если бы стандарты и рекомендуемая практика обладали бы одинаковым статусом, в таком разграничении не было бы никакой необходимости. Вывод о юридической обязательности международных стандартов можно сделать также на основе анализа материалов практики разрешения международных споров в рамках ИКАО и национальной судебной практики⁶⁰.

При рассмотрении вопроса о международном стандарте как источнике международного воздушного права следует проводить различие между его юридической обязательностью и его практической реализацией государствами – членами ИКАО. Несмотря на достигнутый за многие годы значительный прогресс в области внедрения международных стандартов на национальном уровне, к сожалению, сегодня все еще большое число государств, в частности, в Африке и Тихоокеанском регионе, продолжают испытывать трудности с выполнением положений стандартов. Во многом данные трудности связаны с недостатком технических, финансовых ресурсов и квалифицированных специалистов, необходимых для внедрения стандартов на национальном уровне. Для их преодоления требуется целый комплекс мер в среднесрочной и долгосрочной перспективе, включая развитие экономики и авиатранспортной отрасли на уровне каждого государства, оказание технической и иной помощи через Управление технического сотрудничества ИКАО, расширение регионального сотрудничества, помощь со стороны развитых государств и т. п. Между тем определенное влияние на эффективность внедрения между-

⁵⁸ См., например: письмо ИКАО № AN 6/1.1-18/37 от 28 марта 2018 г.; письмо ИКАО № EC 6/3-19/51 от 19 июля 2019 г.; письмо ИКАО № AN 4/1.2.28-20/35 от 3 апреля 2020 г.

⁵⁹ Резолюция Ассамблеи ИКАО А37-15 (Действующие резолюции Ассамблеи (ICAO Doc. 9958)).

⁶⁰ См., например: Application (A) by the State of Qatar "Disagreement on the interpretation and application of the Convention on International Civil Aviation (Chicago 1944) and its Annexes" submitted to ICAO against the Arab Republic of Egypt, the Kingdom of Bahrain, the Kingdom of Saudi Arabia and the United Arab Emirates on 21/10/2017.

См. также решение Верховного Суда Российской Федерации № АКПИ14-1451 от 9 февраля 2015 г. и решение Верховного Суда Российской Федерации № АКПИ17-31 от 13 марта 2017 г. (Информационно-правовая система «Консультант Плюс»).

народных стандартов оказывает и то, насколько они сбалансированы и учитывают интересы различных по своему экономическому развитию государств. С учетом результатов недавнего исследования процесса разработки международных стандартов, проведенного внутри ИКАО, можно выделить следующие проблемы, которые касаются стандартов, принимаемых на современном этапе, и которые в конечном счете влияют на эффективность их внедрения государствами – членами ИКАО⁶¹:

- многие государства – члены ИКАО, не имеющие развитой гражданской авиации, не успевают внедрять на национальном уровне быстро изменяющиеся международные стандарты, поскольку зачастую такие изменения ориентированы, главным образом, на интересы наиболее развитых государств;

- в связи с тем, что в большинстве случаев инициаторами и авторами изменений международных стандартов выступают группы экспертов АНК, членство в которых ограничено и которые далеко не всегда представляют на справедливой географической основе интересы всего мирового авиационного сообщества, нередко реальная необходимость таких изменений не отражает потребности многих государств;

- из-за ограниченности своих ресурсов к моменту вступления в силу международных стандартов ИКАО не всегда успевает обновлять и разрабатывать технический инструктивный материал, имеющий очень важное значение для внедрения данных стандартов.

Для решения вышеперечисленных проблем в рамках ИКАО предпринимаются определенные меры, включающие в том числе более обоснованное и детальное планирование процесса разработки международных стандартов, стимулирование как можно большего числа государств – членов ИКАО участвовать в процессе консультаций по предложениям об изменении международных стандартов, совершенствование работы групп экспертов АНК. Однако, по-видимому, потребуется время и ресурсы ИКАО для достижения желаемых результатов.

Проблемой, также связанной с практической реализацией международных стандартов государствами – членами ИКАО, является полнота и своевременность информирования ИКАО о различиях, существующих между национальными

правилами и практикой государств и положениями принятых стандартов. Несмотря на то, что согласно ст. 38 Чикагской конвенции государства – члены ИКАО обязаны незамедлительно уведомлять ИКАО об указанных различиях, на практике многие государства не выполняют свою обязанность либо в силу незаинтересованности в конкретном международном стандарте, либо из-за отсутствия квалифицированных кадров для оценки принятого стандарта, либо из-за нежелания раскрывать перед ИКАО и соответственно перед другими государствами – членами ИКАО наличие каких-либо различий между национальными правилами и положениями стандарта. В результате ненадлежащего выполнения государствами – членами ИКАО своей обязанности по ст. 38 Чикагской конвенции складывается парадоксальная ситуация, когда государство, вроде бы «молчаливо» соглашающееся с международными стандартом, не внедряет его полностью или в части на национальном уровне, и при этом у ИКАО и других государств, а в конечном счете, у авиапредприятий и членов экипажей воздушных судов отсутствует объективная информация о различиях между национальными правилами государства и международными стандартами. Как совершенно справедливо отметил бывший Президент Совета ИКАО доктор Ассад Котайт, указанная ситуация совершенно не допустима и противоречит принципам, на которых построена Чикагская конвенция [Kotait 1995:289].

Для решения данной проблемы, на основании резолюции Ассамблеи А32-11 с 1 января 1999 г. ИКАО начала реализацию Универсальной программы проверок организации контроля за обеспечением безопасности полетов (УППКБП)⁶². УППКБП направлена на осуществление контроля за выполнением всеми органами и организациями государств – членов ИКАО своих обязанностей в сфере контроля за обеспечением безопасности полетов и внедрением всех связанных с безопасностью полетов международных стандартов. В рамках УППКБП ИКАО проводит регулярные, обязательные и согласованные проверки (аудиты) состояния безопасности полетов на территориях всех своих государств-членов, обеспечивая транспарентность и гласность результатов проверок с тем, чтобы все государства – члены ИКАО обладали объективной информацией об уровне внедрения каждым из них

⁶¹ Report on the Evaluation of ICAO Standard-Setting Process (EV/2018/01). P. 20, 31, 35.

⁶² Резолюция А32-11 (Действующие резолюции Ассамблеи (ICAO Doc. 10140).

международных стандартов и осуществлении контроля за обеспечением безопасности полетов. Начиная с 2011 г. УППКПБ постепенно эволюционировала в более масштабный механизм непрерывного мониторинга (МНМ УППКПБ) возможностей государств – членов ИКАО по осуществлению контроля за обеспечением безопасности полетов, предусматривающий наряду с проведением ИКАО самих проверок (аудитов) выполнение следующих задач: (а) осуществление мониторинга государственных систем контроля за обеспечением безопасности полетов с помощью «онлайновой платформы»; (б) проведение различных мероприятий по валидации достигнутого государствами прогресса; (в) продолжение работы по оценке эффективности и устойчивости государственных систем контроля за обеспечением безопасности полетов.

По аналогии с УППКПБ с ноября 2002 г. ИКАО начала реализацию Универсальной программы проверок в сфере обеспечения авиационной безопасности (УППАБ). В рамках УППАБ ИКАО проводит проверки (аудиты) государств-членов для оценки их способности осуществлять контроль за обеспечением авиационной безопасности (защиты гражданской авиации от актов незаконного вмешательства), реально действующих мер авиационной безопасности в ключевых аэропортах, а также внедрения государствами – членами ИКАО международных стандартов Приложения 17 к Чикагской конвенции, касающихся защиты международной гражданской авиации от актов незаконного вмешательства.

Таким образом, постоянно указывая на обязательность международных стандартов для государств-участников Чикагской конвенции, ИКАО проводит очень большую и важную работу по совершенствованию самого процесса разработки данных стандартов, оказанию помощи государствам по их практической реализации на национальном уровне и мониторингу реального уровня соблюдения стандартов всеми государствами.

Технические инструкции по безопасной перевозке опасных грузов по воздуху

Вопросам юридической природы и процедуры принятия технических инструкций по без-

опасной перевозке опасных грузов по воздуху (далее – Технические инструкции) в международно-правовой литературе уделяется значительно меньше внимания, чем обсуждению международных стандартов⁶³. Между тем, учитывая важность грузовых авиаперевозок для мировой экономики и огромную роль, которую играет строгое соблюдение правил перевозки опасных грузов на воздушном транспорте для предотвращения серьезных авиационных происшествий, представляется, что международно-правовые вопросы, касающиеся Технических инструкций, заслуживают более глубокого анализа.

Технические инструкции необходимо рассматривать в тесной связи с Приложением 18 к Чикагской конвенции, содержащим общие положения, регламентирующие безопасную перевозку опасных грузов по воздуху, и определяющим юридический статус Технических инструкций. Приложение 18 к Чикагской конвенции совместно с первым изданием Технических инструкций было разработано Группой экспертов по опасным грузам АНК и принято Советом ИКАО в 1981 г. Чтобы достичь совместимости с правилами, регулирующими перевозку опасных грузов другими видами транспорта, за основу положений указанного Приложения 18 и Технических инструкций были приняты рекомендации Подкомитета экспертов ООН по перевозке опасных грузов и правила безопасной перевозки радиоактивных веществ Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ).

Юридический статус Технических инструкций довольно четко определен в международном стандарте, содержащемся в пункте 2.2.1 Приложения 18 к Чикагской конвенции и сформулированном следующим образом: «Каждое Договаривающееся государство принимает необходимые меры, чтобы обеспечить соблюдение подробных положений, содержащихся в Технических инструкциях. Кроме того, каждое Договаривающееся государство принимает необходимые меры, чтобы обеспечить соблюдение положений любой поправки к Техническим инструкциям, которая может публиковаться в ходе установленного периода применимости издания Технических инструкций»⁶⁴. Из представленной формулировки следует, что Технические инструкции обязатель-

⁶³ Среди немногих публикаций, затрагивающих вопросы правового статуса технических инструкций по безопасной перевозке опасных грузов по воздуху, можно назвать следующую монографию: [Huang 2009:63-65].

⁶⁴ Приложение 18 к Конвенции о международной гражданской авиации «Безопасная перевозка опасных грузов по воздуху». 4-е изд. ИКАО, 2011. С. 2-1.

ны для соблюдения государствами – членами ИКАО, то есть они являются одной из форм закрепления норм международного воздушного права. Исключением из этого общего правила могут являться лишь случаи, когда государство уведомляет ИКАО о невозможности выполнения пункта 2.2.1 Приложения 18 на основании ст. 38 Чикагской конвенции. В тех же случаях, когда государство не направляет указанное уведомление в адрес ИКАО, предполагается, что оно признает обязательный характер Технических инструкций.

Технические инструкции и изменения к ним разрабатываются и утверждаются в соответствии с процедурой, согласованной Советом ИКАО 29 июня 1981 г. и состоящей из следующих этапов⁶⁵:

- 1) каждое издание Технических инструкций (поправки к ним) разрабатываются Группой экспертов по опасным грузам АНК на основе замечаний государств и международных организаций, а также различных рекомендаций Подкомитета экспертов ООН по перевозке опасных грузов или МАГАТЭ (например, в отношении перевозок радиоактивных материалов);

- 2) разработанные проекты Технических инструкций или поправок к ним представляются Группой экспертов по опасным грузам для обсуждения в АНК;

- 3) после рассмотрения проекта Технических инструкций или поправок к ним в АНК они утверждаются Советом ИКАО простым большинством голосов и вступают в силу.

Кроме этого, при возникновении необходимости внесения в Технические инструкции срочных поправок, связанных с безопасностью полетов, на основании решения Совета ИКАО от 19 июня 2009 г. в отношении данных поправок может быть применена еще более упрощенная (так называемая ускоренная) процедура их утверждения. В рамках этой процедуры в перерывах между сессиями АНК и Совета ИКАО полномочия по согласованию поправок в Технические инструкции делегируются единолично Председателю АНК при условии информирования и отсутствия возражений со стороны членов АНК, а полномочия по утверждению поправок делегируются лично Президенту Совета

ИКАО при условии отсутствия возражений государств – членов Совета⁶⁶.

Как видно из вышеизложенных процедур, проекты Технических инструкций и поправок к ним (в отличие от международных стандартов) не проходят процесс консультаций с государствами – членами ИКАО, а для их принятия и вступления в силу не требуется 2/3 голосов членов Совета ИКАО и «молчаливое» согласие всех государств – членов ИКАО в соответствии со ст. 90 Чикагской конвенции. Таким образом, нормы международного воздушного права, закрепленные в Технических инструкциях, являются результатом волеизъявления Совета ИКАО, и их юридическая обязательность основана не на соглашении («молчаливом» согласии) всех государств – членов ИКАО, а на положении уже упомянутого выше международного стандарта, который содержится в п. 2.2.1 Приложения 18 к Чикагской конвенции.

В свою очередь, в самом Приложении 18 к Чикагской конвенции большинство международных стандартов сформулированы в очень общем виде в качестве бланкетных норм, которые предусматривают наличие более подробных норм в Технических инструкциях. Технические инструкции детально регулируют различные вопросы, касающиеся авиаперевозки опасных грузов, включая их классификацию в соответствии с учетом рекомендаций Подкомитета экспертов ООН по перевозке опасных грузов, требования к упаковке, обязанности грузоотправителя и эксплуатанта и т. д.⁶⁷.

Конечно, как справедливо отмечается в общей теории права, «практика бланкетных норм всегда чревата возможностью неопределенности и произвола в правовом регулировании» [Общая теория государства... 1998:230]. Особенно опасна подобная неопределенность и произвол в международных отношениях, когда речь идет о нормах международного воздушного права, которые становятся обязательными для всех государств – членов ИКАО, но к принятию которых сами государства имеют лишь очень ограниченное отношение. Однако, несмотря на указанные риски, государства – члены ИКАО все же взяли на себя обязательства по соблюдению Технических инструкций посредством «молчаливого»

⁶⁵ 103-я сессия Совета ИКАО. Монреаль, 11 мая–10 июня 1981 г. Протоколы (ICAO Doc. 9347 – C/1063 C-Min. 103/18. P. 133).

⁶⁶ Краткое изложение решений Совета. 187-я сессия (C-DEC 187/8, 22/06/09).

⁶⁷ Технические инструкции по безопасной перевозке опасных грузов по воздуху (ICAO Doc. 9284).

согласия с международным стандартом пункта 2.2.1 Приложения 18 к Чикагской конвенции, что, по-видимому, объясняется следующими обстоятельствами:

– невозможность включения положений Технических инструкций, например, в качестве международных стандартов в Приложение 18 к Чикагской конвенции, а применение к ним Советом ИКАО специального, упрощенного порядка разработки, утверждения и изменения связано с тем, что обычная процедура разработки и принятия международных стандартов, занимающая не менее двух лет, не отвечает потребностям более частого и оперативного обновления Технических инструкций в целях обеспечения безопасности международной гражданской авиации;

– потребность в более оперативном обновлении Технических инструкций возникает также ввиду тесной взаимосвязи перевозок опасных грузов различными видами транспорта, и следовательно, постоянной необходимости поддержания совместимости положений Технических инструкций с правилами, регулирующими перевозку опасных грузов другими видами транспорта (например, Международный кодекс морской перевозки опасных грузов и т. д.), а также соответствующими новыми рекомендациями органов ООН;

– как видно из протоколов обсуждения проектов Приложения 18 к Чикагской конвенции и Технических инструкций в Совете ИКАО, государства-члены рассматривали сами Технические инструкции и упрощенную процедуру их разработки, утверждения и изменения в качестве «принципиального новшества», которое связано исключительно со спецификой регулируемых Техническими инструкциями вопросов и в будущем не должно распространяться на ка-

кие-либо другие сферы сотрудничества в рамках ИКАО⁶⁸.

Возможно, в будущем не исключено совершенствование процесса разработки и изменения Технических инструкций в направлении более активного вовлечения государств – членов ИКАО в этот процесс, например, на этапе обсуждения проектов поправок к Техническим инструкциям (по аналогии с процедурой проведения консультаций с государствами – членами ИКАО в отношении проектов новых или измененных международных стандартов до их принятия Советом ИКАО). Но на сегодняшний день почти сорокалетняя практика применения и изменения Технических инструкций подтверждает, что данный новый вид источника международного воздушного права, хорошо отражая особенность и динамику отношений, регулируемых этой отраслью международного права, несомненно, играет важную и позитивную роль в обеспечении безопасности международной гражданской авиации.

Заключение

На основе анализа и систематизации таких традиционных источников международного воздушного права, как международный договор и международный обычай, а также его особых источников – международных стандартов и Технических инструкций по безопасной перевозке опасных грузов по воздуху, можно сделать вывод, что все указанные источники и существующие на сегодняшний день процессы образования норм международного воздушного права, в целом достаточно динамичны и хорошо учитывают современные реалии развития мировой авиации и интересы различных государств.

Список литературы

1. Баталов А.А. 2018. Международно-правовые аспекты обеспечения безопасности полетов гражданских воздушных судов в районах боевых действий и военных учений. – *Московский журнал международного права*. № 2. С. 58-70. DOI: 10.24833/0869-0049-2018-2-58-70.
2. Бордунов В.Д. 1989. *Правовой механизм деятельности международных авиационных организаций*. М.: Наука. 168 с.
3. Бордунов В.Д., Котов А.И., Малеев Ю.Н. 1988. *Правовое регулирование международных полетов гражданских воздушных судов*. М.: Наука. 209 с.

4. Вельяминов Г.М. 2015. *Международное право: опыты*. М.: Статут. 1006 с.
5. Вылегжанин А.Н., Каламкарян Р.А. 2012. Значение международного обычая в современном международном праве. – *Московский журнал международного права*. № 2 (86). С. 5-29.
6. Грязнов В.С., Малеев Ю.Н. 1987. *Правовые основы международных воздушных сообщений*. М.: Московский институт инженеров гражданской авиации. 120 с.
7. Крылов Н.Б. 1988. *Правотворческая деятельность международных организаций*. М.: Наука. 170 с.
8. *Курс международного права*. В 7 т. Т. 1. Под ред. Р.А. Мюллерсона, Г.И. Тункина. 1989. М.: Наука. 360 с.

⁶⁸ 103-я сессия Совета ИКАО. Монреаль, 11 мая–10 июня 1981 г. Протоколы (ICAO Doc. 9347 – C/1063 C-Min. 103/2. P. 14).

9. Лукашук И.И. 1997. *Нормы международного права в международной нормативной системе*. М.: Издательство «Спарк». 322 с.
10. *Международное воздушное право*. В 2 кн. Кн. 1. Под ред. А.Н. Мовчана. 1980. М.: Наука. 352 с.
11. Мильде М. 2017. *Международное воздушное право и ИКАО*. СПб.: Институт АЕРОHELP. 451 с.
12. *Общая теория государства и права*. В 2 т. Том 2. Под ред. М.Н. Марченко. 1998. М.: Издательство «Зерцало». 640 с.
13. Травников А.И. 2013. Обычаи в международном воздушном праве. – *Закон и право*. № 6. С 75–76.
14. Тункин Г.И. 2000. *Теория международного права*. М.: Зерцало. 416 с.
15. Черниченко С.В. 2014. *Контуры международного права. Общие вопросы*. М.: Научная книга. 592 с.
16. Шибеева Е.А. 1986. *Право международных организаций: Вопросы теории*. М.: Международные отношения. 160 с.
17. Abeyratne R. 2014. *Convention on International Civil Aviation. A Commentary*. Heidelberg: Springer International Publishing. 737 p. DOI 10.1007/978-3-319-00068-8.
18. Abeyratne R. 2016. *Rulemaking in Air Transport: A Deconstructive Analysis*. Switzerland: Springer International Publishing. 252 p. DOI 10.1007/978-3-319-44657-8
19. Antwerpen N. van. 2008. *Cross-Border Provision of Air Navigation Services with Specific Reference to Europe. Safeguarding Transparent Lines of Responsibility and Liability*. The Netherlands: Kluwer Law International. 276 p.
20. *Behind and Beyond the Chicago Convention: The Evolution of Aerial Sovereignty*. Ed. by Mendes de Leon P. and Buissing N. 2019. The Netherlands: Kluwer Law International. 498 p.
21. Buerghenthal T. 1969. *Law-Making in the International Civil Aviation Organization*. Syracuse, N.Y.: Syracuse University Press. 247 p.
22. Dempsey P.S. 2008. *Public International Air Law*. Montreal: Centre for Research in Air and Space Law. 878 p.
23. Dobelle J.-F. 2003. Le droit derive de l'OACI et le controle du respect de son application. – *Annuaire Francais de Droit International*. XLIX. P. 453–491.
24. Huang J. 2009. *Aviation Safety through the Rule of Law. ICAO's Mechanisms and Practices*. The Netherlands: Kluwer Law International. 256 p.
25. Jae Woon Lee. 2016. *Regional Liberalization in International Air Transport. Towards Northeast Asian Open Skies*. The Netherlands: Eleven International Publishing. 351 p.
26. Kotaite A. 1995. Is there a Lessening of State Sovereignty or a Real Will to co-operate globally? – *Air & Space Law*. No. 6. P. 288–293.
27. Mendes de Leon P. 2017. *Introduction to Air Law (Tenth Edition)*. The Netherlands: Kluwer Law International. 576 p.
28. Ratajczyk M. 2015. *Regional Aviation Safety Organizations. Enhancing Air Transport Safety Through Regional Cooperation*. The Netherlands: Kluwer Law International. 352 p.
29. *The Use of Airspace and Outer Space for all Mankind in the 21st Century*. Ed. by Chia-Jui Cheng. 1995. The Netherlands: Kluwer Law International. 353 p.
30. Saba H. 1964. L'activite quasi-legislative des institutions specialisees des Nations Unies. – *Recueil Des Cours*. I. P. 603–690.
31. Savic I. 2019. *Spreading the Wings of EU Aviation Acquis. Comprehensive Air Transport Agreements*. Zagreb: University of Zagreb. 363 p.
32. Schermers H.G., Blokker N.M. 2011. *International Institutional Law*. Leiden-Boston: Martinus Nijhoff Publishers. 1310 p.
33. Shaw M.N. 2008. *International Law*. Cambridge: Cambridge University Press. 1709 p.
34. Thirlway H. 2014. *The Sources of International Law*. Oxford: Oxford University Press. 304 p.
35. Weber L. 2017. *International Civil Aviation Organization (ICAO)*. 3rd ed. The Netherlands: Kluwer Law International. 212 p.

References

1. Abeyratne R. *Convention on International Civil Aviation. A Commentary*. Heidelberg: Springer International Publishing. 2014. 737 p. DOI 10.1007/978-3-319-00068-8.
2. Abeyratne R. *Rulemaking in Air Transport: A Deconstructive Analysis*. Switzerland: Springer International Publishing. 2016. 252 p. DOI 10.1007/978-3-319-44657-8
3. Antwerpen N. van. *Cross-Border Provision of Air Navigation Services with Specific Reference to Europe. Safeguarding Transparent Lines of Responsibility and Liability*. The Netherlands: Kluwer Law International. 2008. 276 p.
4. Batalov A.A. *Mezhdunarodno-pravovye aspekty obespecheniya bezopasnosti poletov grazhdanskikh vozdukhnykh sudov v raionakh boevykh deistvii i voennykh uchenii* [Some International Law Aspects of Safety of Civil Aircraft Flying over the Areas of Armed Conflicts and Military Exercises]. – *Moscow Journal of International Law*. 2018. No. 2. P. 58–70. DOI: 10.24833/0869-0049-2018-2-58-70. (In Russ.)
5. *Behind and Beyond the Chicago Convention: The Evolution of Aerial Sovereignty*. Ed. by Mendes de Leon P. and Buissing N. 2019. The Netherlands: Kluwer Law International. 498 p.
6. Bordunov V.D. *Pravovoi mekhanizm deyatel'nosti mezhdunarodnykh aviatsionnykh organizatsii* [Legal Mechanism of Activities of International Aviation Organizations]. Moscow: Nauka Publ. 1989. 168 p. (In Russ.)
7. Bordunov V.D., Kotov A.I., Maleev Ju.N. *Pravovoe regulirovanie mezhdunarodnykh poletov grazhdanskikh vozdukhnykh sudov* [Legal Regulation of International Flights of Civil Aircraft]. Moscow: Nauka Publ. 1988. 209 p. (In Russ.)
8. Buerghenthal T. *Law-Making in the International Civil Aviation Organization*. Syracuse, N.Y.: Syracuse University Press. 1969. 247 p.
9. Chernichenko S.V. *Kontury mezhdunarodnogo prava. Obshchie voprosy* [Contours of International Law. Common Issues]. Moscow: Nauchnaya kniga Publ. 2014. 592 p. (In Russ.)
10. Dempsey P.S. *Public International Air Law*. Montreal: Centre for Research in Air and Space Law. 2008. 878 p.
11. Dobelle J.-F. Le droit derive de l'OACI et le controle du respect de son application. – *Annuaire Francais de Droit International*. 2003. XLIX. P. 453–491.
12. Gryaznov V.S., Maleev Yu.N. *Pravovye osnovy mezhdunarodnykh vozdukhnykh soobshchenii* [Legal Fundamentals of International Air Services]. Moscow: Moskovskii institut inzhenerov grazhdanskoi aviatsii. 1987. 120 p. (In Russ.)
13. Huang J. *Aviation Safety through the Rule of Law. ICAO's Mechanisms and Practices*. The Netherlands: Kluwer Law

- International. 2009. 256 p.
14. Jae Woon Lee *Regional Liberalization in International Air Transport. Towards Northeast Asian Open Skies*. The Netherlands: Eleven International Publishing. 2016. 351 p.
 15. Kotaite A. Is there a Lessening of State Sovereignty or a Real Will to co-operate globally? – *Air & Space Law*. 1995. No. 6. P. 288-293.
 16. Krylov N.B. *Pravotvorcheskaya deyatel'nost' mezhdunarodnykh organizatsii* [Law-Making Activities of International Organizations]. Moscow: Nauka Publ. 1988. 170 p. (In Russ.)
 17. Kurs mezhdunarodnogo prava. V 7 t. T. 1. Pod red. R.A. Myullersona, G.I. Tunkina. [Course of International Law. In 7 vols. Vol. 1. Edited by R.A. Myullerson, G.I. Tunkin]. Moscow: Nauka Publ. 1989. 360 p. (In Russ.)
 18. Lukashuk I.I. *Normy mezhdunarodnogo prava v mezhdunarodnoi normativnoi sisteme* [Norms of International Law in the International Normative System.] Moscow: Spark Publ. 1997. 322 p. (In Russ.)
 19. Mendes de Leon P. *Introduction to Air Law (Tenth Edition)*. The Netherlands: Kluwer Law International. 2017. 576 p.
 20. *Mezhdunarodnoe vozdušnoe pravo*. V 2 kn. Kn. 1. Pod red. A.N. Movchana. [International Air Law. In 2 books. Book 1. Ed. by A.N. Movchan] Moscow: Nauka Publ. 1980. 352 p. (In Russ.)
 21. Mil'de M. *Mezhdunarodnoe vozdušnoe pravo i IKAO* [International Air Law and ICAO]. Saint Petersburg.: Institut AERONET Publ. 2017. 451 p. (In Russ.)
 22. *Obshchaya teoriya gosudarstva i prava*. V 2 t. Tom 2. Pod red. M.N. Marchenko. [General theory of state and law. In 2 vols. Volume 2. Ed. by M.N. Marchenko]. Moscow: Zertsalo Publ. 1998. 640 p. (In Russ.)
 23. Ratajczyk M. *Regional Aviation Safety Organizations. Enhancing Air Transport Safety Through Regional Cooperation*. The Netherlands: Kluwer Law International. 2015. 352 p.
 24. Saba H. L'activite quasi-legislative des institutions specialisees des Nations Unies. – *Recueil Des Cours*. 1964. I. P. 603–690.
 25. Savic I. *Spreading the Wings of EU Aviation Acquis. Comprehensive Air Transport Agreements*. Zagreb: University of Zagreb. 2019. 363 p.
 26. Schermers H.G., Blokker N.M. *International Institutional Law*. Leiden-Boston: Martinus Nijhoff Publishers. 2011. 1310 p.
 27. Shaw M.N. *International Law*. Cambridge: Cambridge University Press. 2008. 1709 p.
 28. Shibaeva E.A. *Pravo mezhdunarodnykh organizatsii: Voprosy teorii* [Law of International Organizations: Questions of Theory]. Moscow.: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. 1986. 160 p. (In Russ.)
 29. *The Use of Airspace and Outer Space for all Mankind in the 21st Century*. Ed. by Chia-Jui Cheng. The Netherlands: Kluwer Law International. 1995. 353 p.
 30. Thirlway H. *The Sources of International Law*. Oxford: Oxford University Press. 2014. 304 p.
 31. Travnikov A.I. Obychai v mezhdunarodnom vozdušnom prave [Custom in International Air Law]. – *Zakon i pravo*. 2013. No. 6. P. 75-76. (In Russ.)
 32. Tunkin G.I. *Teoriya mezhdunarodnogo prava* [Theory of International Law]. Moscow: Zertsalo Publ. 2000. 416 p. (In Russ.)
 33. Vel'yaminov G.M. *Mezhdunarodnoe pravo: opyty* [International Law: Essays]. Moscow: Statut Publ. 2015. 1006 p. (In Russ.)
 34. Vylegzhanin A.N., Kalamkaryan R.A. Znachenie mezhdunarodnogo obychaya v sovremennom mezhdunarodnom prave [The Role of International Custom in the Contemporary International Law]. – *Moscow Journal of International Law*. 2012. No. 2 (86). P. 5–29. (In Russ.)
 35. Weber L. *International Civil Aviation Organization (ICAO)*. 3rd ed. The Netherlands: Kluwer Law International. 2017. 212 p.

Информация об авторе

Александр Александрович Баталов,

кандидат юридических наук, магистр международного воздушного и космического права (Лейденский университет, Нидерланды)

Представительство Российской Федерации при Международной организации гражданской авиации (ИКАО)

H3G 2E1, Канада, Авеню дю Мюзе, 3617

alex batalov2000@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9311-9822

About the Author

Alexander A. Batalov,

Ph.D., LL.M., International Air and Space Law (Leiden University)

Representation of the Russian Federation to International Civil Aviation Organization (ICAO)

3617, Avenue du Musee, Montreal, Canada, H3G 2E1

alex batalov2000@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9311-9822

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2020-3-91-102>

Исследовательская статья
Поступила в редакцию: 25.05.2020
Принята к публикации: 11.08.2020

Владислав Леонидович ТОЛСТЫХ

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД
России

119454, Российская Федерация, Москва, Проспект Вернадского, д. 76,
Институт философии и права, Сибирское отделение, Российская академия наук,
630090, Российская Федерация, Новосибирск, ул. Николаева, д. 8
vlt73@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5103-5324

ОФШОРНАЯ РЕГИСТРАЦИЯ ВОЗДУШНЫХ СУДОВ

ВВЕДЕНИЕ. Концепция национальности воздушного судна заимствована из морского права; в настоящее время она закреплена в Чикагской конвенции о международной гражданской авиации 1944 г. Регистрация выполняет несколько функций: во-первых, она позволяет идентифицировать судно; во-вторых, она предполагает обязанность государства регистрации контролировать его эксплуатацию, в-третьих, она предполагает ответственность государства регистрации в случае неосуществления такого контроля.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Исследование проведено на основе Чикагской конвенции 1944 г., Кейптаунской конвенции о международных гарантиях в отношении подвижного оборудования, Протокола по авиационному оборудованию к ней 2001 г., актов российского законодательства и законодательства офшорных юрисдикций, прежде всего, Air Navigation Order 2013. В исследовании использованы методы формальной логики, а также исторический и сравнительно-правовой. Основная задача исследования – разработка предложений, направленных на повышение привлекательности российского реестра.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Российская система регистрации имеет ряд недостатков: отсутствие кодифицированного акта; наличие двух органов с пересекающейся компетенцией (МАК и Росавиация); наличие высоких таможенных пошлин на ввоз некоторых типов самолетов. К этому следует добавить недостатки, связанные с организацией процесса регистрации:

высокую степень бюрократизации, дефицит квалифицированных специалистов и др. Регистрация воздушного судна в офшоре, наоборот, предполагает ряд преимуществ: быстрота и «дружественность», конфиденциальность данных о бенефициаре, отсутствие НДС и таможенных пошлин, качество контроля летной годности.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. Проблема может быть решена императивно, посредством закрепления жесткого обязательства авиакомпаний регистрировать самолеты в отечественном реестре под угрозой невыдачи или отзыва сертификата эксплуатанта. Однако если этот реестр не соответствует мировым стандартам, данная мера отрицательно скажется на развитии авиационного сектора и безопасности перевозок. В этой связи создание прозрачной, целостной и эффективной системы регистрации соответствует интересам государства не в меньшей степени, чем интересам авиакомпаний. Применительно к РФ достижение этой цели предполагает решение ряда тактических задач, направленных на упрощение формальностей, признание российской системы регистрации и стимулирование гражданского оборота.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: международное воздушное право, регистрация воздушного судна, офшорная юрисдикция, государство регистрации, летная годности, компания специального назначения, лизинг воздушных судов.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Толстых В.Л. 2020. Офшорная регистрация воздушных судов. – Московский журнал международного права. № 2. С. 91–102. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2020-3-91-102>

Статья подготовлена в рамках гранта МГИМО МИД России на выполнение научных работ молодыми исследователями под руководством докторов наук.

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2020-3-91-102>

Research article
Received 25.05.2020
Approved 11.08.2020

Vladislav L. Tolstykh

Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia

76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454

Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences

8, ul. Nikolaeva, Novosibirsk, Russian Federation, 630090

vlt73@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5103-5324

OFFSHORE REGISTRATION OF AIRCRAFT

INTRODUCTION. *The concept of nationality of an aircraft is borrowed from the law of the sea; it is currently enshrined in the Chicago Convention on International Civil Aviation of 1944. Registration performs several functions: firstly, it allows the identification of an aircraft; secondly, it implies the obligation of the state of registration to control its operation; thirdly, it implies the responsibility of the state of registration in the event of failure to exercise such control.*

MATERIALS AND METHODS. *The research was done on the basis of the Chicago Convention of 1944, Cape Town Convention on International Interests in Mobile Equipment 2001, Protocol on Matters Specific to Aircraft Equipment 2001, acts of Russian legislation and acts of offshore legislation, primarily Air Navigation Order 2013. The research involved historical method, methods of formal logic and comparative legal method. The main objective was to develop proposals aimed at increasing the attractiveness of the Russian registry.*

RESEARCH RESULTS. *The Russian registration system has several shortcomings: lack of a codified act; presence of two authorities with overlapping competencies (the Interstate Aviation Committee and the Federal Air Transport Agency); high customs duties on the import of certain types of aircrafts. To this should be added the shortcomings relating to the organization of the registration process: a high degree of its bureaucratization, lengthiness, shortage of qualified specialists,*

etc. The registration of an aircraft in offshore, on the contrary, implies a number of advantages: speed and “friendliness”, confidentiality of beneficiary data, absence of VAT and customs duties, quality of airworthiness control.

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *The problem can be resolved imperatively – by fixing the strict obligation of airlines to register aircraft in the domestic registry under the threat of non-issuance or revocation of the operator’s certificate. If, however, this registry does not meet international standards, this measure will adversely affect the development of the aviation sector and the safety of transport. In this regard, the creation of a transparent, holistic and efficient registration system meets the interests of the state no less than the interests of airlines. With regard to the Russian Federation, achieving this goal involves completing a number of tactical tasks, aimed at simplifying formalities, ensuring recognition of the Russian registration system and stimulating trade turnover.*

KEYWORDS. *International air law, aircraft registration, offshore jurisdiction, state of registration, airworthiness, special purpose vehicle, aircraft leasing.*

FOR CITATION: Tolstykh V.L. Offshore Registration of Aircraft. – Moscow Journal of International Law. 2020. No. 2. P. 91–102. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2020-3-91-102>

The article was prepared under the grant by the Moscow State Institute of International Relations (Univer-

sity) MFA for performance of scientific work by young researchers under the guidance of doctors of sciences.

1. Принципы регистрации воздушного судна

Концепция национальности воздушного судна заимствована из морского права¹. Вопросы национальности и регистрации воздушных судов обсуждались в ходе Парижской конференции по международной воздушной навигации 1910 г., которая, однако, не завершилась принятием финального соглашения. Принципы регистрации были закреплены только в Парижской конвенции о регулировании воздушных передвижений 1919 г. В соответствии со ст. 7 воздушные суда должны были регистрироваться в государстве только в том случае, если они полностью принадлежат гражданам данного государства; похожее требование предъявлялось к корпоративным судам. Префиксы, использованные в регистрационных знаках, были основаны на кодах радиопозывных, определенных на Лондонской международной радиотелеграфной конференции 1913 г.; впоследствии они неоднократно менялись; в настоящее время их распределением занимается ИКАО.

Регистрация выполняет несколько функций: во-первых, она позволяет идентифицировать судно; во-вторых, она предполагает обязанность государства регистрации контролировать его эксплуатацию; в-третьих, она предполагает ответственность государства регистрации в случае неосуществления такого контроля.

В соответствии со ст. 17 Чикагской конвенции о международной гражданской авиации 1944 г. воздушное судно имеет национальность того государства, в котором оно зарегистрировано.

Регистрация в двух государствах не допускается, но судно может быть перерегистрировано в другом государстве (ст. 18). Регистрация осуществляется по национальному законодательству (ст. 19). Каждое судно имеет национальные и регистрационные знаки (ст. 20), которые обычно наносятся на хвостовое оперение.² Информация о регистрации судна сообщается любому государству и ИКАО по запросу (ст. 21). Государство регистрации выдает судну удостоверение о годности к полетам (летной годности) (ст. 31), что предполагает его предварительный и последующий техосмотр³, удостоверения о квалификации и свидетельства членам экипажа (ст. 32), разрешение на установку радиоаппаратуры (ст. 30). Данные процедуры должны соответствовать Стандартам, закрепленным в Приложениях⁴.

Конвенция допускает признание удостоверений о летной годности и квалификации, выданных государством регистрации, другими государствами, при условии, что данные документы соответствуют Стандартам (ст. 33); это позволяет снизить затраты на техосмотр при импорте судна и его перерегистрации. Признание осуществляется на основе двусторонних договоров. В межправительственных соглашениях России с США (1998), Индией (2001) и Китаем (2001) стороны обязались упростить признание одобрений летной годности и принятие результатов надзора за предприятиями по техобслуживанию. В Рабочем соглашении в области летной годности между Европейским агентством по безопасности полетов (EASA) и Международным авиационным комитетом (МАК) 2004 г. стороны обязались разработать процедуры сертификации, чтобы при выдаче одобрения конструкции

¹ Вопросы регистрации не рассматриваются подробно ни в отечественных [Малеев 2017: 220–240; Толстых 2018: 630–639], ни в зарубежных учебниках по международному праву [Shaw 2017: 403–405].

² Регистрационный знак российских судов начинается с RA, американских – с N, бермудских – с VP-B и VQ-B и т. д.

³ По мнению Дж. Хуанга, обязательства государства по обеспечению техосмотра являются *erga omnes* [Jiefang Huang 2009:66]. В рамках ИКАО с 1999 г. действует программа проверок организации контроля за обеспечением безопасности полетов (*Universal Safety Oversight Audit Programme*). См.: URL <https://www.icao.int/safety/CMAForum/Pages/default.aspx> (accessed 15.08.2020); [Hampson I. et al. 2016:225–250].

⁴ См.: Приложение 1 «Выдача свидетельств авиационному персоналу», Приложение 8 «Летная годность воздушных судов». Кроме того, авиакомпания, занятая в международном воздушном сообщении, должна получить сертификат эксплуатанта.

или сертификата летной годности засчитывать сертификаты другой стороны (Соглашение таким образом носит предварительный характер). После 2015 г. Росавиация активизировала эту работу, заключив ряд соглашений в области летной годности с развивающимися странами, импортирующими российскую авиатехнику: Турцией (2018), Молдавией (2018), Монголией (2019), а также соглашение с EASA (2018).

В 70-х гг. авиакомпании стали массово арендовать самолеты, зарегистрированные в ином государстве, которое соответственно было лишено возможности выполнять функции, связанные с регистрацией. В этой связи в 1980 г. Конвенция была дополнена ст. 83 bis, согласно которой в случае аренды, фрахтования или лизинга государство регистрации может делегировать все или часть своих функций государству эксплуатанта, освобождаясь от ответственности в их отношении [Лысенко 2011; Бордунов 2007: 25]. Россия ратифицировала Протокол о принятии ст. 83 bis в 1988 г. и после этого заключила соглашения о передаче функций по надзору с Ирландией, Турцией, Швейцарией, Бермудскими островами, Австрией, Болгарией и Малави. Она также участвовала в рамочном Соглашении СНГ 1994 г. о практическом использовании положений статьи 83 bis, однако в 2003 г. вышла из режима его временного применения.⁵

В соответствии с Соглашением с Бермудами 1999 г. Бермуды действуют как «Государство Регистрации от лица Великобритании», а Россия – как «Государство Эксплуатанта»; Бермуды передают России функции по надзору и контролю в отношении сертификации персонала, соблюдения правил выполнения полетов и эксплуатации самолетов, но оставляют за собой функцию контроля летной годности; Департамент Гражданской авиации Бермуд вправе проводить инспекции и аудиты российских компаний. В Приложения к Соглашению вносятся конкретные воздушные суда, подпадающие под его действие.⁶

2. Регистрация воздушных судов в России

Законодательство РФ предусматривает регистрацию судов в *Государственном реестре гражданских воздушных судов РФ* и регистрацию прав

на них в *Едином государственном реестре прав на воздушные суда и сделок с ними*. В основе первой (административной) процедуры лежат требования Чикагской конвенции. Эта процедура осуществляется в соответствии с со ст. 33 Воздушного кодекса РФ и Административным регламентом предоставления государственной услуги по государственной регистрации гражданских воздушных судов и ведению Государственного реестра гражданских воздушных судов РФ (утв. Приказом Минтранса № 457 от 5 декабря 2013 г.). Функции регистрации возложены на Росавиацию; срок регистрации составляет 10 рабочих дней с даты подачи заявления; для регистрации требуется заявление, документы о праве собственности, документ об исключении из иностранного реестра или экспортный сертификат летной годности. При переоборудовании судна в Реестр вносятся изменения. При регистрации взимается пошлина в размере 5 тыс. руб. (ст. 333 (80) Налогового кодекса). Регистрация завершается присвоением судну государственного и регистрационного опознавательных знаков и выдачей заявителю свидетельства о регистрации.

В основе второй (гражданско-правовой) процедуры лежат требования российского законодательства, определяющего воздушные суда как недвижимость (ст. 130 ГК РФ). Эта процедура осуществляется в соответствии со ст. 131 ГК РФ «Государственная регистрация недвижимости» и ФЗ «О государственной регистрации прав на воздушные суда и сделок с ним» 2009 г. Данную регистрацию также осуществляет Росавиация. Реестр прав содержит сведения о судне, правах на него, обременениях этих прав, сделках с ним и правообладателе. Регистрация осуществляется в течение одного месяца и завершается совершением регистрационных надписей на правоустанавливающих документах и выдачей свидетельств о регистрации. Государственная регистрация прав является единственным доказательством существования зарегистрированного права на воздушное судно.

Как уже отмечалось, регистрация судна предполагает обязательство государства регистрации контролировать его летную годность. В целях реализации этого обязательства государство проводит сертификацию судна, т.е. проверяет его

⁵ См.: Постановление Правительства РФ от 24 июня 2003 г. № 364 «О намерении РФ не стать участником некоторых международных договоров, подписанных в рамках СНГ».

⁶ См. URL: <https://www.icao.int/secretariat/legal/83bis/4236-R.pdf> (accessed 15.08.2020); [Чинючин, Трифонов, Гафуров 2013].

техническое состояние на предмет соответствия определенным техническим параметрам и выдает сертификат летной годности, который является обязательным условием для допуска судна к эксплуатации. Данная функция также возложена на Росавиацию, действующую совместно с аккредитованными центрами по сертификации. Правовой режим сертификации устанавливается ст. 8 Воздушного кодекса РФ, Федеральными авиационными правилами Положение о порядке допуска к эксплуатации единичных экземпляров воздушных судов авиации общего назначения» (Утв. Приказом Минтранса № 118 от 17 апреля 2003 г.), Административным регламентом предоставления государственной услуги по организации и проведению инспекций гражданских воздушных судов с целью оценки их летной годности и выдачи соответствующих документов (Утв. Приказом Минтранса № 175 от 7 мая 2013 г.).

В 1991 г. СНГ по Соглашению о гражданской авиации и об использовании воздушного пространства учредил Межгосударственный авиационный комитет, которому были переданы полномочия по сертификации авиационной техники и аэродромов, расследованию авиационных инцидентов и др.⁷ При МАК был создан Авиационный регистр (АРМАК). Постановление Правительства РФ от 28 ноября 2015 г. «О перераспределении полномочий по сертификации авиационной техники», однако, передало полномочия по сертификации Росавиации (сохранив за МАК полномочия по расследованию).⁸ В настоящее время требования к летной годности, авиационной технике, организациям разработчиков и изготовителей, эксплуатантам, членам экипажа и диспетчерам, аэродромам, правилам использования воздушного пространства и др. устанавливаются федеральными авиационными правилами, утверждаемыми приказами Минтранса.⁹ АРМАК, однако, продолжает выдавать

некоторые виды сертификатов и принимать некоторые авиационные правила (например, нормы летной годности).¹⁰

Регистрация судна предполагает уплату таможенных пошлин и НДС. В настоящее время Группа 88 Единого Таможенного тарифа ЕАЭС устанавливает разные ставки пошлин, зависящие от типа самолета (0 %, 7,5 %, 12,5 %). До 1 января 2019 г. размер НДС составлял 18 %, после этой даты – 20 %. В случае покупки нового Airbus-320neo за 110 млн долл. платежи за него составляли 35 млн (НДС плюс пошлина 12,5 %). Помимо прочего, это стимулировало компании покупать старые (и менее безопасные) самолеты. Федеральный закон от 29 сентября 2019 г. № 324-ФЗ «О внесении изменений в статью 24.2 части первой и часть вторую Налогового кодекса РФ», вступивший в силу 1 января 2020 г., отменил НДС на ввоз самолетов, регистрируемых в российском реестре, двигателей и запчастей к ним, а также НДС на работы и услуги по строительству самолетов и передаче их в лизинг. От НДС также был освобожден ввоз судов, зарегистрированных в иностранных государствах, которым в соответствии с международным договором были переданы функции и обязанности государства регистрации, но только до 1 января 2023 г. (ст. 150 (20-22)). Речь идет о государствах, с которыми заключены соглашения по ст. 83bis. Самолеты, зарегистрированные в иных странах, не могут быть внесены в сертификат эксплуатанта.

В целом российская система регистрации имеет несколько системных недостатков: во-первых, отсутствие кодифицированного акта, регулирующего регистрацию, аналогичного *Air Navigation Order*; во-вторых, наличие двух органов с пересекающейся компетенцией – МАК и Росавиации; в-третьих, высокие таможенные пошлины на ввоз некоторых типов самолетов; в-четвертых, наличие до недавнего времени высокой ставки НДС; в-пятых, небольшое количество догово-

⁷ См.: Указ Президента РФ от 5 мая 1992 года № 439 «О мерах по выполнению межправительственного Соглашения о гражданской авиации и об использовании воздушного пространства на территории РФ»; Постановление Правительства РФ от 23 апреля 1994 года №367 «О совершенствовании системы сертификации и порядка расследования авиационных происшествий в гражданской авиации РФ».

⁸ Перераспределение произошло после того, как МАК, расследовавший авиакатастрофу в Казани (17 ноября 2013 г.), приостановил действие сертификатов на *Boeing 737*, а Росавиация не исполнила это решение (см. Доступ: <https://rg.ru/2015/11/05/boeing737-site-anons.html> (дата обращения: 18.08.2020)).

⁹ См. Доступ: <https://m.favt.ru/dokumenty-federalnye-pravila> (дата обращения) См. также: Постановление Правительства РФ от 27 марта 1998 г. № 360 «О федеральных правилах использования воздушного пространства и федеральных авиационных правилах».

¹⁰ См. Доступ: <https://armak-iac.org/dokumenty/aviatsionnye-pravila> (дата обращения: 18.08.2020); <https://armak-iac.org/sertifikaty/certifikaty-razrabotchika-grazhdanskoy-aviatsionnoy-tekhniki> (дата обращения: 18.08.2020).

ров, фиксирующих обязательство признания летной годности. К этому следует добавить недостатки, связанные с организацией процесса регистрации: его затянутость и высокую степень бюрократизации, дефицит квалифицированных специалистов и др. Относительным недостатком можно также считать наличие двух параллельных процедур регистрации (административной и гражданско-правовой).

В результате отечественные авиакомпании предпочитают регистрировать воздушные суда в реестрах государств, с которыми заключены соглашения по ст. 83 bis, а иностранные покупатели не доверяют летной годности самолетов, зарегистрированных в российском реестре, и покупают их со значительным дисконтом от обычной цены (20–30 %).

Системные попытки изменить ситуацию к лучшему стали предприниматься только в 2019 г. Во-первых, как уже отмечалось, были внесены изменения в налоговое законодательство (нулевая ставка НДС). Во-вторых, в мае 2019 г. Правительство приняло План мероприятий, обеспечивающий повышение конкурентоспособности условий регистрации в РФ воздушных судов (№ 3501п-П9). В-третьих, усилился контроль правоохранительных органов в отношении сертификации воздушных судов. После катастрофы SSJ 100 (5 мая 2019 г.) Генпрокуратура провела проверку, выявившую, что на 400 самолетах российского авиапарка изменения типовой конструкции не были сертифицированы, а их техобслуживание проводилось за границей линейными станциями, у которых часто отсутствовал сертификат Росавиации или он был выдан с нарушениями.¹² В-четвертых, реагируя на данную проверку, Росавиация потребовала от своих территориальных органов при проверках авиакомпаний классифицировать изменения типовой конструкции, не имеющие одобрительного документа Росавиации, как несоответствие, подлежащее устранению в течение одного года.¹³

Полеты нескольких судов были приостановлены из-за отсутствия таких дополнительных сертификатов. Однако в сентябре 2019 г. Минтранс отменил это решение.¹⁴ Действительно, оно очевидно противоречит соглашениям по ст. 83 bis.

В целом проблема перевода воздушных судов в российский реестр по-прежнему далека от решения: похоже, отдельные авиакомпании делают это только вынужденно, опасаясь санкций со стороны Росавиации. Так, в марте 2018 г. компания *Azur Air*, к которой были предъявлены претензии со стороны Росавиации, заявила о переводе в российский реестр своего авиапарка, однако, перерегистрировав один Boeing 767-300, отказалась от этих планов, сославшись на недовольство лизингодателей.¹⁵

3. Регистрация воздушных судов в офшорах

В настоящее время значительная часть корпоративных и частных самолетов, а также гражданского авиапарка России, Индии, Бразилии и стран Ближнего Востока зарегистрированы в офшорах.¹⁶ По состоянию на 2019 г. 725 самолетов российских авиакомпаний зарегистрированы на Бермудах, 35 – в Ирландии, 2 – на Арубе и только 35 (4 %) – в России.¹⁷ Офшорная регистрация имеет ряд преимуществ бюрократического, политического и экономического характера:

1. Процедура регистрации является быстрой, «дружественной» и осуществляется на английском языке.

2. Последующее обслуживание (внесение изменений в документы о летной годности и пр.) является быстрым и качественным.

3. Сертификаты, выдаваемые офшорными юрисдикциями, соответствуют Стандартам ИКАО и признаются за границей.

4. Офшорные юрисдикции признают сертификаты EASA, Федерального управления авиации США (FAA) и др.

¹¹ Доступ: <https://iz.ru/news/594704> (дата обращения: 18.08.2020)

¹² Доступ: <https://www.rbc.ru/society/15/05/2019/5cdbf60d9a7947040b050b1b> (дата обращения: 18.08.2020)

¹³ См. Письмо Росавиации от 27.05.2019 N Исх-17009/03 «О соответствии эксплуатируемых ВС иностранного производства требованиям сертификатов типа РФ». Доступ: <https://ppt.ru/docs/pismo/rosaviatsiya/n-iskh-17009-03-215944> (дата обращения: 18.08.2020).

¹⁴ Доступ: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2019/09/27/812255-mintrans-otmenil-trebovaniya> (дата обращения: 18.08.2020).

¹⁵ Доступ: <https://www.rbc.ru/business/01/11/2019/5dbb15e39a794773219167c4> (дата обращения: 18.08.2020).

¹⁶ Особенности офшорных юрисдикций и офшорных режимов анализируются в ряде работ отечественных и иностранных авторов [Гетьман-Павлова И.В. 2013; Канашевский В.А. 2019; Петченко М.А. 2008; Bruner Ch.M. 2016].

¹⁷ Доступ: https://www.newsru.com/russia/20dec2019/ne_bermudy.html (дата обращения: 18.08.2020)

5. Споры, связанные с регистрацией, рассматриваются в рамках правовой системы, построенной по английской модели.

6. Регистрация позволяет избежать применения неблагоприятных законов (например, о карательных убытках).

7. Регистрация позволяет избежать применения санкций, направленных против государства-эксплуатанта.¹⁸

8. Компании, обслуживающие регистрацию, обычно предоставляют пакет услуг (кредитные, страховые, корпоративные и пр.).

9. Большинство офшорных юрисдикций имеет специальные реестры залогов (*Registry of Aircraft Mortgages*).

10. Офшорные юрисдикции взимают только регистрационный сбор и не взимают таможенные пошлины, НДС и налог на прибыль.

11. Процентная ставка офшорных лизингодателей может быть значительно ниже отечественной [Абрамов, Шапкин 2013 : 27].

12. Данные о бенефициаре компании, на имя которой регистрируется судно, конфиденциальны (не заносятся в реестр).

Регистрация в британских офшорах (Бермудские острова, Каймановы острова, остров Мэн) регулируется *Air Navigation (Overseas Territories) Order 2013*.¹⁹ Ответственность за регистрацию возлагается на губернатора, который может делегировать свои функции другому лицу (государственному органу или частной компании). В качестве легальных или бенефициарных собственников зарегистрированного судна могут выступать британская корона, британские подданные, лица, проживающие или domiciliрованные в офшоре, компании, инкорпорированные или имеющие зарегистрированный офис на территории Великобритании (п. 16). При необходимости губернатор предоставляет информацию о регистрации авиационным властям Великобритании (п. 21). Сертификат летной годности выдается только при наличии действующего Сертификата о признании этого типа самолетов, выданного губернатором

(*Type Acceptance Certificate*) (п. 23). Сертификат о признании выдается губернатором на основе Сертификата типа, выдаваемого властями страны-производителя или EASA. Сертификат летной годности выдается на основе информации о конструкции самолета и летных испытаний (п. 25); допускается осмотр судна за пределами офшора. После его выдачи самолет должен поддерживаться в исправном состоянии, проходить техобслуживание в организации, одобренной губернатором, инспектироваться и т. д. (п. 26). Если речь идет о самолетах, эксплуатируемых зарубежными компаниями, то оператор, собственник или арендатор судна, которое не используется владельцем сертификата эксплуатанта (*air operator's certificate*), выданного губернатором, должен назначить технического координатора, одобренного губернатором и обеспечивающего выполнение этих требований (п. 26). Сертификат летной годности прекращает действовать, если судно или его оборудование были модифицированы, заменены и т. п. либо до завершения любой инспекции, требуемой для удостоверения летной годности. Он снова начинает действовать после предоставления свидетельства о выпуске в эксплуатацию (п. 27), которые выдаются инженерами, лицензированными губернатором (п. 33). Лицо, намеренное заниматься техобслуживанием самолетов, должно получить от губернатора сертификат одобрения (пар. 34). Регистрационный сбор зависит от веса судна и составляет до 100 тыс. долл.; близкая сумма выплачивается ежегодно за поддержание сертификата летной годности.

Регистрация в британских офшорах также регулируется следующими актами: «*Mortgaging of Aircraft Order*» (1972); «*Rules of the Air Regulations*» (2015); «*Aeroplane Noise Regulations*» (1999); «*Air Navigation (Environmental Standards) Order*» (2002); «*The Air Navigation (Environmental Standards For Non-EASA Aircraft) Order*» (2008); «*Civil Aviation (Insurance) Regulations*» (2005); «*Air Navigation (General) Regulations*» (2006); *Civil Aviation (Safety of Third-Country Aircraft)*

¹⁸ В некоторых случаях регистрация в офшоре делает компанию уязвимой для санкций. В 2014 г. ЕС ввел санкции против РФ, затронувшие дочернюю компанию «Аэрофлота» «Добролет», обслуживающую маршрут Москва – Симферополь. Самолеты «Добролета» были приобретены у ирландской компании BBAW и зарегистрированы в Ирландии. В августе 2014 г. «Добролет» приостановил полеты, сославшись на аннулирование договоров лизинга, техобслуживания и страхования. Доступ: <https://iz.ru/news/574750> (дата обращения: 18.08.2020); Council Implementing Regulation No 826/2014 of 30 July 2014 implementing Regulation No 269/2014 concerning restrictive measures in respect of actions undermining or threatening the territorial integrity, sovereignty and independence of Ukraine.

¹⁹ URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukxi/2013/2870/contents/made> (accessed 18.08.2020).

Regulations» (2006); «Civil Aviation (Investigation of Air Accidents and Incidents) Regulations» (2018); «Civil Aviation (Procedure) Regulations» (1991); «Civil Aviation (Births, Deaths, and Missing Persons) Regulations» (1948). Все эти акты могут дополняться и изменяться офшорными юрисдикциями с учетом местных особенностей.

Британская модель также используется Багамскими островами, Маврикием и Мальтой (независимые государства, члены Британского содружества), сбор за регистрацию, однако, меньше. Она также используется Арубой (автономное самоуправляемое государство в составе Нидерландов), только там в процедуре регистрации участвуют суды. Регистрация в Ирландии, которая является центром международного лизинга и также считается авиационным офшором, осуществляется по правилам ЕС²⁰, судно должно принадлежать гражданам ЕС или компаниям, ведущим бизнес в ЕС, большинство директоров при этом должны быть гражданами ЕС. Бермуды специализируются на регистрации коммерческих судов, приобретенных через лизинговые схемы, Багамы и остров Мэн – на регистрации корпоративных судов, Аруба – на регистрации судов, принадлежащих корпорациям и VVIP (особенно из США). Наиболее популярными авиационными офшорами считаются Бермуды и Аруба.

В операции по покупке судна и его регистрации в офшоре обычно участвуют следующие лица:

- 1) продавец (производитель);
- 2) эксплуатант, действующий в другом государстве (авиакомпания);
- 3) банк, кредитующий покупку под залог судна;
- 4) лизингодатель (как правило, связанный с банком);
- 5) компания специального назначения (*special purpose vehicle*), созданная эксплуатантом для целей регистрации судна и получения кредита, акции которой могут быть переданы в целевой траст;
- 6) юридическая компания, обслуживающая операцию;
- 7) компания, организующая техобслуживание судна.

Во многих офшорах в качестве компании специального назначения выступает так называемая *exempted company*, не подпадающая под действие ряда положений местного законодательства. Статус таких компаний на Бермудах регулируется «*Companies Act*» (1981). Они создаются с согласия фискального органа (*Bermuda Monetary Authority*) и, в отличие от местных компаний, принадлежат нерезидентам и занимаются бизнесом за рубежом. Их секретарь или один из директоров должен быть резидентом Бермуд (другой вариант – наличие назначенного представителя – резидента Бермуд). Они должны иметь как минимум одного акционера, который может владеть акциями в интересах другого лица (бенефициара), а также зарегистрированный офис на Бермудах. К ним, как правило, не предъявляются строгих требований в части отчетности, проведения общих собраний, корпоративной документации и т. п. Их прибыль не облагается налогом, и они могут получить от властей налоговые заверения (*tax assurance*), подтверждающие, что в случае принятия нового законодательства оно не будет к ним применяться до определенной даты.

4. Защита прав банков и лизингодателей

Офшорная регистрация привлекает не только авиакомпании, но также банки и лизингодателей, которые заинтересованы в правовых инструментах, позволяющих им обратить взыскание на судно, находящееся в другой стране (стране эксплуатанта). Таким инструментом является Кейптаунская конвенция о международных гарантиях в отношении подвижного оборудования и Протокол по авиационному оборудованию к ней 2001 г.

Конвенция определяет режим международных гарантий в отношении отдельных категорий подвижного оборудования. Такими гарантиями признаются права залогодержателя, продавца по договору о предварительной продаже с резервированием права собственности и лизингодателя. Если должник не исполняет своих обязательств, залогодержатель (банк, давший кредит на покупку самолета) вправе завладеть объектом, продать

²⁰ См: Regulation (EC) No 1008/2008 of the European Parliament and of the Council of 24 September 2008 on common rules for the operation of air services in the Community (Recast) (Text with EEA relevance).

его, передать в лизинг, получить доход от его использования; при этом он может действовать как во внесудебном, так и в судебном порядке (ст. 8). Продавец или лизингодатель могут прекратить договор и вступить во владение объектом (ст. 10). Кредитор вправе потребовать от суда принятия временных (обеспечительных) мер: сохранение объекта, передача его во владение, запрет изменения его нахождения, передача его в лизинг (ст. 13). Гарантии регистрируются в Международном регистре (ст. 16); зарегистрированная гарантия имеет приоритет перед гарантией, зарегистрированной позднее, а также перед незарегистрированной гарантией. Юрисдикцией обладают суды, избранные сторонами (ст. 42), а в отношении временных мер – суды государства, на территории которого находится объект (ст. 43). Протокол дополнительно разрешает кредитору добиться deregистрации воздушного судна и вывоза его с территории, на которой он находится (ст. IX). Один способ deregистрации предполагает предъявление кредитором в орган регистрации просьбы о deregистрации и зарегистрированного безотзывного полномочия на deregистрацию, выданного должником при заключении сделки (ст. IX (5)); другой – обращение в компетентный суд с заявлением о deregистрации и признании этого решения судом государства регистрации (ст. X (6)) [Лазарева 2006; Юрьев, Евстигнеева 2014].

Ратификация Конвенции дает право на так называемую «кейптаунскую скидку» на приобретение самолетов в размере до 10 %, установленную в рамках ОЭСР.²¹ Российская Федерация ратифицировала Конвенцию в 2010 г.²², сделав пять заявлений. Среди них – заявление на основании ст. 39 (1a), согласно которому некоторые требования кредиторов в делах о банкротствах авиакомпаний будут обладать приоритетом перед зарегистрированными международными гарантиями; заявление на основании ст. 39 (1b), согласно которому Конвенция не затрагивает право поставщика общественного обслужи-

вания арестовывать или задерживать объект в оплату причитающихся ему сумм; и др.²³

5. Выводы

Офшорная регистрация выгодна для частного сектора (авиакомпаний, лизингодателей, банков) и самих офшорных юрисдикций, но невыгодна для государства эксплуатанта, которое лишается доходов от регистрации и инструментов воздействия на авиационный сектор. Последнее объективно заинтересовано в переводе парка своих авиакомпаний в отечественный реестр. Проблема может быть решена императивно – посредством закрепления жесткого обязательства авиакомпаний регистрировать самолеты в отечественном реестре под угрозой невыдачи или отзыва сертификата эксплуатанта. Однако если этот реестр не соответствует мировым стандартам, данная мера отрицательно скажется на развитии авиационного сектора и безопасности перевозок. В этой связи создание прозрачной, целостной и эффективной системы регистрации соответствует интересам государства не в меньшей степени, чем интересам авиакомпаний. Применительно к РФ достижение этой цели предполагает решение следующих задач.

Во-первых, задачи, связанные с упрощением формальностей: создание эффективной системы подготовки специалистов в области регистрации и сертификации, кодификация нормативного материала, выработка «дружественной» и недискриминационной политики по отношению к авиакомпаниям, упрощение судебных процедур, связанных с обращением взыскания на воздушное судно.

Во-вторых, задачи, связанные с признанием российской системы регистрации и сертификации: заключение соглашений о признании сертификатов, более четкое разграничение полномочий между МАК и Росавиацией либо ликвидация МАК и создание на уровне ЕАЭС организации, аналогичной EASA; приведение правил

²¹ См.: Отраслевые договоренности ОЭСР по экспортным кредитам для гражданских самолетов 2011 г. (OECD Sector Understanding on Export Credits for Civil Aircraft), p. 30. URL: <http://search.oecd.org> (accessed 18.08.2020).

²² См.: ФЗ РФ «О присоединении РФ к Конвенции о международных гарантиях в отношении подвижного оборудования и Протоколу по авиационному оборудованию к конвенции о международных гарантиях в отношении подвижного оборудования» от 23 декабря 2010 г. № 361-ФЗ.

²³ Существует мнение, что «положения закона сводят на нет сам смысл международных гарантий», в результате чего кредитор «учитывает агрессивность национальной правовой среды и порождаемые ею высокие риски и ограждает себя от них высокими процентами займов» [Абрамов, Акопян, Шапкин 2013:28].

сертификации в соответствии со стандартами EASA и FAA.

В-третьих, задачи, связанные со стимулированием гражданского оборота: исключение воздушных судов из категории недвижимых вещей, создание реестра залоговых прав на воздушные суда, рассмотрение вопроса о возможности залога авиационных двигателей, унификация таможенных пошлин (установление одинаковых ставок в отношении разных типов судов).

Решение этих задач не требует больших материальных или организационных затрат и может быть осуществлено относительно быстро; для этого, однако, необходимо понимание приоритетов, политическая воля, четкий план действий и сотрудничество всех заинтересованных сторон. Более радикальное решение могло бы состоять в создании внутреннего российского офшора, например, в САР на островах Русский и Октябрьский.

Моделью для российского законодателя могут служить ст. 12 и ст. 13 Регламента ЕС No 1008/2008. Ст. 12 гласит: «Без ущерба для ст. 13 (3) самолет, используемый воздушным перевозчиком из Сообщества, должен быть зарегистрирован по выбору государства-члена, чья компетентная власть выдает сертификат эксплуатанта (*operating licence*), в его национальном реестре или в Сообществе...».

Ст. 13 гласит: «1. ...Воздушные перевозчики из Сообщества могут свободно использовать самолеты в мокром лизинге, зарегистрированные в Сообществе, за исключением случаев, когда это угрожает безопасности... 2. Соглашение о сухом лизинге, стороной которого является воздушный перевозчик из Сообщества, или соглашение о мокром лизинге, по которому воздушный перевозчик из Сообщества является лизингополучателем самолета, подлежит предварительному одобрению в соответствии с регулирующим

авиационную безопасность правом Сообщества или национальным правом. 3) Воздушный перевозчик из Сообщества, получающий самолет, зарегистрированный в третьей стране, в мокрый лизинг от другого предприятия, должен получить предварительное разрешение на эксплуатацию от компетентной власти. Компетентная власть может предоставить разрешение, если: а) воздушный перевозчик из Сообщества убедительным образом продемонстрировал, что все стандарты безопасности, соответствующие тем, которые установлены правом Сообщества или национальным правом, соблюдены; и б) выполнено одно из следующих условий: i) воздушный перевозчик из сообщества обосновал данный лизинг исключительными соображениями, в случае чего разрешение может быть предоставлено на период до семи месяцев и может быть обновлено один раз еще на семь месяцев; ii) воздушный перевозчик из Сообщества продемонстрировал, что лизинг необходим для удовлетворения сезонных потребностей, которые не могут быть разумно удовлетворены путем лизинга самолета, зарегистрированного в Сообществе...; iii) воздушный перевозчик из Сообщества продемонстрировал, что лизинг необходим для преодоления операционных трудностей; при этом невозможно или неразумно брать в лизинг самолет, зарегистрированный в Сообществе, в случае чего разрешение предоставляется на ограниченный срок, строго необходимый для преодоления этих трудностей. 4) Компетентная власть может выдвинуть условия предоставления своего разрешения, которые должны стать частью соглашения о мокром лизинге. Компетентная власть может отказаться предоставить разрешение в случае отсутствия взаимности в части мокрого лизинга между затронутым государством-членом или Сообществом и третьей страной, в которой зарегистрирован самолет...».

Список литературы

1. Абрамов Б.А., Акопьян К.Э., Шапкин В.С. 2013. Причины внесения в реестры других государств воздушных судов иностранного производства, эксплуатируемых в России. – *Научный вестник МГТУ ГА*. № 187. С. 27–30.
2. Бордунов В.Д. 2007. *Международное воздушное право*. М.: НОУ ВКШ «Авиабизнес», изд-во «Научная книга». 464 с.
3. Гетьман-Павлова И.В. *Международное частное право*. М.: Юрайт, 2013.
4. Канашевский В.А. 2019. *Офшорные компании и трасты. Антиофшорное регулирование*. М.: Международные отношения. 328 с.
5. Лазарева Т.П. 2006. Международно-правовое регулирование обеспечительных сделок: Конвенция УНИДРУА о международных гарантиях в отношении подвижного оборудования. – *Журнал российского права*. № 11. С. 85–95.
6. Лысенко А.А. 2011. Проблемы применения ст. 83 bis Чикагской конвенции 1944 г. при международном лизинге воздушных судов. – *Научный вестник МГТУ ГА*. № 170. С. 66–72.
7. Малеев Ю.Н. 2018. *Международное воздушное право / Международное право в 2 ч. Часть 2 под ред. А.Н. Вылегжанина*. М.: Юрайт. С. 220–240.
8. Петченко М.А. 2008. *Международно-правовые проблемы функционирования офшорных финансовых центров: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук*. М.: МГИМО. 143 с.
9. Чинючин Ю.М., Трифонов М.Ю., Гафуров Д.С. 2013. Регистрация иностранных воздушных судов, эксплуатируемых в России, и требования к поддержанию их летной годности. – *Научный вестник МГТУ ГА*. № 197. С. 11–15.
10. Толстых В.Л. *Курс международного права*. М.: Проспект, 2018.
11. Юрьев С.С., Евстигнеева И.С. 2014. Особые способы защиты лизингодателей по Кейптаунской конвенции о международных гарантиях в отношении подвижного оборудования 2001 г. – *Закон*. № 4. С. 152–158.
12. Bruner Ch.M. 2016. *Re-Imagining Offshore Finance: Market-Dominant Small Jurisdictions in a Globalizing Financial World*. Oxford University Press. 264 p.
13. Hampson I. et al. 2016. The Uncertain Oversight of Offshore Aircraft Maintenance: The Case of Australia. – *Journal of Air Law and Commerce*. Vol. 81. Issue 2. P. 225–250.
14. Jiefang Huang. 2009. Aviation Safety, ICAO and Obligations Erga Omnes. – *Chinese Journal of International Law*. № 8. P. 63–79.
15. Shaw M. 2017. *International Law*. Cambridge University Press.
16. Scientific Bulletin of MSTU GA. 2013. No. 187. P. 27–30. (in Russ.)
17. Bordunov V.D. *Mezhdunarodnoe vozduzhnoe pravo* [International Air Law]. Moscow: NOU VKSh «Aviabiznes», «Nauchnaya kniga» Publ. 2007. 464 p. (in Russ.)
18. Bruner Ch.M. *Re-Imagining Offshore Finance: Market-Dominant Small Jurisdictions in a Globalizing Financial World*. Oxford University Press. 2016. 264 p.
19. Chinyuchin Yu.M., Trifonov M.Yu., Gafurov D.S. Registratsiya inostrannykh vozduzhnykh sudov, ekspluatiruemyykh v Rossii, i trebovaniya k podderzhaniyu ikh letnoi godnosti. [Registration of foreign aircraft operated in Russia and requirements for maintaining their airworthiness] – *Scientific Bulletin of MSTU GA*. 2013. No. 197. P. 11–15. (in Russ.)
20. Get'man-Pavlova I.V. *Mezhdunarodnoe chastnoe pravo* [International Private Law]. M.: Jurajt, 2013. (In Russ.)
21. Hampson I. et al. The Uncertain Oversight of Offshore Aircraft Maintenance: The Case of Australia. – *Journal of Air Law and Commerce*. 2016. Vol. 81. No. 2. P. 225–250.
22. Jiefang Huang. Aviation Safety, ICAO and Obligations Erga Omnes. – *Chinese Journal of International Law*. 2009. No. 8. P. 63–79.
23. Jur'ev S.S., Evstigneeva I.S. Osobyie sposoby zashhity lizingodatelej po Kejptaunskoj konvencii o mezhdunarodnykh garantijah v otnoshenii podvizhnogo oborudovaniya 2001 [Special tools to protect lessors according to the Cape Town Convention on International Interests in Mobile Equipment]. – *Legislation*. 2014. № 4. P. 152–158. (In Russ.)
24. Kanashevskii V.A. *Ofshornye kompanii i trusty. Anti-offshornoe regulirovanie* [Offshore companies and trusts. Anti-offshore regulation]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. 2019. 328 p. (in Russ.)
25. Lazareva T.P. *Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie obespechitel'nykh sdelok: Konventsiiya UNIDRUA o mezhdunarodnykh garantiyakh v otnoshenii podvizhnogo oborudovaniya* [International Legal Regulation of Security Transactions: Cape Town Convention on International Interests in Mobile Equipment]. – *Journal of Russian Law*. 2006. No. 11. P. 85–95. (in Russ.)
26. Lysenko A.A. Problemy primeneniya st. 83 bis Chikagskoi konvencii 1944 g. pri mezhdunarodnom lizinge vozduzhnykh sudov [The Problems of Applying Art. 83 bis of the Chicago Convention of 1944 for International Aircraft Leasing]. – *Scientific Bulletin of MSTU GA*. 2011. No. 170. P. 66–72. (in Russ.)
27. Maleev Yu.N. *Mezhdunarodnoe vozduzhnoe pravo / Mezhdunarodnoe parvo* [International Air Law / International Law] In 2 parts. Part 2 ed. by A.N. Vylegzhanin. Moscow: Yurait Publ. 2018. P. 220–240. (in Russ.)
28. Petchenko M.A. *Mezhdunarodno-pravovye problemy funkcionirovaniya offshornykh finansovykh centrov: dissertatsiya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata juridicheskikh nauk* [International legal problems of the functioning of offshore financial centers]. Moscow: MGIMO. 2008. (In Russ.)
29. Shaw M. *International Law*. Cambridge University Press, 2017.
30. Tolstykh V.L. *Kurs mezhdunarodnogo prava* [Manual of International Law]. M.: Prospekt, 2018. (In Russ.)

References

1. Abramov B.A., Akopyan K.E., Shapkin V.S. Prichiny vneseniya v reestry drugih gosudarstv vozduzhnykh sudov inostrannogo proizvodstva, ekspluatiruemyykh v Rossii [Reasons for Inclusion of the Foreign Aircraft Operated in Russia in the Registers of Other Countries]. –

Информация об авторе**Владислав Леонидович Толстых,**

доктор юридических наук,
Московский государственный институт международных
отношений (Университет) МИД России

119454, Российская федерация, Москва,
Проспект Вернадского, д. 76,

Институт философии и права, Сибирское отделение, Рос-
сийская академия наук

630090, Российская Федерация, Новосибирск, ул. Нико-
лаева, д. 8

vlt73@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5103-5324

About the Author**Vladislav L. Tolstykh,**

Doctor of Juridical Sciences,
Moscow State Institute of International Relations (Univer-
sity) MFA Russia

76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454

Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch, Russian
Academy of Sciences

8, ul. Nikolaeva, Novosibirsk, Russian Federation, 630090

vlt73@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5103-5324

МЕЖДУНАРОДНОЕ УГОЛОВНОЕ ПРАВО

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2020-3-103-114>**Александр Борисович МЕЗЯЕВ**

Университет управления «ТИСБИ»

Муштары ул., д. 13, Казань, 420012, Российская Федерация

alexmezyaev@gmail.com

ORCID: 0000-0002-5318-3029

Исследовательская статья
Поступила в редакцию: 15.05.2020
Принята к публикации: 13.09.2020

КОМПЕНСАЦИЯ ОПРАВДАННОМУ ЛИЦУ В МЕЖДУНАРОДНОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

ВВЕДЕНИЕ. Практика современных международных уголовных судов и трибуналов ставит серьезные вопросы о должном обеспечении прав обвиняемого. Среди таких прав выделяется право обвиняемого на компенсацию. Выделяется компенсация обвиняемому (независимо от вердикта) за нарушение его процессуальных прав и фундаментальных прав человека и компенсации оправданному лицу.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Анализ обеспечения права человека на компенсацию в случае неправомерного приговора проводится на основе международных договоров по правам человека, уставных документов международных уголовных судов, обращения к *travaux préparatoires* Статута Международного уголовного суда (МУС), изучения практики международных уголовных судов и трибуналов. Исследование проведено с использованием общенаучных методов познания, в частности, анализа и синтеза, а также сравнительно-правового, историко-правового и формально-догматического методов. Для достижения соответствующих выводов применяются различные способы толкования норм права – грамматический, систематический, телеологический, гармонический и др.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. В деятельности международных уголовных судов и трибуналов нарушение права обвиняемого на рассмотрение дела в разумные сроки носит системный характер, в том числе в связи с отсутствием каких-либо процессуальных сроков, с одной сто-

роны, и отсутствием каких-либо норм (или их неприменением) по восстановлению прав обвиняемого и наказания стороны, совершившей нарушение данных прав, – с другой. Эта ситуация не только создает серьезные трудности с обеспечением прав конкретных обвиняемых (в том числе, оправданных), но и выявляет проблемы развития современного международного уголовного права и международного права прав человека.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. Национальное законодательство и международные договоры по правам человека предусматривают право оправданного лица на компенсацию. В международных уголовных судах данный вопрос, однако, решается по-разному. В уставных документах международных уголовных трибуналов *ad hoc*, созданных Советом Безопасности ООН, право на компенсацию обвиняемого или оправданного лица не упоминается. При этом в Международном уголовном трибунале по Руанде признавалось, что отсутствие упоминания права в Статуте трибунала не означает, что соответствующие лица не имеют соответствующего права. В то же время практических последствий для оправданных лиц данное признание не имело. Статут Международного уголовного суда право на компенсацию признает, однако делает это в ограниченном объеме. Таким образом, в международных уголовных судах и трибуналах обеспечение права человека на компенсацию (прежде всего, на компенсацию оправданному лицу) производится на более низком уровне по сравнению с тем, кото-

рый установлен в международных договорах по правам человека.

ный суд, международные уголовные трибуналы *ad hoc*.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: права человека, процессуальные нормы международного уголовного права, компенсация за нарушения права, компенсация оправданному лицу, права обвиняемого, международные уголовные суды, Международный уголов-

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Мезяев А.Б. 2020. Компенсация оправданному лицу в международном уголовном праве. – *Московский журнал международного права*. № 3. С. 103–114. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2020-3-103-114>

INTERNATIONAL CRIMINAL LAW

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2020-3-103-114>

Alexander B. MEZYAEV

University of Management TISBI

13, Mushtari st., Kazan, Russian Federation, 420012

alexmezyaev@gmail.com

ORCID: 0000-0002-5318-3029

Research article
Received 15.05.2020
Approved 13.09.2020

COMPENSATION TO THE ACQUITTED PERSON IN INTERNATIONAL CRIMINAL LAW

INTRODUCTION. *The practice of modern international criminal courts and tribunals raises serious questions about the proper enforcement of the rights of the accused. Among these rights, the accused's right to compensation is highlighted. Compensation is given to the accused (regardless of the verdict) for violation of his procedural rights and fundamental human rights and compensation to the acquitted person.*

MATERIALS AND METHODS. *The analysis of ensuring the human right to compensation in the event of an unjust sentence is carried out on the basis of international human rights treaties, treaties on the creation of international courts, including appeal to the travaux préparatoires of the Statute of the International Criminal Court (ICC) and the practice of international criminal courts and tribunals, especially the ICC, as well as the International Tribunal for Rwanda and the International Tribunal for the Former Yugoslavia. The study was conducted using general scientific methods of cognition (in particular, analysis and synthesis), as well as comparative legal, historical legal and formal dogmatic methods. To achieve the corresponding conclusions, various methods of interpretation of the rule*

of law are used, in particular, grammatical, systematic, teleological, harmonic, etc.

RESEARCH RESULTS. *In the activities of international criminal courts and tribunals, a violation of the accused's right to a hearing within a reasonable time is systemic, including due to the absence of any procedural deadlines on the one hand, and the absence of any rules (or their non-application) to restore the rights of the accused and punishment of the party who committed the violation of these rights. This situation poses serious problems of ensuring the rights of specific accused (including justified), but also the development of modern international criminal procedural law and international human rights law.*

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *National legislation and international human rights instruments provide for the right of an acquitted person to compensation. In international criminal courts, this issue, however, is addressed in different ways. The statutes of international criminal courts ad hoc created by the UN Security Council do not mention the right to compensation for an accused or acquitted person. At the same time, the International Criminal Tribunal for Rwanda*

recognized that the absence of a reference to law in the Statute of the Tribunal does not mean that the persons concerned do not have the corresponding right. At the same time, this recognition did not have practical consequences. The Statute of the International Criminal Court recognizes the right to compensation, however, does so to a limited extent. Thus, in international criminal courts and tribunals, the provision of the human right to compensation (primarily compensation to an acquitted person) is performed at a lower level than that established in international human rights treaties.

KEYWORDS: *human rights, international criminal procedure, compensation for violations of the law, compensation of the acquitted, rights of the accused, international criminal courts, International Criminal Court, international criminal tribunals ad hoc.*

FOR CITATION: Mezyaev A. B. Compensation to the Acquitted Person in International Criminal Law. – *Moscow Journal of International Law*. 2020. No. 3. P. 103–114. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2020-3-103-114>

1. Введение

После бурного развития международного права прав человека во второй половине XX–начале XXI вв. в последние годы наблюдается существенное приостановление этого процесса. Более того, в ряде областей международного права прав человека стал наблюдаться отказ от уже давно сформированных норм по правам человека. Так, например, если обвиняемые Международного военного (Нюрнбергского) трибунала обладали полной свободой в выборе адвокатов, в современных международных трибуналах данное право, хотя и провозглашается, но реализуется с серьезными ограничениями [Меzyaев 2005:99–118]. Происходит снижение стандартов обеспечения принципа презумпции невиновности, права на рассмотрение дела в разумные сроки и др.

В научной литературе справедливо отмечается то огромное влияние, которое оказывает развитие права прав человека на общее развитие международного права [Энтин М.Л., Энтина Е.Г. 2017:29]. В этой связи следует отметить, что в международном уголовном судопроизводстве произошел настолько заметный отказ от уже имеющихся стандартов прав человека, что в отдельных случаях эти стандарты оказались ниже не только тех, которые установлены в международных договорах по правам человека, но и стандартов, принятых в национальном праве многих государств.

Деятельность международных уголовных трибуналов несомненно имеет своеобразный эталон – договорно-правовую основу суда над главными нацистскими преступниками: Декларацию руководителей СССР, США, Великобритании 1943 г. об ответственности гитлеровцев за совершенные зверства, Соглашение союзных держав «О военных преступниках» 1945 г., Соглашение «О судебном преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран оси» 1945 г., которое и предусматривало создание в этих целях Международного военного трибунала [Вылегжанин, Игнатенко, Скуратова 2011:11–12]. Международный военный трибунал (Нюрнбергский) в 1946 г. оправдал троих обвиняемых, Международный трибунал по бывшей Югославии (МТБЮ) оправдал девятнадцать, Международный трибунал по Руанде (МТР) – четырнадцать и Международный уголовный суд (МУС) – двоих обвиняемых¹. Некоторые специалисты считают, что оправдания – это проявление независимости судов от их создателей [Devresse, Scalia 2019:179], однако такой взгляд вряд ли обоснован. Анализ оправданий показывает, что в значительной своей части они подтверждают как раз обратное, а именно зависимость соответствующих судов от их создателей. Однако в настоящей статье мы рассмотрим лишь одну проблему, возникающую в связи с реализацией права на компенсацию за нарушения прав человека в международном уголовном процессе – права на компенсацию в связи с оправданием.

¹ Данная статистика отражает лишь окончательные оправдания, вынесенные либо апелляционными палатами, либо судебными палатами в том случае, когда не подавались апелляции. В то же время, в практике трибуналов имелись и другие случаи оправдания, которые были отменены апелляционной палатой, в частности, по делам В. Шешеля, Й. Станишича – Ф. Симатовича в МТБЮ и Л. Гбагбо – Ш.Б. Гуде в МУС.

Лидер Сербской радикальной партии профессор В. Шешель был оправдан судебной палатой МТБЮ через 13 лет после ареста, из которых он провел под стражей более 10 лет. Бывший вице-президент Демократической Республики Конго Ж.-П. Бемба был оправдан апелляционной палатой МУС через 10 лет после ареста. Бывший президент Республики Кот-д'Ивуар был оправдан через 9 лет после ареста.

Бывшие руководители службы безопасности Сербии Й. Станишич и Ф. Симатович были оправданы через 13 лет после ареста в Международном трибунале по бывшей Югославии, однако их судебный процесс идет до сих пор в «продолжателе» МТБЮ – Международном остаточном механизме по уголовным трибуналам. При этом процесс продолжается по первой инстанции, а значит, обвиняемым придется под арестом ожидать окончательного решения суда *более двадцати лет*. Такое положение дел нарушает не только все мыслимые стандарты международного права прав человека, но и национального права государств. Данная ситуация не является исключением в международных уголовных судах и трибуналах, напротив, она для них типична.

2. Право на компенсацию во внутригосударственном и международном праве

Право на компенсацию за нарушение прав человека в судопроизводстве признается **внутригосударственным правом** почти всех стран. Например, в Европе компенсация за необоснованный обвинительный приговор не предусмотрена только в трех государствах – в Бельгии, Грузии и на Мальте. Но даже и в этих странах признается право на компенсацию за незаконный арест. Причем в целом ряде стран компенсация не зависит от доказательства неправомерных действий со стороны государства: достаточен сам факт необоснованного содержания под стражей. В Швеции, Норвегии, Дании, Австрии, Нидерландах, Германии, Италии, Исландии, Латвии и др. государствах право на компенсацию лицам, ожидавшим суда длительное время, пред-

усматривается независимо от того, стала ли такая длительность нарушением их прав [Michels 2010:413].

Данный принцип активно распространяется и на другие регионы. В 2007 г. в Китайской Республике (на Тайване) был принят специальный закон о компенсации лицам, подвергшимся незаконному аресту. Закон устанавливает конкретные суммы от одной тысячи до десяти миллионов тайваньских долларов. В ряде государств стандарты компенсации выше, чем принятые в международном праве. Так, в Японии законодательство предусматривает публикацию о компенсации в официальном издании, а также в трех газетах по выбору оправданного лица [Shelbourn 1978:28].

В Российской Федерации право на компенсацию является частью более широкого понятия права на реабилитацию. Данное право закреплено в ч. 2 ст. 6 УПК РФ, согласно которой защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод включается в *назначение* уголовного судопроизводства. Право на реабилитацию, в частности, имеют оправданные лица и лица, в отношении которых прекращено уголовное преследование (по различным основаниям). В 2010 г. в России был принят Федеральный закон «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок». Как указывалось в пояснительной записке к проекту данного закона, необходимость его принятия была обусловлена необходимостью выполнения требований Европейского Суда по правам человека о создании эффективного средства правовой защиты в связи с выявленными системными нарушениями², выражающимися в несоблюдении разумных сроков судопроизводства и исполнения судебных актов³.

При этом российское законодательство исходит из принципа, согласно которому компенсация предусматривается независимо от наличия или отсутствия вины суда [Шестак 2016:2]. Интересно проследить и эволюцию понимания правовой природы компенсации за нарушение

² См., например, решения Европейского суда по правам человека по делам: «Смирнов против России» от 24 июля 2003 г., «Федоров и Федорова против России» от 13 октября 2005 г. и др.

³ Данный закон в российской науке подвергся критике, так как предусматривает положение, согласно которому разумным может признаваться срок судебного рассмотрения дела в 4 года. Данный подход не отражает практику Европейского суда по правам человека и потому представляется обоснованным предложение об устранении подобной нормы. См., например: [Шереметьев 2012:141–145].

прав обвиняемых⁴ судами со стороны высших судебных органов. Если Постановление Пленума Верховного суда РФ и Пленума Высшего арбитражного суда РФ в 2011 г. понимали такую компенсацию как денежное возмещение вреда, то в 2016 г. Пленум Верховного суда РФ уже стал рассматривать компенсацию как способ правовой защиты [Носкова 2016:163].

В **международном праве** право на компенсацию закрепляется в целом ряде актов. Часть 6 статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. (МПГПП) устанавливает: «Если какое-либо лицо окончательным решением было осуждено за уголовное преступление и если вынесенный ему приговор был впоследствии отменен или ему было даровано помилование на том основании, что какое-либо новое или вновь обнаруженное обстоятельство неоспоримо доказывает наличие судебной ошибки, то это лицо, понесшее наказание в результате такого осуждения, получает компенсацию согласно закону, если не будет доказано, что указанное неизвестное обстоятельство не было в свое время обнаружено исключительно или отчасти по его вине», а ч. 5 ст. 9 указывает, что «каждый, кто был жертвой незаконного ареста или содержания под стражей, имеет право на компенсацию, обладающую исковой силой».

Ст. 3 Протокола 7 к Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод (1984 г.) устанавливает, что лицо имеет право на компенсацию в случае судебной ошибки: «Если какое-либо лицо на основании окончательного решения было осуждено за совершение уголовного преступления и если впоследствии вынесенный ему приговор был пересмотрен, или оно было помиловано на том основании, что какое-либо новое или вновь открывшееся обстоятельство убедительно доказывает, что имела место судебная ошибка, то лицо, понесшее наказание в результате такого осуждения, получает компенсацию согласно закону или практике соответствующего государства, если только не будет доказано, что ранее неизвестное обстоятельство не было своевременно обнаружено полностью или частично по его вине».

3. Проблемы обеспечения права на компенсацию в практике международных уголовных судов и трибуналов

В уставных документах **международных уголовных судов и трибуналов** вопрос о компенсации регулируется по-разному.

В Международном уголовном суде вопрос о компенсации регулируется ст. 85 которая устанавливает, во-первых, что каждый, кто стал жертвой незаконного ареста или содержания под стражей, имеет право на компенсацию, обладающую исковой силой; во-вторых, что «если какое-либо лицо окончательным решением было признано виновным за уголовное преступление и если вынесенный ему приговор был впоследствии отменен на том основании, что какое-либо новое или вновь открывшееся обстоятельство неоспоримо доказывает наличие судебной ошибки, то лицо, понесшее наказание в результате такого признания виновным, получает законную компенсацию, если не будет доказано, что указанное неизвестное обстоятельство не было в свое время обнаружено исключительно или отчасти по его вине»; и в-третьих, что в «исключительных обстоятельствах, когда Суд обнаруживает неоспоримые факты, свидетельствующие о наличии грубой и явной судебной ошибки, он может по своему усмотрению присудить компенсацию в соответствии с критериями, предусмотренными в Правилах процедуры и доказывания, лицу, которое было освобождено из-под стражи после окончательного решения об оправдании или прекращения производства по этой причине».

Положения данной статьи ставят целый ряд теоретических и практических проблем.

Во-первых, во время обсуждения проекта Статута МУС сначала Рабочая группа, а затем и Комитет общего состава особо отмечали, что при разработке компенсационных положений Статута следует использовать формулировки Международного пакта о гражданских и политических правах (МПГПП) на всех соответствующих языках. Однако соответствующие положения из МПГПП были использованы только в

⁴ Речь идет о компенсации за нарушение двух прав: на судопроизводство в разумный срок и на исполнение судебного акта в разумный срок.

отношении незаконного ареста или содержания под стражей, а в отношении оправданного лица принцип применения текста Пакта реализован не был: ч. 3 ст. 85 была существенно ограничена.

Во-вторых, обращение к текстам Статута на различных языках показывает, что формулировки ст. 85 не идентичны. Это обусловлено соответствующими различиями в текстах МПГПП на разных языках. Так, текст ч. 1 данной статьи на русском языке сформулирован аналогично положению ч. 5 ст. 9 Международного пакта о гражданских и политических правах и гласит, что соответствующие лица имеют «право на компенсацию, *обладающую исковой силой*». Однако эта формулировка недостаточно ясна: что понимается под «обладанием исковой силой»? Обращение английскому тексту не разъясняет ситуацию, так как содержит выражение *an enforceable right to compensation*. В проекте Статута МУС термин *enforceable* разъяснялся таким образом, что процедура компенсации должна быть прописана в Правилах процедуры и доказывания⁵. Однако такое разъяснение вряд ли проясняет русский текст...

Иначе звучит испанский текст, который гласит, что соответствующие лица имеют «*эффективное право на компенсацию*» (*derecho efectivo a ser indemnizado*). Однако термины *effective* и *enforceable* не являются идентичными, что подтверждается, в частности, в решении Комитета по правам человека по делу «*Гунаратна против Шри-Ланки*», где указанные термины используются как имеющие различный смысл⁶. Наконец, французский текст вообще говорит просто о «праве на компенсацию» (*droit à réparation*).

Обращение к *travaux préparatoires* Статута МУС также не дает полной ясности. С одной стороны, проект статьи, предусматривающий компенсацию обвиняемому или оправданному лицу, прошел серьезную эволюцию между стадией разработки в Комиссии ООН по международному праву (КМП) и на Дипломатической конференции в Риме. Проект КМП содержал лишь краткое упоминание права на компенсацию, как установлено ч. 5 ст. 9 МПГПП, то есть только за незаконный арест. При этом статья была сформулирова-

на как право суда. При рассмотрении проекта в подготовительных комитетах Дипломатической конференции по разработке Статута МУС появляется упоминание о компенсации в отношении оправданного лица и, соответственно, ссылка на ч. 6 ст. 14 Пакта. Более того, на ранних этапах разработки Статута проект статьи о компенсации предусматривал также компенсацию в случае «неправомерных действий прокурора, судей и других сотрудников суда» [Schabas 2016:1122]. Однако на более поздних этапах данная норма из проекта исчезла.

Проект «компенсационной» статьи, представленный на окончательное рассмотрение Римской Дипломатической конференции, был сформулирован следующим образом: «Любое лицо, подвергшееся аресту или задержанию в нарушение Статута или международно признанных норм в области прав человека, имеет право на получение компенсации от Суда в соответствии с Правилами процедуры». Однако окончательно принятая формулировка не содержит упоминания о нарушении конкретных норм и о том, что платит компенсацию именно Суд. Специалисты отмечают, что некоторые формулировки (в частности, *enforceable right* или *compensated according to law*) могут быть истолкованы как возможность истребования компенсации не только от МУС, но и от государств [Commentary on the Law... 2017:627]. Такое предположение подкрепляется исключением из окончательной редакции текста Статута упоминания Суда, однако, вряд ли оно верно. Столь серьезные вопросы, как право истребования компенсации от государств, в случае соответствующего намерения со стороны составителей Статута должны быть оформлены прямым и недвусмысленным образом.

Формулировка ч. 2 также претерпела некоторые изменения. В первоначальном проекте среди лиц, имеющих право на компенсацию, указывалось также помилованное лицо, указание на которое было исключено из окончательно принятого текста.

Самые существенные изменения претерпела формулировка ч. 3. Проект, представленный для обсуждения на Римскую конференцию, не

⁵ United Nations Diplomatic Conference of Plenipotentiaries on the Establishment of an International Criminal Court. Official Records. Vol. 3, P. 321. Следует отметить, что данное разъяснение относится именно к указанному термину, а не положению статьи в целом.

⁶ Human Rights Committee. Ninety-Fifth Session. Views. Communication No. 1432/2005 // Документ Комитета по правам человека: CCPR/C/95/D/1432/2005 от 23 апреля 2009 г. // URL: <https://undocs.org/en/CCPR/C/95/D/1432/2005> (accessed 18.04.2020).

предусматривал никаких условий в отношении особенностей содержания лица под стражей. Сам факт такого содержания в случае оправдания или установления факта несостоятельности обвинения был достаточен для возникновения права на компенсацию. Но в окончательно принятой формулировке появилось требование о том, что должна иметь место «грубая» и «явная» [Stahn 2019:288] судебная ошибка⁷.

Более того, в формулировку была включена ссылка на Правила процедуры и доказывания (ППД), содержащие некие «критерии», в еще большей степени ограничивающие круг лиц, которые могут получить такую компенсацию. При этом ППД не были приняты на момент принятия Статута, и было неизвестно, какие еще ограничения будут установлены для реализации права на компенсацию. В настоящее время действующая редакция Правил процедуры ввела установленные такие ограничения, как требование, чтобы лицо само обращалось в суд (в назначаемую президиумом МУС специальную палату в составе трех судей), а также устанавливается срок давности в шесть месяцев (ст. 173 ППД МУС). Данные ограничения возлагают бремя доказательства на обвиняемого (а в данном случае – уже на оправданного!). Это явный отход от давно устоявшегося принципа презумпции невиновности. Не случайно ряд специалистов отмечают, что отказ оправданному лицу в компенсации фактически приравнивается к презумпции его вины [Research Handbook... 2016:474].

Еще одно ограничение права оправданного лица на компенсацию в МУС установлено в ст. 174 ППД. Согласно данному правилу прокурор суда имеет право «представить ответ в письменном виде». Несмотря на нейтральную, на первый взгляд, формулировку, суть данного положения состоит в том, что оправданное лицо оказывается, по существу, в новом процессе, стороной которого опять становится тот же самый субъект, который только что показал свою несостоятельность.

Было бы наивностью принять аргумент о том, что прокуратура может (но не обязана) поручить участие в этой процедуре иным сотрудникам, нежели те, которые отвечали за собственно судебный процесс. Если судебный корпус хотя бы формально не представляет собой единую и субординационную структуру и замена судей может иметь весьма значительные изменения в правовой позиции судебной палаты, то замена представителей прокуратуры не может менять положение дел, так как любой представитель прокуратуры исполняет указания прокурора. Стороной в процессе является именно прокурор, а не те или иные сотрудники. Поэтому замена сотрудника канцелярии прокурора не решает проблему конфликта интересов. В деле «*Прокурор против Ж.-П. Бембы*» после оправдания обвиняемый подал иск о финансовой компенсации в размере 77,7 млн долл. США, из которых компенсация за проведенные в тюрьме десять лет составила 12 млн долл.⁸. Прокуратура возражала не в отношении суммы, а самого права оправданного на компенсацию⁹. Лично прокурор МУС Ф. Бенсуда категорически отрицала любое право на компенсацию Ж.-П. Бембы. Совершенно ясно, что прокуратура не может участвовать в процедуре обсуждения вопроса о компенсации оправданному лицу.

Наконец, следует отметить и еще одно интересное обстоятельство. Правило 173 ППД МУС предусматривает, что обращение за компенсацией направляется не в ту же палату, которая приняла решение об оправдании, а в специальную палату, назначаемую Президиумом суда. Правило разъясняет, что в состав такой палаты не могут входить судьи, которые ранее участвовали в вынесении каких-либо решений в отношении оправданного лица. Казалось бы, данное требование является реализацией принципа беспристрастности суда. Однако на самом деле в рамках принципа беспристрастности это явно излишнее правило, ведь в случае оправдания вопрос о беспристрастности суда для обвиняемого не возникает.

⁷ Русский текст содержит именно такую интерпретацию термина *miscarriage of justice*, что представляется неправильным, ибо смысл статьи охватывает действия не только судей, но и прокуратуры, и секретариата. Таким образом, точнее было бы говорить не о судебной ошибке, а о неправомерных действиях органов Суда (имея в виду, что в Международный уголовный суд входят не только собственно судебные органы).

⁸ Остальная часть запрошенной суммы касалась потерь собственности, пришедшей в негодность в связи с действиями МУС, который издал распоряжение об аресте собственности, но не предпринял никаких мер по ее сохранности.

⁹ *Prosecutor v. Bemba*. ICC. Public redacted version of “Prosecution’s response to Mr. Bemba’s claim for compensation and damages”. 6 May 2019 // URL: https://www.icc-cpi.int/CourtRecords/CR2019_02605.PDF (accessed 18.04.2020).

Более того, почему-то заменяется только состав судей, но не прокуратуры (ее состав остается прежним, а ведь она-то и имеет прямой конфликт интересов).

Значит, причина замены состава суда для решения вопроса о компенсации состоит в чем-то другом. В чем? Во-первых, такое решение выводит вопрос о компенсации из обязанности суда в вопрос частной инициативы самого человека. Суд снимает с себя какие-либо обязательства. И во-вторых, обвиняемый оказывается лишен права на помощь адвоката в данном исковом производстве, ведь процесс уже завершен и полномочия адвоката прекращаются. Следовательно, для того чтобы добиться компенсации, оправданный должен за свои деньги нанимать адвоката.

Главный вывод по ст. 85 Статута МУС: в отличие от уставных документов международных уголовных трибуналов *ad hoc*, вопрос о компенсации все-таки решается, но сделано это не в полном соответствии с требованиями международного права прав человека. Право на компенсацию предусмотрено, но его реализация ограничивается рядом жестких условий, многие из которых сводят на нет эффективное использование данного права. Как бы то ни было, два аутентичных текста прямо содержат упоминание «эффективности» права на компенсацию: один прямым образом (испанский), другой – опосредованным (английский). Тексты Статута на всех языках являются равно аутентичными (ст. 128 Статута МУС). Таким образом, мы не можем отдать предпочтение ни одному из текстов и должны применить различные методы толкования, в частности, гармоническое и телеологическое. Телеологическое толкование приводит к выводу о том, что содержанием части 1 статьи 85 Статута МУС является не только закрепление у обвиняемого права на компенсацию, но и указание на необходимость обеспечения его эффективного характера. Применение гармонического толкования показывает, что хотя в ряде аутентичных текстов на разных языках отсутствует прямое указание на эффективный характер права на компенсацию, такое понимание им не противоречит. Таким образом, следует исходить из того, что право на компенсацию не является формаль-

ным, а должно быть обеспечено судом должным образом. Все ограничения этого права вступают в противоречие с принципом эффективности, включая возложение на обвиняемого бремя доказывать это своё право.

Такое толкование подтверждается практикой Комитета по правам человека по разъяснению соответствующих положений о компенсации. Обращение к данной практике оправдано в связи с решением составителей Статута МУС провозгласить *verbatim* рецепцию соответствующих положений МПГПП. Таким образом, практика КПЧ по толкованию Пакта может рассматриваться как авторитетное толкование и соответствующих положений Статута МУС. В этой связи особо важны замечания общего порядка № 32 (2007 г.)¹⁰ и № 35 (2014 г.), в которых даются важные разъяснения, подтверждающие наши выводы. Так, в отношении компенсации за незаконный арест и в отношении оправданного лица КПЧ отметил, что возможность получения возмещения должна быть не теоретической, а «должна подкрепляться эффективным механизмом», более того – предоставляться «в течение разумного периода времени». Комитет также подчеркнул, что процедура компенсации должна быть эффективной¹¹.

Что касается иных международных или интернационализованных (гибридных) уголовных судов и трибуналов, то вопрос о компенсации за нарушения прав обвиняемого и компенсацию оправданному лицу решается по-разному. Так, например, первоначально уставные документы Специального трибунала по Ливану (СТЛ) не предусматривали положений о компенсации оправданному лицу, но в 2010 г. в ППД трибунала были внесены дополнения. В результате реализация этого права в СТЛ оказалась несколько шире, чем в трибуналах *ad hoc*, созданных СБ ООН [International Criminal Procedure... 2013:372], но еще более ограничена, чем в Международном уголовном суде. Так, ППД СТЛ сохраняют все ограничения, включенные в Статут МУС, но при этом еще и сводят решение вопроса лично к президенту трибунала (а не к судебной палате в составе трех человек, как это предусматривается в МУС). Апелляционная палата Специального

¹⁰ Замечание общего порядка № 32 - Статья 14 (Равенство перед судами и трибуналами и право каждого на справедливое судебное разбирательство) // Документ Комитета по правам человека ССРР/С/ГС/32, параграфы 52-53.

¹¹ Замечание общего порядка № 35 - Статья 9 (Свобода и личная неприкосновенность) // Документ Комитета по правам человека ССРР/С/ГС/35, параграф 18.

суда по Камбодже¹² в решении по делу «*Прокуроры против Каинг*» указала, что обвиняемый имеет право на компенсацию со стороны суда даже при отсутствии таких нарушений, которые могут быть присвоены суду и даже в случае отсутствия ситуации *abuse of process*¹³.

Уставные документы международных уголовных трибуналов *ad hoc*, созданных Советом Безопасности ООН, не признают право обвиняемого на компенсацию. Это не означает, что обвиняемые этих трибуналов не имеют права на компенсацию. Ведь если предположить, что трибунал не может распорядиться о компенсации, это означало бы невозможную ситуацию, когда суд не в состоянии обеспечить право обвиняемого на эффективное средство судебной защиты [Tochilovsky 2008:318-319]. Однако практика этих трибуналов решает проблему компенсации за нарушение прав человека по-разному.

В июне 2012 г. **Международный трибунал по Руанде** в решении по делу «*Протаис Зираниразо против прокурора*» указал, что ч. 3 ст. 85 Статута МУС отражает современное состояние обычного международного права по вопросу о компенсации в отношении оправданного лица¹⁴. Однако данный вывод говорит о том, что суд признал обычно-правовой характер не права оправданного лица на компенсацию, а тех особенностей ее применения, которые закреплены в ч.3 ст. 85 Статута МУС, то есть тех исключений, которые применимы в ситуациях оправдания. Не случайно же трибунал сослался не на Международный пакт о гражданских и политических правах, а на Статут МУС: для вывода об обычно-правовом характере права на компенсацию было логичнее и точнее сослаться именно на МПГПП, но судьи ссылаются на Статут МУС, который существенно «обрезал» соответствующие положения Пакта. В конечном итоге Международный трибунал по Руанде заявил о том, что не обвиняемый имеет право на компенсацию, а суд имеет право на выплату такой компенсации! Это явный пересмотр того положения, которое

закреплено в Международном пакте о гражданских и политических правах.

В решении по делу «*Прокурор против Рвамакумбы*» судебная палата Международного трибунала по Руанде постановила, что оправданный должен получить 2 тыс. долл США в качестве компенсации. Однако это было сделано не в качестве компенсации за восемь лет, проведенных под стражей, а лишь за нарушение права на помощь адвоката в течение 125 дней после ареста.

В деле «*Мугензи и Мугиранеца против Прокурора*» судья апелляционной палаты МТР П. Робинсон заявил, что обвиняемые должны получить финансовую компенсацию за нарушение их права быть судимыми в разумный срок¹⁵. Однако при этом речь шла только об излишне длительном времени подготовки приговора (почти три года). Обратим внимание, что судья ставит вопрос о компенсации только за нарушение права на оперативное рассмотрение дела и только в отношении периода между окончанием процесса и вынесением приговора. Вопрос о компенсации за почти 14 лет содержания под стражей невиновных он даже не упомянул. Впрочем, даже в рамках куцей озабоченности судьи Робинсона нарушением прав оправданных, предложенная им сумма (5 тыс. долл.) и отказ большинства апелляционной палаты вообще присуждать материальную компенсацию говорят не столько о состоянии права, сколько о реальном отношении судей к вопросу о компенсации оправданным. Этот подход отражается, например, в таком аргументе судебной палаты МТР при отказе оправданному в компенсации «Вынесение положительного решения о выплате компенсации в данном деле повлечет за собой неуправляемый поток требований о компенсации»...

Компенсация может представлять из себя не только материальную компенсацию в отношении оправданных лиц, но и сокращение размера наказания в отношении осужденных. В своем несогласном мнении по делу «*Прокурор против Бизимунгу и других*» судья Э.Ф. Шорт заняла именно

¹² Supreme Court Chamber of the Extraordinary Chambers in the Courts of Cambodia

¹³ *Co-Prosecutors v. Kaing*. Appeal Judgement. 3 February 2012. URL: https://www.eccc.gov.kh/sites/default/files/documents/courtdec/%5Bdate-in-tz%5D/F54%20_%20EN.pdf (accessed 20.04.2020)

¹⁴ *Protais Zigiranyirazo v. The Prosecutor*. [ICTR Trial Chamber] Decision on Protais Zigiranyirazo's Motion For Damages // URL: http://www.worldcourts.com/icttr/eng/decisions/2012.06.18_Zigiranyirazo_v_Prosecutor.pdf (accessed date: 20.04.2020). (accessed 19.04.2020).

¹⁵ *Mugenzi and Mugiraneza v. Prosecutor*. [ICTR Appeals Chamber] Judgment. Partially Dissenting Opinion of Judge Robinson. Para 12 // URL: <https://unictr.irmct.org/sites/unictr.org/files/case-documents/ict-99-50/appeals-chamber-judgements/en/130204.pdf> (accessed 20.04.2020)

такую позицию, причем основанием для компенсации в обоих случаях стало нарушение права обвиняемых на оперативное рассмотрение дела именно со стороны судей (длительное невынесение приговора)¹⁶. Впрочем, при отсутствии как процессуальных сроков, так и сроков назначения наказания подобного рода компенсации не могут быть обеспечены. Мы это наблюдали в ряде дел, в частности, при назначении наказания, соответствующего уже отбытому подсудимым времени при содержании его под стражей в течение процесса «*Прокурор против Ндидилииманы*» в Международном трибунале по Руанде. Приговор судебной палаты выглядел следующим образом: «приговорить Ндидилииману к сроку, уже отбытому им»¹⁷. Беспрецедентная формулировка в истории международных уголовных судов и трибуналов! А тремя годами позднее апелляционная палата МТР оправдала О. Ндидилииману¹⁸. Вопрос о компенсации даже не поднимался, хотя до оправдания генерал О. Ндидилиимана провел под стражей 11 лет.

В отличие от практики трибунала по Руанде, **Международный трибунал по бывшей Югославии** ни разу не вынес решения о финансовой компенсации оправданным лицам. Большинство оправданных лиц даже не обращались с просьбами о компенсации. Однако ряд оправданных такие иски подавали.

Профессор В. Шешель был оправдан через десять лет после ареста (он добровольно прибыл в Гаагу). В течение судебного процесса все запросы В. Шешеля о компенсации за нарушения его прав отклонялись судебной палатой. Первый иск – о компенсации за незаконный арест и содержание под стражей был оставлен без ответа. Тем не менее, иск В. Шешеля ставит важный вопрос об отсутствии эффективного механизма защиты права на свободу как в МТБЮ, так и в международных уголовных судах и трибуналах вообще.

Любое лишение свободы возможно только при наличии законных на то оснований. В деле В. Шешеля (так же, как и в делах остальных обвиняемых) вопрос об основании для заключения под стражу после его ареста вообще *не рассматривался*. И не потому, что обвиняемый не требовал этого, а потому что судьи ссылались на положения Статута МТБЮ, который устанавливал автоматическое тюремное заключение. Последующие запросы о временном освобождении не могут рассматриваться, как эффективная реализация данного права. Во-первых, рассмотрение вопроса о временном освобождении проходит в рамках строго ограниченных вопросов, связано не с необходимостью заключения, а с возможностью освобождения, во-вторых, бремя доказательства этих вопросов перекладывается с прокуратуры на обвиняемого. Таким образом, рассмотрение вопроса временного освобождения никоим образом не может заменить рассмотрения вопроса об основаниях для содержания под стражей. Иск В.Шешеля о компенсации за нарушение его прав в 2012 г.¹⁹ был отклонен. Иск, поданный В. Шешелем в 2014 г., вообще не был рассмотрен по существу: судьи заявили, что рассмотрение вопроса о компенсации до вынесения приговора является, якобы, «преждевременным»²⁰. Однако после вынесения приговора судьи так и не вернулись к рассмотрению данного иска.

5. Заключение

От того, насколько справедлива судебная процедура в данном международном судопроизводстве, зависит общее доверие к такому суду и потому это вопрос не частного, а общественного интереса [McDermott 2016:42-43]. К сожалению, современные международные суды пока не демонстрируют в своей деятельности высшие стандарты правосудия, что подтверждается и

¹⁶ *Prosecutor v. Bizimungu et al.* ICTR [Trial Chamber] Judgment and Sentence. 30 September 2011. Partially Dissenting Opinion of Judge Emile Francis Short. // URL: <https://unictr.irmct.org/sites/unictr.org/files/case-documents/ictr-99-50/trial-judgements/en/110930.pdf> (accessed 20.04.2020)

¹⁷ *Prosecutor v. Ndindiliyimana et al.* ICTR [Trial Chamber] Judgment and Sentence. 17 May 2011. // URL: <https://unictr.irmct.org/sites/unictr.org/files/case-documents/ictr-99-50/trial-judgements/en/110517.pdf> (accessed 20.04.2020)

¹⁸ *Prosecutor v. Ndindiliyimana et al.* ICTR [Appeals Chamber] Judgment. 11 February 2014. // URL: <https://unictr.irmct.org/sites/unictr.org/files/case-documents/ictr-00-56/appeals-chamber-judgements/en/140211.pdf> (accessed 20.04.2020)

¹⁹ *Prosecutor v. Vojislav Seselj.* Claim For Damages on Account of Violation of Elementary Human Rights of Professor Vojislav Seselj During Nine Years of Detention. 12 January 2012 // URL: <https://www.icty.org/x/cases/seselj/tdec/en/120321.pdf> (accessed 20.04.2020)

²⁰ *The Prosecutor v. Vojislav Šešelj.* Decision on Accused's Compensation Claim on Account of Groundless Detention. 31 March 2016 // URL: <https://www.icty.org/x/cases/seselj/tdec/en/160331.pdf> (accessed 20.04.2020)

соответствующей реакцией государств²¹. Отсутствие в документах трибуналов *ad hoc* положений о компенсации не является основанием для лишения оправданного лица права на компенсацию. Международные уголовные трибуналы постоянно утверждают, что их деятельность является неким стандартом, образцом для всех остальных, что они применяют лучшие мировые практики и что реализация принципа справедливого судебного разбирательства в МУС реализована на более высоком стандарте, нежели это предусматривается в международных договорах по правам человека [Международное уголовное правосудие... 2009:293]. Как видим, на самом деле это не так. Пробел в закреплении положений

о компенсации в документах трибуналов *ad hoc* должен решаться на основе лучших мировых практик – как международных, так и национальных. Здесь образцом может служить и подход, продемонстрированный Конституционным Судом России (КС РФ). В решении по жалобам ряда граждан на нарушение их прав по ст. 133 УПК России, КС РФ указал, что отсутствие законодательных решений по обеспечению права на возмещение вреда, причиненного уголовным преследованием,²² не является основанием утверждать, что государство не обязано содействовать реабилитированному лицу в защите его прав, затронутых необоснованным уголовным преследованием²³.

Список литературы

1. Вылегжанин А.Н., Игнатенко Г.В., Скуратова А.Ю. 2011. Юридические итоги великой победы над фашистской Германией и современные попытки ее искажения. – *Российский ежегодник международного права*, Санкт-Петербург. С. 9–27.
2. *Международное уголовное правосудие: современные проблемы (2009)* / Под ред. Г. И. Богуша, Е. Н. Трикоз. М.: Ин-т права и публичной политики, 2009. 749 с.
3. Мезяев А.Б. 2005. Назначение адвоката на процессе против Слободана Милошевича в Гаагском трибунале: некоторые международно-правовые вопросы. – *Московский журнал международного права*. № 2. С. 99–118.
4. Мезяев А.Б. 2017. Международно-правовые аспекты решения России не стать участником Статута Международного уголовного суда. – *Международное право и международные организации / International Law and International Organizations*. № 3. С. 84–93. DOI: 10.7256/2454-0633.2017.3.23945
5. Носкова Ю.Б. 2016. Определение размера компенсации за нарушение права на уголовное судопроизводство в разумный срок. – *Евразийский юридический журнал*. № 6. С. 163–164.
6. Скуратова А.Ю. 2016. Россия и Римский статут Международного уголовного суда. – *Московский журнал международного права*. № 4. С. 125–137. DOI: 10.24833/0869-0049-2016-4-125-137.
7. Шереметьев А.П. 2012. Об ограничении чрезмерной длительности уголовного судопроизводства и срока содержания обвиняемого под стражей. – *Российский юридический журнал*. № 6. С. 141–145.
8. Шестак В.А. 2016. О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок. – *Российская юстиция*. № 9. С. 2–4.
9. Энтин М.Л., Энтина Е.Г. 2017. Влияние права человека на прогрессивное развитие современного международного права. Часть I. – *Московский журнал международного права*. № 2 (106). С. 29–44. DOI: 10.24833/0869-0049-2017-2-106-29-44
10. *Commentary on the Law of the International Criminal Court*. Ed. Klamburg M. 2017. Torkel Opsahl Academic EPublisher. Brussels. 775 p.
11. Devresse M., Scalia D. 2019. An Outsider's View from Inside. The Experience of Acquittals before International Criminal Tribunals. – *Journal of International Criminal Justice*. Vol. 17. P. 179-198. DOI: 10.1093/jicj/mqy038
12. *International Criminal Procedure. Rules and Principles*. Ed. By Sluter G, others. 2013. Oxford University Press. 1680 p.
13. McDermott Y. 2016. *Fairness in International Criminal Trials*. Oxford University Press. 211 p.
14. Michels J.D. 2010. Compensating Acquitted Defendants for Detention before International Criminal Courts. – *Journal of International Criminal Justice*. Vol. 8. P. 407–424. DOI: 10.1093/jicj/mqq015.
15. *Research Handbook on International Penal System*. Ed. Mulgrew R., Abels D. 2016. Edward Elgar Publishing. Cheltenham, Northampton. 517 p.
16. Schabas W. 2016. *The International Criminal Court: A Commentary of the Rome Statute*. 2nd edition. Oxford University Press. 1688 p.
17. Shelbourn C. 1978. Compensation for Detention. – *Criminal Law Review*. № 22. P. 28-30.
18. Stahn C. 2019. *A Critical Introduction to International Criminal Law*. Cambridge University Press. 447 p.
19. Tochilovsky V. 2008. *Jurisprudence of International Criminal Courts and European Court of Human Rights. Procedure and Evidence*. Martinus Nijhoff Publishers. 911 p.

²¹ См., например, анализ международно-правовой позиции Российской Федерации в отношении участия в Статуте МУС. См., в частности: [Скуратова 2016:125–137; Мезяев 2017:84–93].

²² В данных делах речь шла об уголовном преследовании в порядке частного обвинения.

²³ Конституционный Суд постановил, что суды могут принять решение о возмещении реабилитированному лицу вреда (в том числе морального) за счет средств частного обвинителя.

References

1. *Commentary on the Law of the International Criminal Court*. Ed. Klamberg M. Torkel Opsahl Academic EPublisher. Brussels. 2017. 775 p.
2. Devresse M., Scalia D. An Outsider's View from Inside. The Experience of Acquittals before International Criminal Tribunals. – *Journal of International Criminal Justice*. 2019. Vol. 17. P. 179–198. DOI: 10.1093/jicj/mqy038.
3. Entin M.L., Entina E.G. Vliyanie prava prav cheloveka na progressivnoe razvitie sovremennogo mezhdunarodnogo prava. Chast' I [The Impact of Human Rights Law on the Progressive Development of Contemporary International Law. Part I]. – *Moscow Journal of International Law*. 2017. No. 2 (106). P. 29–44. DOI: 10.24833/0869-0049-2017-2-106-29-44 (in Russ.)
4. *International Criminal Procedure. Rules and Principles*. Ed. By Sluiter G., others. Oxford University Press. 2013. 1680 P.
5. McDermott Y. *Fairness in International Criminal Trials*. Oxford University Press. 2016. 211 p.
6. Mezhdunarodnoe ugovnoe pravosudie: sovremennye problemy. Pod red. Abashidze A.Kh., Bogush G.I., Trikoz E.N. [International Criminal Justice. Ed. by Abashidze A.Kh., Bogush G.I., Trikoz E.N]. M.: Institut Prava i Publichnoi Politiki Publ. 2009. 750 p. (in Russ.)
7. Mezyaev A.B. 2017. Mezhdunarodno-pravovye aspekty resheniya Rossii ne stat' uchastnikom Statuta Mezhdunarodnogo ugovnogo suda [International Legal Aspects of Russia's Decision Not to Become a Party to the Statute of the International Criminal Court]. – *Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizatsii / International Law and International Organizations*. No. 3. P. 84–93. DOI: 10.7256/2454-0633.2017.3.23945
8. Mezyaev A.B. Naznachenie advokata na protsesse protiv Slobodana Miloshevicha v Gaagskom tribunale: nekotorye mezhdunarodno-pravovye voprosy [Appointment of a Lawyer in the Proceedings against Slobodan Milosevic at the Hague Tribunal: Some International Legal Issues]. – *Moscow Journal of International Law*. 2005. No. 2. P. 99–118. (in Russ.)
9. Vylegzhanin A.N., Ignatenko G.V., Skuratova A.Yu. Yuridicheskie itogi velikoi pobedy nad fashistskoi Germaniei i sovremennye popytki ee iskazheniya [Legal Results of the Great Victory over Nazi Germany and Modern Attempts to Distort It]. – *Russian Yearbook of International Law*, 2010. 2011. P. 9–27. (in Russ.)
10. Michels J.D. Compensating Acquitted Defendants for Detention before International Criminal Courts. – *Journal of International Criminal Justice*. Vol. 8. 2010. P. 407–424. DOI: 10/1093/jicj/mqq015.
11. Noskova Yu.B. Opredelenie razmera kompensacii za narushenie prava na ugovnoe sudoproizvodstva v razumnyj rok [Determination of the Amount of Compensation for Violation of the Right for Criminal Legal Proceedings in Reasonable Time]. – *Eurasian Law Journal*. 2016. No. 6. P. 163–164. (in Russ.)
12. *Research Handbook on International Penal System*. Ed. Mulgrew R., Abels D. Edward Elgar Publishing. Cheltenham, Northampton. 2016. 517 p.
13. Schabas W. *The International Criminal Court: A Commentary of the Rome Statute. 2nd edition*. Oxford University Press. 2016. 1688 p.
14. Shestak V.A. O nekotorykh voprosakh, vznikajushhih pri rassmotrenii del o prisuzhdenii kompensacii za narushenie prava na sudoproizvodstvo v razumnyj rok ili prava na ispolnenie sudebnogo akta v razumnyj rok. Rossijskaja justicija. 2016. № 9. P. 2–4. (in Russ.)
15. Sheremet'ev A.P. Ob ogranichenii chrezmernoj dlitel'nosti ugovnogo sudoproizvodstva i sroka sodержaniya obvinjaemogo pod strazhej [On the Limitation of the Excessive Length of the Criminal Proceedings and Period of Accused Detention]. – *Russian Law Journal*. No. 6. 2012. P. 141–145. (in Russ.)
16. Shelbourn C. Compensation for Detention. – *Criminal Law Review*. 1978. No. 22. P. 28.
17. Skuratova A.Yu. Rossiya i Rimskij statut Mezhdunarodnogo ugovnogo suda [Russia and the Rome Statute of the International Criminal Court]. – *Moscow Journal of International Law*. 2016. No. 4. P. 125–137. DOI: 10.24833/0869-0049-2016-4-125-137. (in Russ.)
18. Stahn C. *A Critical Introduction to International Criminal Law*. Cambridge University Press. 2019. 447 p.
19. Tochilovsky V. *Jurisprudence of International Criminal Courts and European Court of Human Rights. Procedure and Evidence*. Martinus Nijhoff Publishers. 2008. 911 p.

Информация об авторе

Александр Борисович Мезяев,

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права Университета управления «ТИСБИ»,

420012, Российская Федерация, г. Казань, ул. Муштари, 13.

alexmezyaev@gmail.com
ORCID: 0000-0002-5318-3029

About the Author

Alexander Borisovich Mezyaev,

Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and international law University of Management TISBI

13, Mushtari st., Kazan, Russian Federation, 420012

alexmezyaev@gmail.com
ORCID: 0000-0002-5318-3029

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2020-3-115-129>Исследовательская статья
Поступила в редакцию: 10.06.2020
Принята к публикации: 06.08.2020**Екатерина Алексеевна КОПЫЛОВА**

Посольство Российской Федерации во Французской Республике и Княжестве Монако

40-50, Бульвар Ланн, 75116, Париж, Франция

kopylova.diplomatie@gmail.com

ORCID: 0000-0002-0893-6044

AMICUS CURIAE В МЕЖДУНАРОДНОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ИНФОРМАТИВНАЯ ФУНКЦИЯ

ВВЕДЕНИЕ. В отечественной науке международного права институт *amicus curiae* является одним из наименее исследованных, в то время как за рубежом на протяжении последних десятилетий ему посвящаются как комплексные исследования, так и публикации, затрагивающие отдельные его аспекты. Частота его использования и характер влияния на международное судебное и квазисудебное производство варьируются среди отраслей международного права. В данной статье рассматривается одна из функций *amicus curiae* в международном уголовном судопроизводстве – информативная.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Статья написана с опорой на существующий объем научного знания в таких отраслях международного права, как право международных договоров, международное уголовное право, право международных организаций, право прав человека, международное экономическое право, история международного права и др. В связи с невысокой степенью разработанности темы в отечественной литературе в исследовании использовались выводы и заключения, сделанные преимущественно в зарубежной доктрине международного права, включая публикации текущего года. Эмпирическую основу исследования составили международно-правовые акты, внутренние акты органов международного уголовного судопроизводства, материалы производств по рассмотрению межгосударственных споров, консультативных производств, материалы практики международных уголовных судов.

Использованная методология является комбинацией общенаучных методов познания (методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, критический и диалектический) и частных научных методов, характерных для юридических наук (историко-правовой, сравнительно-правовой).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Международные уголовные суды активно используют межотраслевой механизм *amicus curiae* для получения информации как правового, так и фактологического характера по вопросам, подлежащим разрешению в ходе уголовного производства. Допуск *amicus curiae* к участию в международном уголовном процессе целиком и полностью зависит от судебного усмотрения. В качестве *amicus curiae* на практике выступают как субъекты международного права, так и международные неправительственные организации, физические и юридические лица, профессиональные объединения.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. Чрезчур частое использование механизма *amicus curiae* представляется трудносовместимым с максимой *iura novit curia*. Современная практика его применения представляет собой благодатную почву для всякого рода злоупотреблений и нуждается в пересмотре. В частности, в соответствующей части поучительным мог бы быть опыт Международного суда ООН, Международного трибунала по морскому праву, Комиссии ООН по праву международной торговли.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *amicus curiae*, друг суда, прокурор *amicus curiae*, международное уголовное правосудие, международные уголовные трибуналы, эксперт, преступления против отправления международного уголовного правосудия.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Копылова Е.А. 2020. *Amicus curiae* в международном уголовном судопроизводстве: информативная функция. – Московский журнал международного права. № 3. С. 115–129. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2020-3-115-129>

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2020-3-115-129>

Ekaterina A. KOPYLOVA

Embassy of the Russian Federation to the French Republic and the Principality of Monaco
40-50 Boulevard Lannes, 75116 Paris, France
kopylova.diplomatie@gmail.com
ORCID: 0000-0002-0893-6044

Research article
Received 10.06.2020
Approved 06.08.2020

THE EXPERTISE FUNCTION OF *AMICUS CURIAE* IN INTERNATIONAL CRIMINAL JUSTICE

INTRODUCTION. While abroad over the past decades both comprehensive research and publications touching on individual aspects of *amicus curiae* in international law have been edited, it garnered only very little scholarly attention in Russian scientific literature. The frequency of its use and the nature of its impact on international judicial and quasi-judicial proceedings vary among branches of international law. This article considers one of the functions that an *amicus curiae* may perform in international criminal proceedings – the function of expertise.

MATERIALS AND METHODS. The article is based on the existing volume of scientific knowledge in different branches of international law, such as law of international treaties, international criminal law, law of international organizations, human rights law, international economic law, history of international law and others. The research is based on the conclusions and inferences achieved mainly in the foreign doctrine of international law including publications of this year, due to the low degree of development of the topic in Russian literature. The empirical basis of the research is formed by international legal acts, internal acts of international criminal tribunals, materials of proceedings relating to interstate disputes, international advisory proceedings, practice of international criminal courts. The methodology used is a combination of general scientific methods of cognition (methods of analy-

sis and synthesis, induction and deduction, critical and dialectical) and private scientific methods typical for legal sciences (historical, comparative).

RESEARCH RESULTS. International criminal courts actively rely on the *amicus curiae* mechanism to obtain information, both legal and factual, on issues under consideration in criminal proceedings. The admission of *amicus curiae* to international criminal proceedings is entirely at the discretion of the judiciary. In practice, *amicus curiae* applications are submitted by subjects of international law, international non-governmental organizations, natural and legal persons and professional associations.

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. Too frequent use of *amicus curiae* mechanism seems to be difficult to reconcile with the *iura novit curia maxima*. Its current practice provides fertile ground for all kinds of abuse and needs to be reviewed. In particular, the experience of the UN International Court of Justice, the International Tribunal for the Law of the Sea and the UN Commission on International Trade Law could be instructive in this regard.

KEYWORDS: *amicus curiae*, friend of court, prosecutor *amicus curiae*, international criminal justice, international criminal tribunals, expert, offences against the administration of the international criminal justice.

FOR CITATION: Kopylova E. A. The Expertise Function of Amicus Curiae in International Criminal Justice. – *Moscow Journal of International Law*. 2020. No.

3. P. 115–129. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2020-3-115-129>

1. Введение

В последние десятилетия в органах мирного разрешения международных споров, международных уголовных судах, инвестиционных арбитражах получил распространение процессуальный институт *amicus curiae* (лат. – «друг суда») [Gomez 2012: 518; Миргородский 2019: 201]. *Amici curiae* были допущены к участию уже в самом первом консультативном производстве Постоянной палаты международного правосудия «О назначении делегата работников от Нидерландов на 3-ю сессию Международной конференции труда» [Clark 1981: 120–121]. Этот институт особенно широко применяется в практике международных региональных судов по правам человека. В Международном суде ООН (далее – МС ООН) и Международном трибунале по морскому праву он менее востребован, подход к нему инвестиционных арбитражных судов отличается умеренностью.

В литературе отмечается, что множественность органов мирного разрешения международных споров и разнообразие их процессуальных норм не позволяют говорить о существовании унифицированного определения понятия *amicus curiae* в международном праве [Crema 2013:

93–94]. Концепция *amicus curiae* выражается в международно-правовых актах нередко иносказательно, например, через термин «участие третьей стороны»¹ или в описательной форме, как в ч. 2 ст. 34² или ч. 2 ст. 66³ Статута Международного суда ООН. Зачастую механизм *amicus curiae* используется тем или иным международным судом или арбитражем в силу его естественных полномочий [Копылова 2019: 94–103]. В литературе под *amicus curiae* понимается то субъект международного процессуального правоотношения⁴ [Viljoen, Abebe 2014:24], то процессуальный механизм [Williams et al. 2020:83; Crema 2013:94], то правовой документ [Лысенко 2008].⁵

Вместе с тем, несмотря на расхождения в формулировках, сущность института *amicus curiae* отличается единообразием, позволяющим предложить универсальное доктринальное определение его международно-правового содержания.⁶ Это совокупность международно-правовых норм, регулирующих порядок участия в международном судебном, консультативном и арбитражном производстве третьих лиц, а также третьих государств, международных межправительственных и неправительственных организаций, иных субъектов международного права для представления письменных или устных заме-

¹ Ст. 36 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 октября 1950 г.

² «На условиях своего Регламента и в соответствии с ним, Суд может запрашивать у публичных международных организаций информацию, относящуюся к делам, находящимся на его рассмотрении, а также получает подобную информацию, представляемую указанными организациями по их собственной инициативе».

³ «Кроме того, Секретарь Суда посылкой особого и непосредственного уведомления сообщает любому имеющему доступ к Суду государству, а также любой международной организации, которые могут, по мнению Суда (или его Председателя, если Суд не заседает), дать сведения по данному вопросу, что Суд готов принять, в течение устанавливаемого Председателем срока, относящиеся к вопросу письменные доклады или же выслушать такие же устные доклады на открытом заседании, назначаемом с этой целью».

⁴ Sands Ph., Mackenzie R. January, 2008. International Courts and Tribunals, Amicus Curiae. – Max Planck Encyclopedia of Public International Law. URL: <https://opil.ouplaw.com/view/10.1093/law:epil/9780199231690/law-9780199231690-e8> (accessed date: 05.06.2020); Van den Eynde L. 2019. Amicus Curiae: European Court of Human Rights (ECtHR) – Max Planck Encyclopedia of International Procedural Law. URL: <https://opil.ouplaw.com/view/10.1093/law-mpeipro/e3753.013.3753/law-mpeipro-e3753> (accessed 05.06.2020).

⁵ См. также Цыбульский С. 2005. «Amicus curiae» как инструмент усовершенствования правовой системы: материалы Третьей Международной Конференции «Доступ к правосудию. Практика Amicus curiae – друга правосудия». URL: <https://csip.kg/documents/HFHR/1/attPart01/3-1a.pdf> (дата обращения: 05.06.2020).

⁶ Цыбульский С. 2005. «Amicus curiae» как инструмент усовершенствования правовой системы: материалы Третьей Международной Конференции «Доступ к правосудию. Практика Amicus curiae – друга правосудия». URL: <https://csip.kg/documents/HFHR/1/attPart01/3-1a.pdf> (дата обращения: 05.06.2020).

чаний по вопросам факта или права, имеющим отношение к предмету спора. При этом решения международных судов и трибуналов *amicus curiae* не связывают [Shelton 1994: 611].

2. Основная часть

Из приведенного определения видно, что центральная функция *amicus curiae* в международном праве – информативная. В отрасли международного уголовного права к ней добавляется еще и функция гаранта справедливости конкретного производства: по поручению трибунала *amicus curiae* может представлять интересы подсудимого, отказавшегося от защитника⁷, либо выполнять полномочия прокурора в рамках производств по делам о посягательствах на отправлении правосудия⁸. Однако в настоящем исследовании мы сконцентрируемся на информативной функции *amicus curiae* в международном уголовном процессе.

В зарубежной литературе высказывается предположение, что *amicus curiae* мог бы применяться уже Международным военным трибуналом и Международным военным трибуналом для Дальнего Востока, в силу их естественных полномочий [Williams et al. 2020: 126]. В то время популярностью в некоторых кругах американского гражданского общества пользовалась идея о применении механизма *amicus curiae* для представительства в ходе процессов, связанных с интересами еврейского народа [Marrus 2011: 65]. В одном из своих публичных выступлений обвинитель Международного военного трибунала от США Р. Джексон заметил, что «международный трибунал может быть не вполне расположен согласиться с этим предложением», т. к. положительное решение рискует спровоцировать ана-

логичные ходатайства от других групп лиц, что «усложнит ситуацию» [Marrus 2011: 65]. Однако сам принцип он не отверг.

Правилами процедуры и доказывания международных уголовных трибуналов *ad hoc* и Международного уголовного суда (далее – МУС) предусмотрено право Судебных палат, которые сочтут это желательным для надлежащего рассмотрения уголовного дела, пригласить или дать разрешение государству, организации или лицу принять участие в процессе и представить замечания по любому вопросу, определенному палатой⁹. Апелляционная палата Специального суда по Сьерра-Леоне (далее – СССЛ) подчеркнула, что «желательно» не означает «существенно», «удобно» или «интересно», а указывает на наличие «объективного основания полагать, что письменные замечания сами по себе или с устным дополнением помогут суду принять правильное решение по поставленному перед ним вопросу»¹⁰. Под «надлежащим рассмотрением» она предложила понимать «принятие судом решения, которое наиболее соответствует конечной цели правосудия, т. е. правильно применяет норму права»¹¹.

Как видно из определения, существует два способа поучаствовать в международном уголовном процессе в качестве *amicus curiae*: по запросу суда либо инициативно, но при условии его одобрения. Допуск *amicus curiae* к участию целиком и полностью зависит от судейского усмотрения, поэтому критерии принятия соответствующего решения достаточно размыты.

Международные уголовные суды запрашивают замечания *amicus curiae*, если, по их мнению, они «будут полезными для надлежащего рассмотрения дела»¹² (в английском языке модальный глагол *will be useful* выражает уверенность).

⁷ *The Prosecutor v. Slobodan Milosevic*, Order Inviting Designation of *Amicus Curiae*, 30 August 2001, IT-99-37-PT, p.2; *The Prosecutor v. Momcilo Krajisnik*, Decision on Momcilo Krajisnik's Request to Self-Represent, on Counsel's Motions in Relation to Appointment of *Amicus Curiae*, and on the Prosecution Motion of 16 February 2007, 11 May 2007, IT-00-39-A, §18.

⁸ См., например: *The Prosecutor v. Vojislav Seselj*, Decision, 11 February 2009, IT-03-67-R77.2; *The Prosecutor v. Vojislav Seselj*, 2 March 2010, IT-03-67-R77.3.

⁹ Rule 74, Rules of Procedure and Evidence of the International Criminal Tribunal for the Former Yugoslavia Rules (ICTY Rules); rule 74, Rules of Procedure and Evidence of the International Criminal Tribunal for Rwanda; rule 131(A), Rules of Procedure and Evidence of the Special Tribunal for Lebanon; rule 74, Rules of Procedure and Evidence of the Special Court for Sierra Leone; rule 103(1), Rules of Procedure and Evidence of the International Criminal Court.

¹⁰ *The Prosecutor v. Morris Kallon*, Decision on Application by the Redress Trust, Lawyers Committee for Human Rights and the International Commission of Jurists for Leave to File *Amicus Curiae* Brief and to Present Oral Submissions, 1 November 2003, SCSL-2003-07 (Kallon Decision), §5.

¹¹ Ibid.

¹² *The Prosecutor v. Thomas Lubanga Dyilo*, Decision Inviting Observations from the Special Representative of the Secretary General of the United Nations for Children and Armed Conflict, 18 February 2008, ICC-01/04-01/06-1175 (Lubanga Decision), §7.

Адресаты запроса обычно обладают правовыми познаниями по соответствующему вопросу¹³. В деле М. Каллона Апелляционная палата СССЛ отметила, что, предлагая поучаствовать в процессе в качестве *amicus curiae*, судьи ожидают от заявителей «представления всех относящихся к делу материалов и высказывания мнения о толковании правовой нормы, где это уместно»¹⁴.

Если замечания подаются в инициативном порядке, то требуемая степень убежденности в их пользе для отправления правосудия снижается: для удовлетворения соответствующего ходатайства судьям достаточно констатировать, что предлагаемые замечания «могут содействовать» (англ. *may/would assist*) принятию решения по делу¹⁵. Существует и другой критерий: в деле против Ж. Катанги Вторая судебная палата МУС выдвинула жесткое альтернативное требование, чтобы предлагаемые замечания были «крайне необходимы» для отправления правосудия либо «содержали сведения, которые невозможно было бы получить другим способом»¹⁶. В аналогичном ключе высказалась Первая судебная палата МУС в деле «Прокурор против Т. Лубанги», удовлетворяя ходатайство об участии в качестве *amicus curiae* специального представителя Генерального секретаря ООН по детям в вооруженных конфликтах: «[заявитель] в состоянии предоставить информацию и содействие, [...] которые иначе Суд не смог бы получить в свое распоряжение»¹⁷. В деле «Прокурор против У. Руту и Дж. Санга»

Вторая палата предварительного производства МУС подчеркнула, что будет привлекать *amicus curiae* «только в исключительных случаях, когда, по ее мнению, имеется необходимость в особых познаниях по конкретному вопросу»¹⁸.

По общему правилу в международном уголовном праве замечания *amicus curiae* должны касаться вопросов права¹⁹. Этим данный отраслевой институт отличается от одноименного института в других отраслях международного права: например, в Правилах процедуры Межамериканского суда по правам человека прямо допускается представление *amicus curiae* обоснованных аргументов «касательно фактических обстоятельств, содержащихся в описании дела»²⁰. Разницу в подходах к допустимому содержанию замечаний *amicus curiae* можно объяснить разницей в характере, целях и принципах судопроизводства в международном уголовном и иных отраслях международного права.

В рамках последних судебное или квазисудебное производство имеет своей целью установить соответствие или несоответствие действий или бездействия данного государства обязательствам, принятым в силу его участия в международном договоре, например, по правам человека, о свободной торговле или о защите инвестиций. Можно предположить, что в этом контексте вклад *amicus curiae* посредством информирования судебного или квазисудебного органа об известных ему дополнительных фактических

¹³ Kallon Decision, §3.

¹⁴ *Ibid.*

¹⁵ *The Prosecutor v. Thomas Lubanga Dyilo*, Decision on "Motion for Leave to File Proposed Amicus Curiae Submission of the International Criminal Bar Pursuant to Rule 103 of the Rules of Procedure and Evidence", 23 April 2008, ICC-01/04-01/06-1289 (Lubanga 23 April Decision), §8; *The Prosecutor v. Jean-Pierre Bemba Gombo*, Decision on the application of 14 September 2009 for participation as an *amicus curiae*, 9 November 2009, ICC-01/05-01/08-602, §11; *The Prosecutor v. Ferdinand Nahimana et al.*, Decision on the Admissibility of the Amicus Curiae Brief Filed by the 'Open Society Justice Initiative' and on its Request to be Heard at the Appeals Hearing, 12 January 2007, ICTR-99-52-A, p.3; *The Prosecutor v. Gaspard Kanyarukiga*, Decision on Request from the Republic of Rwanda for permission to File an Amicus Curiae Brief, 1 September 2008, ICTR-2002-78-R11bis (Kanyarukiga Decision), p.2; *The Prosecutor v. Nikola Sainovic et al.*, Decision on David J. Scheffer's Application to File an Amicus Curiae Brief, 7 September 2010, IT-03-87-A, p.2.

¹⁶ *The Prosecutor v. Germain Katanga et Mathieu Ngudjolo Chui*, Decision on an Amicus Curiae application and on the "Requête tendant à obtenir présentations des témoins DRC-D02-P-0350, DRC-D02-P-0236, DRC-D02-P-0228 aux autorités néerlandaises aux fins d'asile" (articles 68 and 93(7) of the Statute), 9 June 2011, ICC-01/04-01/07-3003-tENG, §54.

¹⁷ Lubanga Decision, §7.

¹⁸ *The Prosecutor v. William Samoei Ruto and Joshua Arap Sang*, Decision on the "Request by Ms. Moraa Gesicho to Appear as Amicus Curiae", 12 April 2011, ICC-01/09-01/11-49, §4.

¹⁹ Information Concerning the Submission of Amicus Curiae Briefs, 16 February 2015, IT/122/Rev.I; *In the Case Against Florence Hartmann*, Decision on Application for Leave to File Amicus Curiae Brief, IT-02-S4-R77.5-A, 5 February 2010 (Hartmann Decision), §5; *The Prosecutor v. Laurent Semanza*, Decision On the Kingdom of Belgium's Application to File an Amicus Curiae Brief and on the Defence Application to Strike Out the Observations of the Kingdom of Belgium Concerning the Preliminary Response by the Defence, 9 February 2001, ICTR-97-20-T (Semanza Decision), §§10, 14(b).

²⁰ Article 2, Rules of Procedure of the Interamerican Court of Human Rights. URL: https://www.oas.org/xxxivga/english/reference_docs/Reglamento_CorteIDH.pdf (accessed date: 29.05.2020).

обстоятельствах может быть полезен, хотя и следует признать, что подобные действия вносят определенный дисбаланс в распределение бремени доказывания между сторонами.

Международное уголовное судопроизводство направлено на установление виновности или невиновности лица на основании беспристрастной и самостоятельной оценки независимым судом фактических обстоятельств, представленных сторонами обвинения и защиты²¹ в рамках состязательного процесса при равенстве сторон. Допустить, чтобы третье лицо представляло свое видение фактической составляющей дела, по сути, подменяя судей, означало бы нарушить баланс взаимоотношений между сторонами процесса и судом, гарантирующий справедливость разбирательства. В упомянутом деле против М.Каллона Апелляционная палата СССЛ высказала предположение о неуместности прибегать к институту *amicus curiae* в принципе при рассмотрении уголовного дела в международном уголовном суде в первой инстанции, в отличие от апелляционной: «Что желательно [для Апелляционной палаты] может быть совершенно нежелательно [для Судебной палаты], где принцип равенства сторон может потребовать, чтобы состязательная борьба проходила без вмешательства третьих лиц, пусть даже с лучшими намерениями. Общая необходимость в движении процесса без перерывов и в духе справедливости по отношению к обвинению и защите может сделать нежелательным принятие к сведению в течение процесса замечаний лиц, организаций или государств» по вопросам факта или даже права²². Лица, государства и международные организации, располагающие сведениями о фактах, которые, по их мнению, имеют значение для судебного разбирательства в международном уголовном трибунале, могут информировать об их существовании стороны обвинения или защиты для последующего принятия решения о целесообразности их приобще-

ния к материалам дела и о выборе подходящего для этого процессуального механизма²³.

Так, Апелляционная палата Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии (далее – МТБЮ) в деле «Прокурор против Р. Караджича» отклонила ходатайство об участии в качестве *amicus curiae* Ассоциации свидетелей и выживших после геноцида, т. к. в замечаниях содержались предложения по применению ряда правовых норм к фактическим обстоятельствам дела и выводы об ошибочности заключений, сделанных в обжалуемом приговоре²⁴.

В деле «Прокурор против Ф. Хартман» (МТБЮ) британская организация по защите права на свободу слова и выражения мнения «Статья 19» ходатайствовала об участии в качестве *amicus curiae* на стадии апелляции. В своих замечаниях «Статья 19» приводила обзор практики международных судов по правам человека по делам о соотношении свободы выражения мнения и обязанности соблюдать тайну следствия и судебную тайну, а также давала оценку выводам, сделанным судьями в первой инстанции в обжалуемом приговоре, на предмет их соответствия принципам международного права прав человека в этой области и предлагала свое видение того, как эти принципы применяются к обстоятельствам дела против Ф. Хартман. Иными словами, эти замечания содержали по сути готовое постановление Апелляционной палаты. Последняя сочла, что правовой обзор «Статьи 19» мог содействовать должному отправлению правосудия, в отличие от второй, «аналитической», части замечаний²⁵.

В деле «Прокурор против Л. Семанза», которое рассматривал Международный уголовный трибунал по Руанде (далее – МТР), правительство Бельгии ходатайствовало о представлении замечаний *amicus curiae* о толковании общей ст. 3 четырех Женевских конвенций от 12 августа 1949 г. и Дополнительного протокола II от 8 июня 1977 г.²⁶

²¹ Kallon Decision, §8: «Все фактические обстоятельства по общему правилу должны доказываться или излагаться самими сторонами в процессе».

²² *Ibid.*, §6.

²³ *Ibid.*

²⁴ *The Prosecutor v. Radovan Karadzic Decision on Application for Leave to Submit an Amicus Curiae Brief*, 21 September 2012, IT-95-5/18-AR98bis.1, p.2.

²⁵ Hartmann Decision, §7.

²⁶ Конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях (первая Женевская конвенция); Конвенция об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море (вторая Женевская конвенция); Женевская конвенция об обращении с военнопленными (третья Женевская конвенция); Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны (четвертая Женевская конвенция).

По мнению заявителя, в приговорах по делам «Прокурор против Акаешу, Кайишема и других» и «Прокурор против Рутаганды» трибунал применил слишком узкое толкование указанных положений. Судебная палата удовлетворила ходатайство, однако подчеркнула, что «замечания бельгийского правительства принимаются в части, касающейся применимых правовых принципов, но не в части, касающейся фактических обстоятельств того или иного дела»²⁷.

В то же время правило об ограничении участия *amicus curiae* вопросами права в международном уголовном праве не имеет абсолютный характер. По оценке коллектива авторов монографии «*Amicus curiae* в международном уголовном правосудии», 18 % всех замечаний *amicus curiae*, поданных на момент ее публикации в 2020 г. в международные уголовные суды, были посвящены вопросам факта [Williams et al. 2020: 184]. Например, в связи с ходатайством Прокурора МУС о вынесении решения о наличии либо отсутствии у суда юрисдикции в отношении событий, имеющих признаки депортации народа рохинджа из Мьянмы (государство, не являющееся участником Римского статута) в Бангладеш (государство, являющееся участником Римского статута), Первая палата предварительного производства предложила компетентным властям Бангладеш изложить в замечаниях *amicus curiae* «обстоятельства, при которых представители мьянманского народа рохинджа оказались в Бангладеш»²⁸.

В 2009 г. МУС выдал ордер на арест действующего президента Судана О. аль-Башира в связи с предъявляемыми ему обвинениями в военных преступлениях и преступлениях против человечности²⁹. С 13 по 15 июня 2015 г. О. аль-Башир принимал участие в саммите Африканского союза в столице Южно-Африканской Республики г. Йоханнесбурге. Несмотря на требования МУС арестовать и передать главу Судана для судебного разбирательства, правительство ЮАР

отказалось это делать, сославшись на международно-правовую обязанность уважать иммунитет действующего главы государства. В процессе изучения целесообразности судебного констатирования несоблюдения ЮАР ее обязанностей по Римскому статуту Вторая палата предварительного производства МУС удовлетворила ходатайство Южно-Африканского центра правовых споров о представлении замечаний *amicus curiae* по ряду аспектов, включая «фактические обстоятельства, имевшие место в день покидания президентом аль-Баширом ЮАР и в предшествующие дни»³⁰.

Замечания *amicus curiae* по вопросам фактов запрашиваются или приобщаются к делу международными уголовными трибуналами, когда это единственный процессуально возможный способ получить соответствующие сведения. Например, в деле «Прокурор против У. Руту и Дж. Санга» Пятая судебная палата МУС приобщила к делу замечания правительства Кении, выступившего в роли *amicus curiae*, об истории и современном статусе сотрудничества между ним и Канцелярией Прокурора. Судебная палата МУС отметила: «принимая во внимание, что правительство Кении не является ни стороной, ни участником настоящего производства, [...] для представления замечаний ему необходимо разрешение Палаты в соответствии с ч. 1 ст. 103 Правил процедуры и доказывания»³¹.

В связи с ситуацией в Дарфуре Первая палата предварительного производства МУС пригласила к участию в качестве *amicus curiae* Верховного комиссара ООН по правам человека и главу Международной комиссии по расследованию событий в Дарфуре для представления замечаний по проблемам, связанным с защитой свидетелей и обеспечением сохранности доказательств в Дарфуре³².

Международные уголовные суды прибегают к содействию *amicus curiae* для разрешения вопро-

²⁷ Semanza Decision, §10.

²⁸ Pre-Trial Chamber I, Decision Inviting the Competent Authorities of the People's Republic of Bangladesh to Submit Observations pursuant to Rule 103(1) of the Rules of Procedure and Evidence on the "Prosecution's Request for a Ruling on Jurisdiction under Article 19(3) of the Statute", 7 May 2008, ICC-RoC46(3)-01/18-3, §7.

²⁹ *The Prosecutor v. Omar Hassan Ahmad Al Bashir*, Warrant of Arrest for Omar Hassan Ahmad Al Bashir, 4 March 2009, ICC-02/05-01/09-1.

³⁰ *The Prosecutor v. Omar Hassan Ahmad Al Bashir*, Decision on the "Request for leave to submit *Amicus Curiae* Observations by the Southern Africa Litigation Centre (SALC)", 28 February 2017, ICC-02/05-01/09-283 (Al Bashir Decision).

³¹ *The Prosecutor v. William Samoei Ruto and Joshua Arap Sang*, Decision on the Government of Kenya's application for leave to file observations pursuant to Rule 103(1) of the Rules of Procedure and Evidence, 24 April 2013, ICC-01/09-01/11-700, §2.

³² *Situation in Darfur*, Decision Inviting Observations in Application of Rule 103 of the Rules of Procedure and Evidence, 24 July 2006, ICC-02/05-10.

сов международного права, выходящих строго за рамки их компетенции и потенциально имеющих последствия не только для их функционирования. Когда Д. Тадич, обвиняемый МТБЮ в совершении преступлений против человечности и военных преступлений, заявил отвод суду на том основании, что он был учрежден Советом Безопасности ООН в нарушение международного права, судьи приобщили к делу³³ замечания *amicus curiae* правительства США по данному вопросу, в которых последнее ссылалось на свой «особый интерес и познания как постоянного члена Совета Безопасности ООН, принимавшего существенное участие в принятии Устава трибунала»³⁴.

11 декабря 2017 г. Вторая палата предварительного производства МУС констатировала несоблюдение Королевством Иордания его обязательств по Римскому статуту в связи с отказом арестовать и передать МУС президента Судана О. аль-Башира для привлечения его к ответственности за геноцид, военные преступления и преступления против человечности и постановила информировать об этом Ассамблею государств – участников Римского статута и Совет Безопасности ООН³⁵. Иордания обжаловала решение в Апелляционную палату по основаниям, касающимся обязательств государств по уважению международно-правового иммунитета действующих глав государств и правовых последствий принятия резолюции Совета Безопасности ООН для этих обязательств.

Апелляционная палата посчитала, что «правовые вопросы, поднимаемые в апелляционной жалобе Иордании, могут иметь последствия, выходящие за рамки настоящего дела»³⁶, и вынесла постановление, в котором предложила ряду международных организаций – ООН, Африканскому

союзу, Европейскому союзу, Лиге арабских государств и Организации американских государств – представить в качестве *amicus curiae* свои замечания по существу этих вопросов³⁷. В отношении государств – членов Римского статута и профессоров международного права, желающих также принять участие в обсуждении как *amicus curiae*, в том же постановлении судьи выразили готовность рассмотреть целесообразность приобщения к делу и их возможных замечаний. В итоге было принято 14 замечаний *amicus curiae*, в основном от имени исследователей в области международного уголовного права.

В 2020 г. по итогам предварительного изучения ситуации в Палестине, связанной с преступлениями, совершенными на оккупированной палестинской территории, включая Восточный Иерусалим, в период, начиная с 13 июня 2014 г.³⁸, Прокурор приняла решение о начале предварительного расследования. С учетом «уникальной истории и обстоятельств вокруг оккупированной палестинской территории»³⁹ и ввиду того, что вопрос о юрисдикции МУС «может затронуть сложные правовые и фактические аспекты»⁴⁰, Прокурор ходатайствовала перед Первой палатой предварительного производства о вынесении постановления о наличии у МУС юрисдикции в отношении территории, включающей в себя Западный берег реки Иордан, включая Восточный Иерусалим, и Сектор Газа⁴¹. В связи с запросом Прокурора в МУС поступило несколько десятков замечаний *amicus curiae*, судьи решили рассмотреть 43 из них⁴². Среди ходатайствующих были государства (ФРГ, Чешская Республика, Австрия, Австралия, Бразилия, Уганда); международные межправительственные организации (Организация исламского сотрудничества, Лига арабских государств); международные непра-

³³ *The Prosecutor v. Dusko Tadic*, Ordonnance autorisant une intervention en qualite d'*amicus curiae*, 14 juillet 1995, IT-94-1-T.

³⁴ *The Prosecutor v. Dusko Tadic*, Submission of the Government of the United States of America concerning certain arguments made by Counsel for the Accused in the case of the Prosecutor of the Tribunal v. Dustan Tadic, 17 July 1995, IT-94-1-T, p.1.

³⁵ *The Prosecutor v. Omar Hassan Ahmad Al-Bachir*, Decision under article 87(7) of the Rome Statute on the non-compliance by Jordan with the request by the Court for the arrest and surrender of Omar Al-Bashir, 11 December 2017, ICC-02/05-01/09-309.

³⁶ *The Prosecutor v. Omar Hassan Ahmad Al-Bachir*, Order inviting expressions of interest as amici curiae in judicial proceedings (pursuant to rule 103 of the Rules of Procedure and Evidence), 29 March 2018, ICC-02/05-01/09-330, §1.

³⁷ *Ibid.*

³⁸ Palestine Article 12(3) Declaration, 31 December 2014 (signed by Mahmoud Abbas as President of the State of Palestine). URL: https://www.icc-cpi.int/iccdocs/pids/press/palestine_a_12-3.pdf (accessed date: 29.05.2020).

³⁹ *Situation in the State of Palestine*, Prosecution request pursuant to article 19(3) for a ruling on the Court's territorial jurisdiction in Palestine, 22 January 2020, ICC-01/18-12, §5.

⁴⁰ *Ibid.*

⁴¹ *Ibid.*, §§3, 220.

⁴² *Situation in the State of Palestine* Decision on Applications for Leave to File Observations Pursuant to Rule 103 of the Rules of Procedure and Evidence, 20 February 2020, ICC-01/18-63.

вительственные организации (Международная федерация прав человека); научно-исследовательские центры (Европейский центр права и правосудия); профессиональные объединения (Международная ассоциация демократических юристов; Международная ассоциация еврейских практикующих юристов и теоретиков юриспруденции); частные лица и группы лиц.

В деле «Прокурор против эль-Сайеда» заместитель Генерального секретаря ООН по правовым вопросам представила, по предложению председателя СТЛ А. Кассезе⁴³, замечания *amicus curiae* о неприкосновенности документов и других материалов ООН в соответствии со статьей II Конвенции о привилегиях и иммунитетах ООН от 13 февраля 1946 г.⁴⁴

Международные уголовные суды также обращаются к *amicus curiae* при рассмотрении вопросов **толкования положений учредительного договора и правил процедуры и доказывания**. В таких случаях в качестве *amicus curiae* выступают в первую очередь государства – участники этого договора. Например, в рамках апелляции на постановление Второй палаты предварительного производства МУС об отказе в ходатайстве Прокурора о разрешении начать расследование ситуации в Афганистане Апелляционная палата предложила желающим государствам-участникам предоставить свои замечания помимо прочего по следующим вопросам:

1) является ли обжалуемое постановление «решением в отношении юрисдикции или допустимости» в смысле п. (а) ч. 1 ст. 82 Римского статута;

2) правомочны ли потерпевшие обжаловать решения в соответствии с п. (а) ч. 1 ст. 82 Римского статута. Судьи также заявили о своей готовности рассмотреть целесообразность приобщения к делу замечаний от профессоров в области уголовного процесса и/или международного права, в т. ч. международного права прав человека, а также ор-

ганизаций, специализирующихся на юридических аспектах защиты прав человека⁴⁵. В дополнение к письменным замечаниям *amicus curiae* в данном апелляционном производстве были заслушаны в ходе открытого судебного заседания⁴⁶.

Апелляционная палата МУС приобщила к делу замечания *amicus curiae* Международной ассоциации адвокатов по следующему вопросу: является ли противоречащим правилу 77 Правил процедуры и доказывания освобождение Первой судебной палатой Прокурора от обязанности раскрывать защите сведения, касающиеся общей практики использования детей-солдат, на том основании, что они не относятся к доказательствам невиновности⁴⁷.

В связи с рассмотрением уже упоминавшегося запроса о наличии у МУС юрисдикции в отношении депортации народа рохинджа из Мьянмы в Бангладеш, Палата предварительного производства удовлетворила ряд ходатайств об участии в качестве *amicus curiae*. Например, Международная комиссия юристов представила замечания со следующими аргументами: пересечение государственной границы является фундаментальным признаком состава преступления депортации; МУС имеет территориальную юрисдикцию в отношении преступления депортации⁴⁸.

В деле «Прокурор против Т. Багосора» при решении вопроса о подсудности трибуналу (ст. 3 его устава) преступления против человечности Судебная палата МТР удовлетворила ходатайство бельгийского правительства об участии в качестве *amicus curiae* по вопросу, связанному с подсудностью трибуналу как преступления против человечности, предусмотренного ст. 3 его устава, убийства представителями Вооруженных сил Руанды десяти граждан Бельгии – должностных лиц Миссии ООН по оказанию содействия Руанде и убийства вооруженной группировкой Интерхамве трех граждан Бельгии – членов миссии по технической поддержке⁴⁹.

⁴³ *The Prosecutor v. El Sayed*, Scheduling Order, 1 October 2010, CH/PRES/2010/02.

⁴⁴ *The Prosecutor v. El Sayed*, United Nations Office of Legal Affairs, *Amicus Curiae* Brief on the Inviolability of United Nations Documents, 1 October 2010.

⁴⁵ *Situation in the Islamic Republic of Afghanistan*, Corrigendum of order scheduling a hearing before the Appeals Chamber and other related matters, 27 September 2019, ICC-02/17-72-Corr.

⁴⁶ *Situation in the Islamic Republic of Afghanistan*, Transcript of hearing, 4 December 2019, ICC-02/17-T-001-ENG.

⁴⁷ Lubanga 23 April Decision, §§2, 6.

⁴⁸ Request for Leave to Submit *Amicus Curiae* Observations by the International Commission of Jurists (pursuant to Rule 103 of the Rules), 24 May 2018, ICC-RoC46(3)-01/18-5; Decision on the “Request for Leave to Submit *Amicus Curiae* Observations by the International Commission of Jurists (pursuant to Rule 103 of the Rules)”, 29 May 2018, ICC-RoC46(3)-01/18-7.

⁴⁹ *The Prosecutor v. Theoneste Bagosora*, Decision on the *Amicus Curiae* Application by the Government of the Kingdom of Belgium, 6 June 1998, ICTR-96-7-T (Bagosora Decision).

Международные уголовные суды принимают во внимание замечания *amicus curiae* и по **вопросам общего уголовного права**. Например, в деле «Прокурор против Р. Брданина» Апелляционная палата МТБЮ предложила Ассоциации защитников Международного трибунала ответить в замечаниях *amicus curiae* на вопрос, является ли участие непосредственных исполнителей преступного деяния в преступном сговоре обязательной правовой составляющей последнет⁵⁰.

Институт *amicus curiae* также может использоваться для получения **информации о той или иной области национального права**. В деле «Прокурор против Р. Караджича» Апелляционная палата Международного остаточного механизма уголовных трибуналов удовлетворила ходатайство группы ученых и практикующих юристов о представлении замечаний *amicus curiae* о значении приговора по делу «Регина против Джоджи; Рудок против Королевы»⁵¹ для практики международных уголовных трибуналов *ad hoc* о субъективной стороне третьей формы преступного сговора⁵².

В деле «Прокурор против М. Каллона» Апелляционная палата СССЛ удовлетворила ходатайство правозащитной организации «Редресс Траст» и Комитета юристов за права человека о представлении замечаний *amicus curiae* о юридической действительности Г. Каньярукига. Апелляционная палата МТР удовлетворила ходатайство Руанды о представлении замечаний *amicus curiae* о материальном и процессуальном праве Руанды, программе защиты свидетелей и других государственных программах в рамках рассмотрения апелляционной жалобы Прокурора на отказ Судебной палаты передать дело против Г. Каньярукига Руанде⁵³.

Уже упоминавшееся решение Второй палаты предварительного производства МУС об удовлетворении ходатайства Южно-Африканского центра правовых споров о представлении замечаний *amicus curiae* в рамках дела «Прокурор против О. аль-Башира» касалось, в том числе информации о действующем праве Южной Аф-

рики, обязывающем правительство арестовать и передать МУС главу иностранного государства во исполнение ордера на арест⁵⁴.

Институт *amicus curiae* используется и для **информативно-разъяснительных целей**. В деле «Прокурор против Ж.-П. Акаешу» МТР направил повестку бывшему командиру Миссии ООН по оказанию помощи Руанде генерал-майору Р. Даллэру для вызова в качестве свидетеля защиты, в которой просил Генерального секретаря ООН снять иммунитет, присущий свидетелю как бывшему руководителю миссии ООН. В этой связи советник по правовым вопросам Генерального секретаря ООН ходатайствовал о заслушивании его в качестве *amicus curiae*, с тем чтобы разъяснить пределы снятия иммунитета. Судебная палата удовлетворила ходатайство⁵⁵.

Трудно дать однозначную правовую оценку информативной функции института *amicus curiae*. Прежде всего, отправной точкой дальнейшего анализа будет предположение о том, что замечания *amicus curiae* учитываются международными уголовными трибуналами при вынесении решения, хотя установить их реальное влияние на судей и не представляется возможным. Как отмечает Л. Бартоломеуш, «удовлетворение судом ходатайства о подаче замечаний порождает законные ожидания, что суд хотя бы добросовестно проанализирует содержание этих замечаний» [Bartolomeusz 2005: 276]. Нельзя не согласиться с его выводом о том, что «невозможно представить, чтобы занятой суд допустил *amicus curiae* к участию в производстве, исходя при этом из отсутствия у него обязанности хотя бы проанализировать поданные замечания» [Bartolomeusz 2005: 240; Reinisch, Irgel 2001: 147; Tams C., Zoellner 2007:239; Ford 2005: 253].

В рамках информативной функции предполагается, что *amicus curiae* предоставляет международному уголовному трибуналу сведения правового характера, касающиеся вопросов, подлежащих разрешению в ходе уголовного процесса. В деле против М. Каллона, Апелляционная палата СССЛ отметила: «То, что мы находимся

⁵⁰ *The Prosecutor v. Radoslav Brdanin*, Decision on Motion to Dismiss Ground 1 of the Prosecutor's Appeal, 5 May 2005, IT-99-36-A.

⁵¹ *R v Jogee* [2016] UKSC 8; *Ruddock v The Queen* [2016] UKPC 7.

⁵² *The Prosecutor v. Radovan Karadzic*, Decision on a Request for Leave to Make Submissions as *Amicus Curiae*, 25 September 2017, MICT-13-55-A.

⁵³ *Kanyarukiga Decision*.

⁵⁴ *Al Bashir Decision*.

⁵⁵ *The Prosecutor v. Jean-Paul Akayesu*, Order Granting Leave for Amicus Curiae to Appear, 12 February 1998, ICTR-96-4-T.

во Фритауне с доступом в Интернет и в окружении квалифицированных юристов, не мешает нам получить внешнее юридическое содействие, предоставляемое организацией, которая имеет легитимный интерес в предмете наших слушаний, за ее собственный счет»⁵⁶. Вместе с тем правоприменение является ключевой функцией международных уголовных судов, их первоочередной задачей, смыслом их существования. Сложно представить, что суд не в состоянии самостоятельно обнаружить и проанализировать необходимую ему информацию, содержащуюся в нормативно-правовых актах, научных публикациях, комментариях и судебной практике. Латинское выражение *iura novit curia* («суд знает законы») является одним из принципов функционирования международных судебных органов [Cheng 1987: 299-301].

В некоторых случаях, как мы увидели, судьи приглашают в качестве *amicus curiae* субъекты международного права по категории правовых вопросов, касающихся отношений между государствами или отношений государств и органов международного уголовного правосудия. Несомненно, судьям доступна необходимая информация, критического анализа которой достаточно для принятия решения, ведь правоприменение основывается на текущем состоянии международного права, особенно в международной уголовной отрасли. Запрашивая мнение субъектов международного права в контексте обстоятельств конкретного дела, международные уголовные суды рискуют спровоцировать опасную тенденцию формулирования международно-правовых позиций, исходя из желаемого результата отдельно взятого дела, а не из более общих соображений.

Более того, в данном случае речь идет не просто о запрашивании мнения, а о прямой просьбе дать инструкции в нарушение всевозможных гарантий судебной и политической независимости. В основании подобных запросов лежит смешение базовых понятий правотворчества и правоприменения, порождающее гипотезу о том, что толкование нормы права, которым занимаются международные уголовные суды, равнозначно созданию или изменению нормы права, являющихся прерогативой субъектов международного права и в первую очередь государств.

Это смешение встречается и в доктрине. Так, С. Вильямс пишет, что судьи международных уголовных трибуналов обращаются к *amicus curiae*, когда перед ними встает правовая проблема, «в отношении которой Палата призвана изложить содержание обычного международного права или его развить» [Williams et al. 2020: 187]. В таких случаях, по мнению автора, *amicus curiae* могут содействовать принятию судьями более информированных решений и в долгосрочной перспективе – развитию права, благодаря более широкому спектру доступных аргументов и мнений [Williams et al. 2020: 187].

Международные уголовные суды по своей природе, характеру задач и полномочий не призваны развивать международное право, тем более обычное, формирующееся особым порядком. Результат толкования нормы права в судебном решении не может создать серьезных правовых последствий вопреки воле субъектов международного права. Посредственный интерес последних к участию в процессах в качестве *amicus curiae* подтверждает это. Гораздо больший энтузиазм проявляют международные неправительственные организации, особенно правозащитной направленности, и представители научного сообщества, а также практикующие юристы. Это заставляет задуматься о целях, которые ими движут, и о том, как эти цели могут отразиться на справедливости и беспристрастности международного уголовного судопроизводства.

В зарубежных источниках высказывается мнение, согласно которому «не существует принципиальной разницы между доктриной и другими применимыми документами (например, решениями МС ООН), с одной стороны, и замечаниями *amicus curiae*, представляемыми лицами или организациями, не являющимися сторонами в споре, – с другой» [Editors 2000:706]. С этим утверждением категорически нельзя согласиться. Судебные решения и доктрины наиболее квалифицированных специалистов по публичному праву различных наций являются вспомогательным средством для определения международно-правовых норм⁵⁷. Правовой анализ, содержащийся в замечаниях *amicus curiae*, – это не более чем субъективное мнение одного конкретного лица, группы лиц или организации, одно из ряда потенциально возможных мнений по спорному

⁵⁶ Kallon Decision, §5.

⁵⁷ П. D ч. 1 ст. 38 Статута МС ООН.

правовому вопросу, причем не всегда незаинтересованное. В деле «Прокурор против Багосора» Судебная палата МТР отметила: «общее определение понятия *amicus curiae* не требует беспристрастности со стороны заявителя. Напротив, оно принимает во внимание, что соответствующие замечания подаются стороной, но не стороной в процессе, а той, что имеет сильный интерес или взгляды на предмет судебного разбирательства»⁵⁸. В аналогичном ключе высказались судьи в деле «Прокурор против О. аль-Башира», реагируя на возражения ЮАР против присвоения статуса *amicus curiae* Южно-Африканскому центру правовых споров ввиду его предвзятости: «Хотя этому Суду уже доводилось отклонять ходатайства [об участии в качестве *amicus curiae*] на том основании, что заявитель не был беспристрастен, это не является само по себе обязательным условием»⁵⁹. Столь откровенное – и соответствующее действительности – признание за *amicus curiae* права на предвзятость не только извращает сущность этого института, призванного быть «другом суда», а не проводником тех или иных интересов, но и нарушает базовые устои международного уголовного судопроизводства.

Научная и практическая ценность мнения *amicus curiae* не может приниматься за аксиому, какими бы ни были регалии, квалификации и опыт его авторов. Надо учитывать, что *amicus curiae* не связаны никакими этическими или профессиональными требованиями, поэтому не несут ответственности за умышленное введение в заблуждение или представление заведомо ложной информации [Wiik 2018: 432]. Возможность, предоставляемая сторонам в процессе, ответить на замечания *amicus curiae*, призвана сбалансировать ситуацию. Однако по сути это накладывает дополнительную ненужную нагрузку на стороны, вынуждая их тратить время и силы на подборку аргументов для ответа на мнение лица, не имеющего никакого юридического отношения к процессу.

Ярким примером извращения механизма *amicus curiae* для оказания лоббистского воздействия на международный уголовный трибунал является дело «Прокурор против Нью ТВ С.А.Л. и Кармы Мохамед Тахсин аль Хаят». Судья по посягательствам на правосудие выразил готовность рассмотреть замечания *amicus curiae* по вопросу подсудности СТЛ юридических лиц⁶⁰, в данном случае – телевизионного канала. Среди 18 поступивших замечаний имелись замечания авторства «Ливанского ордена издателей прессы», Федерации арабских журналистов, Ассоциации арабских репортеров, специализирующихся на журналистике расследований, Республиканского национального совета радио и телевизионных СМИ, Ассоциации ливанских СМИ, «Репортеров без границ», главного редактора газеты «Ас-Сафир», ливанских депутатов. Очевидно, что ни одна из перечисленных организаций и групп лиц не имела профессиональной квалификации, чтобы выражать авторитетное правовое мнение о пределах юрисдикции СТЛ по кругу лиц. Вместе с тем совпадение характера их деятельности с характером деятельности потенциального обвиняемого дает разумные основания предположить, что их участие в процессе не было незаинтересованным и имело своей целью оказание влияния на трибунал. Содействие разрешению правового вопроса было далеко не приоритетным. В решении о подсудности судья, обильно ссылаясь на замечания *amicus curiae*, пришел к выводу о неподсудности юридических лиц СТЛ⁶¹. Апелляционная палата отменила его решение и подтвердила наличие такой подсудности⁶².

В деле «Прокурор против Ж.-П. Бемба» Суд принял к сведению замечания международной правозащитной организации «Эмнести Интернешнл» об институте ответственности военных командиров в соответствии со ст. 28 Римского статута, подчеркнув, что они «по всей видимости, содержат информацию по существу правовых вопросов, которые могут быть полезными для Суда»⁶³.

⁵⁸ Bagosora Decision, p.2.

⁵⁹ Al Bashir Decision, §8.

⁶⁰ In the case against New TV S.A.L. and Khayat, Transcript of hearing, 12 May 2014, STL-14-05, p. 20, цит. по In The Case Against New Tv S.A.L. Karma Mohamed Tahsin Al Khayat, Order Varying Time-Limit For Filing Of Amicus Curiae Submissions On Jurisdiction, 16 May 2014, STL-14-05/PT/CJ.

⁶¹ In the Case Against New Tv S.A.L. Karma Mohamed Tahsin Al Khayat, Decision on Motion Challenging Jurisdiction and on Request for Leave to Amend Order in Lieu of an Indictment, 24 July 2014, STL-14-05/PT/CJ.

⁶² In the Case Against New Tv S.A.L. Karma Mohamed Tahsin Al Khayat, Decision on Interlocutory Appeal Concerning Personal Jurisdiction in Contempt Proceedings, 2 October 2014, STL-14-05/PT/AP/ARI26.1.

⁶³ The Prosecutor v. Jean-Pierre Bemba Gombo, Decision on Application for Leave to Submit Amicus Curiae Observations Pursuant to Rule 103 of the Rules of Procedure and Evidence, 9 April 2009, ICC-01/05-01/08-401, §12.

«Эмнести Интернешнл» не обладает ни особыми познаниями, ни эксклюзивным доступом к материалам, которые придавали бы ее мнению по вопросу толкования ст. 28 Статута уникальную теоретическую или практическую ценность.

Наконец, судьи обычно ограничивают объем замечаний *amicus curiae* (средний объем – 30 стр.), при том что зачастую затрагиваемым в них вопросам посвящены тысячи страниц в десятках серьезных научных исследований по всему миру.

3. Заключение

Нынешняя практика использования института *amicus curiae* – это благодатная почва для злоупотреблений, лоббирования интересов, пиара отдельных лиц. Удовлетворяя ходатайство правозащитных организаций об участии в качестве *amicus curiae* в деле М. Каллона, Апелляционная палата СССЛ сочла важным особо подчеркнуть: «Мы не считаем, что, ходатайствуя об участии в процессе, [заявители] преследуют более далекие цели, как то получить площадку для саморекламы или воспользоваться привилегиями и иммунитетами Суда, чтобы приобщить заявления к материалам дела или продвинуть скрытую повестку»⁶⁴.

Сказанное не означает, что информативную функцию института *amicus curiae* следует упразднить, однако нужда в более взвешенном подходе к ее использованию очевидна [Williams et al. 2020: 56]. Обращение к третьим лицам может быть полезно, но в избранных случаях, когда без соответствующих сведений действительно невозможно принять решение, соответствующее международным стандартам справедливости, а получить их иным образом крайне затруднительно. Поэтому мы полагаем правильным критерий,

предложенный Второй судебной палатой МУС в деле Ж. Катанги и приведенный выше, согласно которому предлагаемые замечания должны быть «крайне необходимы» для отправления правосудия либо «содержа[ть] сведения, которые невозможно было бы получить другим способом». Это касается, например, аспектов национального права. Для их полноценного осмысления представляется более целесообразным обращаться к местным специалистам.

Интересной представляется также возможность создания двухступенчатой системы работы с замечаниями *amicus curiae* посредством комбинирования критериев, принятых в международных уголовных судах, и подхода МС ООН и Международного трибунала по морскому праву, состоящего в присвоении им статуса общедоступного материала⁶⁵. На первом этапе судьи оценивали бы целесообразность удовлетворения ходатайства об участии в качестве *amicus curiae*, а в случае положительного решения соответствующие материалы распространялись бы среди сторон международного уголовного процесса для информации и учета в работе. Такой механизм наилучшим образом соответствовал бы сущности *amicus curiae*, «друга суда» – содействовать надлежащему отправлению правосудия.

Кроме того, позитивное влияние на прогрессивное развитие института *amicus curiae* в международном уголовном праве могла бы оказать практика инвестиционных арбитражных судов и, в частности Комиссии ООН по праву международной торговли, состоящая в проверке независимости претендентов на эту роль – как финансовой, так и идеологической – посредством требования раскрытия информации, имеющей значение для ее объективной оценки⁶⁶.

⁶⁴ Kallon Decision, §7.

⁶⁵ Practice Direction XII. URL: <https://www.icj-cij.org/en/practice-directions> (accessed 29.05.2020).

⁶⁶ Правилами ЮНСИТРАЛ о прозрачности в контексте арбитражных разбирательств между инвесторами и государствами на основе международных договоров от заявителей требуется раскрывать информацию об общих целях, характере их деятельности, о любой материнской организации, о любых связях, прямых или косвенных, с любой из сторон, о правительстве, лице или организации, оказывавших им 1) любую финансовую или иную помощь в подготовке представления; или 2) существенную помощь в течение любого из двух лет, предшествовавших подаче ходатайства (например, финансирование ежегодно примерно 20 процентов от его общего объема операций). См.: п. а), b), c) ч. 1 ст. 4 Правил ЮНСИТРАЛ о прозрачности в контексте арбитражных разбирательств между инвесторами и государствами на основе международных договоров. URL: <https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/rules-on-transparency-r.pdf> (accessed 29.05.2020).

Список литературы

1. Копылова Е.А. 2019. Преступления против международного уголовного правосудия. Москва: Бослен. 368 с.
2. Лысенко В.В. 2008. Институт *amicus curiae* в теории и практике неправительственных организаций и Европейский суд по правам человека. – *Российский судья*. № 9. С. 38–42.
3. Миргородский Е.Д. 2019. Amicus Curiae в международном праве: история и современность. – *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*. № 10 (62). С. 199–204.
4. Bartholomeusz L. The *Amicus Curiae* before International Courts and Tribunals. – *Non-State Actors and International Law*. 2005. Vol. 5. P. 209–286.
5. Cheng B. *General Principles of Law as Applied by International Courts and Tribunals*. Cambridge, Grotius Publications. 1987. 490 p.
6. Clark R.S. The International League for Human Rights and South West Africa 1947–1957: The Human Rights NGO as Catalyst in the International Legal Process. – *Human Rights Quarterly*. 1981. Vol. 3(4). P. 101–136.
7. Crema L. Testing *Amici Curiae* in International Law: Rules and Practice. – *The Italian Yearbook of International Law*. 2013. Vol. 22(1). P. 91–132.
8. Editors. Introduction to Volume 3, Year 2000. – *Journal of International Economic Law*. 2000. Vol. 3. P. 1–2.
9. Ford C. What are Friends For? In NAFTA Chapter 11 Disputes, accepting amici would help lift the curtain of secrecy surrounding investor-state arbitrations. – *Southwestern Journal of Law and Trade in Americas*. 2005. Vol. 11. P. 207.
10. Gomez K.F. Rethinking the Role of *Amicus Curiae* in International Investment Arbitration: How to Draw the Line Favorably for the Public Interest. – *Fordham International Law Journal*. 2012. Vol. 35(2). P. 510–564.
11. Marrus M. A Jewish Lobby at Nuremberg: Jacob Robinson and the Institute of Jewish Affairs, 1945–46. – *The Nuremberg Trials: International Criminal Law since 1945* (Herbert R. Reginbogin, Christoph Safferling (eds.)) Walter de Gruyter. 2011. P. 63–71.
12. Reinisch A., Irgel C. The Participation of Non-Governmental Organisations (NGOs) in the WTO Dispute Settlement System. – *Non State Actors and International Law*. 2001. Vol. 1(2). P. 127–151.
13. Shelton D. The Participation of Nongovernmental Organizations in International Judicial Proceedings. – *The American Journal of International Law*. 1994. Vol. 88(4). P. 611–642.
14. Tams C., Zoellner C.-S. Amici Curiae im internationalen Investitionsschutzrecht. – *Archiv des Völkerrechts*. 2007. Vol. 45. P. 217–243.
15. Viljoen F., Abebe A. «*Amicus Curiae*» Participation before Regional Human Rights Bodies in Africa. – *Journal of African Law*. 2014. Vol. 58(1). P. 22–44.
16. Wiik A. *Amicus Curiae before International Courts and Tribunals*. Nomos/Hart. 2018. 656 p.
17. Williams S., Woolaver H., Palmer E. *The Amicus Curiae in International Criminal Justice*. Hart Publishing. 2020. 368 p.

References

1. Bartholomeusz L. The *Amicus Curiae* before International Courts and Tribunals. – *Non-State Actors and International Law*. 2005. Vol. 5. P. 209–86.
2. Cheng B. *General Principles of Law as Applied by International Courts and Tribunals*. Cambridge, Grotius Publications. 1987. 490 p.
3. Clark R.S. The International League for Human Rights and South West Africa 1947–1957: The Human Rights NGO as Catalyst in the International Legal Process. – *Human Rights Quarterly*. 1981. Vol. 3(4). P. 101–136.
4. Crema L. Testing *Amici Curiae* in International Law: Rules and Practice. – *The Italian Yearbook of International Law*. 2013. Vol. 22(1). P. 91–132.
5. Editors. Introduction to volume 3, year 2000. – *Journal of International Economic Law*. 2000. Vol. 3. P. 1–2.
6. Ford C. What are Friends For? In NAFTA Chapter 11 Disputes, accepting amici would help lift the curtain of secrecy surrounding investor-state arbitrations. – *Southwestern Journal of Law and Trade in Americas*. 2005. Vol. 11. P. 207.
7. Gomez K.F. Rethinking the Role of *Amicus Curiae* in International Investment Arbitration: How to Draw the Line Favorably for the Public Interest. – *Fordham International Law Journal*. 2012. Vol. 35(2). P. 510–564.
8. Kopylova E.A. *Prestupleniya protiv mezhdunarodnogo ugovnogo pravosudiya* [Offences against the international criminal justice]. Moscow: Boslen Publ. 2019. 368 p. (in Russ.)
9. Lysenko V.V. Institut amicus curiae v teorii i praktike nepravitel'stvennyh organizacij i Evropejskij sud po pravam cheloveka [The *amicus curiae* in the theory and practice of the NGOs and the European Court of Human Rights]. – *Rossiiskij sud'ja*. 2008. No. 9. P. 38–42. (in Russ.)
10. Marrus M. A Jewish Lobby at Nuremberg: Jacob Robinson and the Institute of Jewish Affairs, 1945–46. – *The Nuremberg Trials: International Criminal Law since 1945* (Herbert R. Reginbogin, Christoph Safferling (eds.)) Walter de Gruyter. 2011. P. 63–71.
11. Mirgorodskii E.D. Amicus Curiae v mezhdunarodnom prave: istoriya i sovremennost' [The *Amicus Curiae* in International Law: History and Modernity]. – *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2019. No. 10(62). P. 199–204. (in Russ.)
12. Reinisch A., Irgel C. The Participation of Non-Governmental Organisations (NGOs) in the WTO Dispute Settlement System. – *Non State Actors and International Law*. 2001. Vol. 1(2). P. 127–151.
13. Shelton D. The Participation of Nongovernmental Organizations in International Judicial Proceedings. – *The American Journal of International Law*. 1994. Vol. 88(4). P. 611–642.
14. Tams C., Zoellner C.-S. Amici Curiae im internationalen Investitionsschutzrecht. – *Archiv des Völkerrechts*. 2007. Vol. 45. P. 217–243.
15. Viljoen F., Abebe A. «*Amicus Curiae*» Participation Before Regional Human Rights Bodies in Africa. – *Journal of African Law*. 2014. Vol. 58(1). P. 22–44.
16. Wiik A. *Amicus Curiae before International Courts and Tribunals*. Nomos/Hart. 2018. 656 p.
17. Williams S., Woolaver H., Palmer E. *The Amicus Curiae in International Criminal Justice*. Hart Publishing. 2020. 368 p.

Информация об авторе**Екатерина Алексеевна Копылова,**

Кандидат юридических наук, помощник по правовым вопросам Канцелярии Прокурора Международного уголовного суда (2014-2015 гг.), помощник по правовым вопросам Чрезвычайного и Полномочного Посла Российской Федерации во Французской Республике и Княжестве Монако

40-50, Бульвар Ланн, 75116, Париж, Франция

kopylova.diplomatie@gmail.com

ORCID: 0000-0002-0893-6044

About the Author**Ekaterina A. Kopylova,**

PhD in Law, Legal Assistant with the Office of the Prosecutor of the International Criminal Court (2014-2015), Legal Advisor to the Extraordinary and Plenipotentiary Ambassador of the Russian Federation to the French Republic and the Principality of Monaco

40-50 Boulevard Lannes, 75116 Paris France

kopylova.diplomatie@gmail.com

ORCID: 0000-0002-0893-6044

РЕЦЕНЗИИ

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2020-3-130-144>

Рецензия

Поступила в редакцию: 18.02.2020

Принята к публикации: 25.06.2020

Валерий Петрович КОНОНЕНКО

Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина
площадь Свободы, 4, Харьков, 61022, Украина
advokatkononenko@ukr.net
ORCID 0000-0002-6461-7072

ИЗДАНИЕ «ЭНЦИКЛОПЕДИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА» В ТРЕХ ТОМАХ (РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ПОД ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВОМ Ю.С. ШЕМШУЧЕНКО И В.Н. ДЕНИСОВА) ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА ИМ. В.М. КОРЕЦКОГО НАН УКРАИНЫ - (КИЕВ: АКАДЕМПЕРИОДИКА, 2014-2019) – КАК ОЧЕРЕДНАЯ СТУПЕНЬ В РАЗВИТИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА (АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР т.1)

ВВЕДЕНИЕ. Статья содержит всесторонний анализ «Энциклопедии международного права» в трех томах (далее – Энциклопедия) – одного из фундаментальных трудов по международному праву, который вышел в свет на постсоветском пространстве. Издание подготовлено в Институте государства и права им. В.М. Корецкого НАН Украины. Его методология основывается на социологическом подходе установления законов общественного развития. Отмечается своевременность появления Энциклопедии в свете намечавшегося кризиса международного права, что требует адаптации к новым изменяющимся условиям общественного развития. Однако, двигаясь вперед, необходимо зафиксировать четкие правовые конструкции международного права, поскольку размытые дефиниции правовых понятий, допускающие их неоднозначное толкование, усложняют правоприменение и делают возмож-

ными злоупотребления. Достойным базисом, зафиксировавшим самые передовые на сегодняшний день взгляды в области международного права и в то же время вобравшим в себя лучшие наработки российской, советской и, в новом качестве, постсоветской школы, без сомнения, можно назвать анализируемую «Энциклопедию международного права». Учитывая объем материала, в статье освещен 1-й том Энциклопедии, который достойно характеризует весь огромный массив работы.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. В статье рассмотрен 1-й том издания «Энциклопедия международного права» в трех томах, использованы представленные в отечественной и зарубежной науке работы по вопросам международно-правового режима морских пространств Арктики, применения правила эстоппеля, нормативный и аналитический материал, международная судебная практика.

Исследование основано на базе общенаучных методов познания (системный и структурный подходы, анализ и синтез, индукция и дедукция), а также специальных методов (сравнительно-правовой, историко-правовой, моделирования).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. В анализируемом 1-м томе помещены статьи о входящих в учебники курса международного права и малоизвестных международных договорах; есть ряд статей о международных организациях, специализированных органах и учреждениях, терминах и понятиях. Значительное место в Энциклопедии отводится международно-правовой практике, в том числе международным судебным и арбитражным решениям. Авторы Энциклопедии – ведущие ученые, многие из которых заслужили авторитет на мировом уровне.

В Предисловии акцентируется внимание на том, что многочисленные кризисные явления и военные конфликты последнего времени в мире, в том числе и в Украине, вносят хаос в международные отношения, угрожают миру и безопасности. Выход из этой ситуации возможен лишь путем восстановления баланса сил и установления нового мирового правопорядка на основе неукоснительного соблюдения норм и принципов международного права. В связи с этим в Энциклопедии отражено влияние современных вызовов и угроз на уровень эффективности применения принципов и норм международного права, освещается роль и значение Устава ООН. Значительное место в издании отводится историческим аспектам развития международного права, начиная с договоров Киевской Руси с Византией, а также участию Беларуси, России и Украины в составе СССР в основании ООН, распаду СССР, его последствиям для международного права.

Не обойдены вниманием и острые исторические темы, поднимаемые заново в последнее время. Энциклопедия содержит обширнейшую подборку статей о персоналиях, среди которых и основоположники международного права, и ныне действующие ученые, на плечи которых легла ответственность как за поддержание авторитета международного права, так и за его развитие. Некоторым из них в статье уделено особое внимание.

ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ. Энциклопедия международного права – первый на постсоветском пространстве систематизированный свод знаний в сфере международного права. В Энциклопедии раскрываются особенности правовой природы международного права и содержание его основных понятий и категорий. Сделан вывод о возможности пересмотра Россией озвученной еще СССР позиции относительно ширины территориальных вод в Северном Ледовитом океане.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Энциклопедия международного права, кризис международного права, территориальные воды, Северный морской путь, Арктика, Шпицберген, эскампель.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Кононенко В.П. 2020. Издание «Энциклопедия международного права» в трех томах (редакционная коллегия под председательством Ю.С. Шемшученко и В.Н. Денисова) Институт государства и права им. В.М. Корецкого НАН Украины – (КИЕВ: АКАДЕМПЕРИОДИКА, 2014–2019) – как очередная ступень в развитии международного права (аналитический обзор т. 1). – *Московский журнал международного права*. №3. С. 130–144. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2020-3-130-144>

REVIEWS

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2020-3-130-144>

Valerii P. KONONENKO

V.N. Karazin Kharkiv National University
4, Svobody Sq., Kharkiv, Ukraine, 61022
advokatkononenko@ukr.net
ORCID 0000-0002-6461-7072

Review
Received 18.02.2020
Approved 25.06.2020

THE PUBLICATION "ENCYCLOPEDIA OF INTERNATIONAL LAW" IN THREE VOLUMES (AN EDITORIAL BOARD CHAIRED BY YU.S. SHEMSHUCHENKO AND V.N. DENISOV) INSTITUTE OF STATE AND LAW. V.M. KORETSKY NAS OF UKRAINE - (KIEV: ACADEMIC PERIODIC, 2014–2019) - AS THE NEXT STEP IN THE DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL LAW (ANALYTICAL REVIEW OF 1 VOL.)

INTRODUCTION. *The article contains a comprehensive analysis of one of the fundamental works on international law, which was published in the post-Soviet space - "Encyclopedias of International Law" in three volumes. The work was performed at the Institute of State and Law. V.M. Koretsky NAS of Ukraine and its methodology is based on the sociological approach of establishing the laws of social development. Its timeliness at the time of the crisis of international law is noted. This requires its adaptation to new, changing conditions of social development. However, moving forward, it is necessary to fix the clear legal structures of international law. Inaccurate definitions of legal concepts, allow their ambiguous interpretation, complicate law enforcement and allow abuse. The encyclopedia is a basis that has fixed the most advanced views to date in the field of international law. It contains the best practices of the Russian, Soviet and, in a new quality, post-Soviet school. Given the volume of material, the article highlights the 1st volume of the Encyclopedia, which adequately characterizes the entire huge array of work.*

MATERIALS AND METHODS. *The article considers the 1st volume of the Encyclopedia of International Law in three volumes, uses scientific works presented in domestic and foreign science on the international legal regime of the Arctic sea spaces, the application of estoppel rules, regulatory and analytical material, and international judicial practice.*

The study is based on general scientific methods of cognition (systemic and structural approaches, analysis and synthesis, induction and deduction), as well as special methods (comparative legal, historical legal, modeling).

RESEARCH RESULTS. *The 1st volume contains articles on international treaties, which are included in the textbooks of the course of international law and are little-known. There are articles on international organizations, specialized bodies and institutions; terms*

and concepts. A significant place in the Encyclopedia is given to international legal practice, including international judicial and arbitral awards. The authors of the Encyclopedia are leading scientists, many of whom have earned authority on a global level.

The Preface focuses on the fact that numerous crisis phenomena and military conflicts of the last period in the world, including Ukraine, bring chaos to international relations and threaten peace and security. The Encyclopedia reflects the influence of modern challenges and threats on the level of effectiveness of the application of the principles and norms of international law, highlights the role and significance of the UN Charter. A significant place in the Encyclopedia is devoted to the historical aspects of the development of international law, starting with the treaties of Kievan Rus with Byzantium. The participation of Belarus, Russia and Ukraine as part of the USSR in the founding of the UN. Considered the collapse of the USSR, its consequences for international law. The way out of this situation is possible only by restoring the balance of forces and establishing a new world law and order on the basis of strict observance of the norms and principles of international law.

Attention is paid to sharp historical topics. The encyclopedia contains a large selection of articles about personalities, among which are the founders of international law and current scientists. Some of them are given special attention in the article.

CONCLUSIONS. *It is concluded that Russia could revise its position, voiced by the USSR, regarding the width of territorial waters in the Arctic Ocean. The encyclopedia of international law is the first systematic work that has collected knowledge in the field of international law in the post-Soviet space. The Encyclopedia reveals the features of the legal nature of international law and the content of its basic concepts and categories.*

KEYWORDS: *Encyclopedia of international law, crisis of international law, territorial waters, The Northern Sea Route, Arctic, Spitsbergen, estoppel.*

FOR CITATION: Kononenko V. P. The publication "Encyclopedia of International Law" in three volumes (an editorial board chaired by Yu.S. Shemshuchen-

ko and V.N. Denisov) Institute of State and Law. V.M. Koretsky NAS of Ukraine - (Kiev: Academic Periodic, 2014-2019) - as the next step in the development of international law (analytical review of 1 vol.). – *Moscow Journal of International Law*. 2020. No. 3. P. 130–144. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2020-3-130-144>

ВВЕДЕНИЕ.

В настоящее время все чаще можно услышать рассуждения о кризисе международного права. По словам Р. Мюллерсона, баланс сил на мировой арене нарушен, а без него невозможно говорить о наличии системы международного права. Причиной кризиса он считает непомерные амбиции США, нашедшие выражение в либеральном интервенционизме демократов и неоконсервативной идеологии республиканцев¹.

М.Л. Энтин пишет, что заслуга в сохранении международного порядка и его цоколя – современного международного права, возникших по итогам Второй мировой войны, принадлежит России и Китаю [Энтин 2016:21]. По убеждению И.И. Лукашука, международному праву принадлежит важная роль в решении одной из коренных проблем – развитии интернационального сознания как необходимого условия прогресса человеческой цивилизации. Следует подчеркнуть, что было бы неправильно считать, будто международное право само по себе способно достаточно эффективно регулировать международные отношения. Оно является важным, но не единственным инструментом управления международной системой и должно занимать свое место в комплексе этих инструментов. Для правильного определения этого места необходимо четкое представление о природе международного права и о характере его взаимодействия с иными рычагами управления². Уверены, что ученый не зря говорит о необходимости зафиксировать четкие правовые конструкции международного права, поскольку размытые дефиниции правовых понятий, допускающие

их неоднозначное толкование, усложняют правоприменение и делают возможными злоупотребления. Это особенно важно в ситуации, когда все явственней и критичней проявляется кризис международного права, повышается необходимость в наличии некоего базового доктринального фундамента, который стал бы опорой, как минимум, для реконструкции, а ввиду необходимости – для толчка в дальнейшем его развитии. Важным блоком такого фундамента, зафиксировавшим самые передовые на сегодняшний день взгляды в области международного права и в то же время вобравшим в себя лучшие наработки российской, советской и, в новом качестве, постсоветской школы, без сомнения, можно назвать *Энциклопедию международного права* в трех томах, опубликованную в издательском доме «Академперіодика» (Киев, 2014–2019). Работа выполнена в Институте государства и права им. В.М. Корецкого НАН Украины, и ее методология основывается на социологическом подходе установления законов общественного развития.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ.

Энциклопедия международного права – первый на постсоветском пространстве систематизированный свод знаний в сфере международного права. В Энциклопедии раскрываются особенности правовой природы международного права и содержание его основных понятий и категорий. Учитывая объем материала, в статье будет освещен 1-й том, который достойно характеризует весь огромный массив работы.

В нем помещены статьи о входящих в учебники курса международного права и малоиз-

¹ См.: Торин А. Кризис международного права: причины и пути преодоления. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/19751> (дата обращения: 09.12.2019)

² Лукашук И.И. *Международное право*. Общая часть: учеб. для студентов юрид. ф-тов. и вузов; Рос. акад. наук, Ин-т государства и права, Академ. правовой ун-т. Изд. 3-е, перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2005. С. 32.

вестных международных договорах, таких как Адрианопольский договор (1829), Аккерманская конвенция (1826), Алма-Атинская декларация (1991), Атлантическая хартия (1941), Афинская хартия (1931), Африканская хартия прав человека и народов (1981), Бангкокский договор (1995), Бахчисарайский договор (1681), Белградские мирные договоры (1739), Берлинская конвенция об охране литературных и художественных произведений (1886), Болонская декларация (1999), Брюссельские конвенции о гражданской ответственности (1962, 1969, 1971), Будапештский меморандум (1994), Бухарестский мирный договор (1812), Буцацкий договор (1672), Варшавский договор (1768), Варшавский договор (1920), Венецианская хартия (1964), Вестфальский мир (1648), Венские конвенции (О договорах международной купли-продажи товаров (1980), О дипломатических сношениях (1961), О консульских сношениях (1963), Об охране озонового слоя (1985)), Венский регламент (1815), Вечный мир (договор между Речью Посполитой и Российским государством об установлении мира, союзнических отношений и территориального размежевания, 1686), Гаагские конвенции, Глуховский договор (между российским царем Алексеем Михайловичем и Войском Запорожским, 1669), Декларация прав народов России (1917), Декрет о мире (1917), Договоры Киевской Руси с Византией и многие другие.

Есть ряд статей о международных организациях, специализированных органах и учреждениях, таких, например, как Балтийская ассамблея, Вышеградская группа, Группа двадцати (G20), Группа государств против коррупции (GRECO), Группа Всемирного банка, Группа семи (G7). О конгрессах и конференциях: Аахенский конгресс (1818), Берлинский конгресс (1878), Берлинская конференция (1884-1885), Берлинская (Потсдамская) конференция (1945), Веронский конгресс (1822). О терминах и понятиях: аккламация, ангария, Антанта, ассоциированное государство, Бреттон-Вудская валютная система, водно-болотные угодья, имеющие международное значение, дебелиция, дезавуирование, десуетьюд, доминионы, доминиум, домицилий, *ad referendum*, *ad hoc*, *acquis communautaire*, *bona fide*...

Значительное место в Энциклопедии отводится международно-правовой практике, в том числе международным судебным и арбитражным решениям.

Авторы Энциклопедии — ведущие ученые, многие из которых заслужили авторитет на ми-

ровом уровне. Статьи Энциклопедии отличаются глубоким анализом предмета и краткостью изложения. Обращают на себя внимание статьи по договорным и территориальным вопросам академика Ю.С. Шемученко, его статья «Апатриды» (совместно с И.Н. Проценко), статьи о персоналиях (совместно с А.В. Кресиным). Статья В.Н. Денисова «Доктрина», на наш взгляд, является маленькой диссертацией, многие другие его статьи остро освещают важные проблемы истории международного права и международных отношений (антигитлеровская коалиция, Антикоминтерновский пакт, Вторая мировая война); многие статьи о персоналиях авторства В.Г. Буткевича поражают объемом информации, также достойны внимания его статьи о международно-правовых гарантиях и исполнении судебных решений в международном праве. Интересны статьи профессора Л.Д. Тимченко «Арктика», «Антарктика» и посвященные другим территориальным вопросам; статья «Гуманитарная интервенция» А.А. Мережко.

В Предисловии акцентируется внимание на том, что многочисленные кризисные явления и военные конфликты последнего периода в мире, в том числе и в Украине, вносят хаос в международные отношения, угрожают миру и безопасности. В Энциклопедии в связи с этим отражено влияние современных вызовов и угроз на уровень эффективности применения принципов и норм международного права, освещается роль и значение Устава ООН. Значительное место в Энциклопедии отведено историческим аспектам развития международного права, начиная с договоров Киевской Руси с Византией, участием Беларуси, России и Украины в составе СССР в основании ООН, распаду СССР, его последствиям для международного права. Сделан вывод, что выход из этой ситуации возможен лишь путем восстановления баланса сил и установления нового мирового правопорядка на основе неукоснительного соблюдения норм и принципов международного права.

Не обойдены вниманием и острые исторические темы, заново поднимаемые в последнее время. Так, в развернутой статье В.Н. Денисова «Вторая мировая война» идет речь о том, что это война между государствами «оси» (альянс Германии, Италии и Японии) и союзными государствами антигитлеровской коалиции (Великобритания, Франция, СССР и США), которая возникла внутри западной капиталистической системы в результате крайнего обострения в

ней экономических, социальных, политических и других противоречий и сопровождалась широкомасштабными зверствами со стороны Германии и Японии. Война, которая приобрела крайние формы широкомасштабного вооруженного конфликта за мировое господство как между двумя группами западных государств, так и между Японией и США, стала не только следствием кризиса международного правопорядка, установленного в соответствии с Версальским мирным договором 1919 г. Уставом Лиги Наций, но и неизбежным результатом всеобъемлющего кризиса западной цивилизации, прежде всего коснувшегося развития в ней либерализма в широком смысле. Важным фактором возникновения войны было то, что эти мировые силы пытались уничтожить сопротивлявшийся экспансии Запада СССР, унаследовавший политику созданной Петром I Российской империи и отличный от них в культурном, экономическом и политическом планах. Война, начавшаяся в Европе с нападения нацистской Германии на Польшу, в корне изменила ситуацию на границах СССР, сделав его крайне уязвимым. С разгромом Польши Германия выходила непосредственно на советскую границу. В этой сложной ситуации СССР 17.09.1939 ввел свои войска в те части территории Польши, которые изначально были украинскими и белорусскими землями, отторгнутыми от России в 1920 г. в результате советско-польской войны.

В статье А.Х. Абашидзе и А.М. Солнцева «Соответствие международному праву декларации о провозглашении независимости Косова» авторы пишут: «В официальном комментарии МИД России в связи с консультативным заключением МС ООН говорится: «Принципиально важно, что Суд дал оценку только собственно Декларации, специально сделав оговорку, что он не рассматривал в более широком плане вопрос о праве Косово на отделение от Сербии в одностороннем порядке. В своих выводах Суд не высказался также относительно последствий принятия этого документа, в частности о том, является ли Косово государством, и о правомерности признания края рядом стран. Наша позиция о непризнании независимости Косово остается неизменной. Считаем, что решение косовской проблемы возможно только путем продолжения переговоров между заинтересованными сторонами на основе положений Резолюции 1244 Совета Безопасности ООН, которая, как это подчеркивает Международный Суд, остается общепризнанной меж-

дународно-правовой базой урегулирования».

Энциклопедия содержит обширнейшую подборку статей о персоналиях. Среди них, конечно же, основоположники международного права, которых, уверен, не нужно особо представлять: Аврелий Августин Блаженный, Бартоломеу Сассоферато, К. ван Бейнкерсгук, И. Бентам, Ж. Боден, Э. де Ваттель, Х. Вольф, Г.В.Ф. Гегель, А.В. Гефтер, Т. Гоббс, Г. Гроций, А. Данте, А. Джентили. Личности, которые внесли неоспоримый вклад в развитие науки международного права: Р. Аго, А. Альварес, Р.П. Ананд, Ю. Андраши, Д. Анцилотти, Х. де Аречага, Р.И. Базинер, Ю.Г. Барсегов, М. Бартош, С.М.Б. Бастид, М. Беджауи, П. Беккер, П.М. Богаевский, Д. Бороуз, Д.Л. Браен, Я. Броунли, В.С. Верещетин, Г. Верле, П.Г. Виноградов, В.Э. Грабарь, К.У. Дженкс, Ф. Джессеп, Й. Динштейн, М.И. Догель и многие другие нашли достойное место на страницах Энциклопедии. Но более детально хочу остановиться на личностях ныне здравствующих, уважаемых ученых, на плечи которых легла ответственность как за поддержание авторитета международного права, так и за его развитие.

А.Х. Абашидзе – автор более 300 научных работ, в т.ч. монографий и учебников, посвященных защите прав человека, международному гуманитарному праву, праву внешних сношений, мирному разрешению споров, международному экологическому, морскому, криминальному праву. Основные работы: «Защита прав меньшинств по международному и внутригосударственному праву» (1996), «Аджария: история, дипломатия, международное право» (1998), «Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод» (2007, в соавт.), «Право внешних сношений» (2009, в соавт.), «Международное право и безвизовый режим между Россией и ЕС» (2010), «Мирное разрешение международных споров: современные проблемы» (2011, в соавт.).

А.В. Акуленко свою жизнь посвятил охране памятников истории и культуры, сферой его научных интересов стала международно-правовая охрана культурных ценностей. При его участии издано первое в Украине учебное пособие «Культурное наследие человечества. Сохранение и использование» (2002).

Л. Алексидзе большой вклад внес в разработку теории и истории международного права, права международных договоров, международной правосубъектности, суверенитета государств и особенно в определения правовой природы норм *jus cogens*. Многие ученые разных стран его

считают своим учителем. В частности, финский профессор международного права Л. Ганникайнен сказал: «Я хотел бы поблагодарить двух экспертов <...>. Для меня они являются учителями, которые вдохновляют: Лео Гросси <...> и Леван Алексидзе, профессор международного права Тбилисского университета, которые проложили мне дорогу к научному поиску».

М.Н. Алескеров активно занимался проблемами государственного суверенитета, прав человека, он автор более 200 научных работ, среди которых «Правовые формы политического сотрудничества СССР с молодым независимым государством» (1964), «Международное административное соглашение» (1972), «Международные организации» (1972), «Международный Суд» (1972), «Равноправное сотрудничество СССР с молодыми независимыми государствами» (1975), «Международное значение Конституции СССР» (1978), «Природа и закон» (1980), «Азербайджанская Советская Социалистическая Республика» (1982), «Конституционные основные личные права и свободы» (1985), «История политических учений» (1995).

А.И. Алиев посвятил свою научную деятельность проблемам международного права, прав человека, международного миграционного права, соотношению международного и внутреннего права. В числе его многочисленных научных трудов: «Международно-правовая защита прав человека и проблемы миграции в международном праве» (2004), «Социальные права, социальная политика, проблема прав человека и международное право: вопросы соотношения норм Азербайджанской Республики и норм международного права» (2005), «Проблема беженцев в рамках СНГ» (2006), «Правовое положение иностранцев» (2007), «Вопрос незаконной трудовой миграции и защиты прав трудящихся-мигрантов» (2007), «Международное туристическое право» (2007 и 2012), «Международно-правовое регулирование статуса иностранных граждан и лиц без гражданства» (2007), «Международная защита прав человека» (2009 и 2013).

Г.А. Анцелевич особое внимание уделяет сфере правовой регламентации объектов общего наследия человечества, вод открытого моря, международного района морского дна и Антарктики. Сферой его научных интересов является разделение моря на международные категории, каждая из которых имеет свой правовой статус с соответствующими правами и обязанностями государств. В то же время их функционирование

основывается на общих принципах, исторически обусловленных двумя определяющими функциями: средством сообщения и огромным резервуаром живых и неживых ресурсов. Эти элементы, взаимодействуя между собой, составляют философское основание пользования морем как единым целым, что нашло выражение в Конвенции ООН по морскому праву 1982.

М.А. Баймуратов исследует проблематику международно-правовых стандартов местного самоуправления. Основные работы: «Международные связи местных советов» (1995), «Проблемы международной правосубъектности органов местного самоуправления Украины» (1996), «Международные стандарты местного самоуправления» (1996, в соавт.), «Роль международных стандартов местного самоуправления в формировании компетенции публичной самоуправляющейся (муниципальной) власти» (2003), «Институт континентального шельфа в международном и внутригосударственном праве» (2004), «Международно-правовое сотрудничество Причерноморских государств: современное состояние и перспективы» (2005), «Организация Объединенных Наций в условиях глобализации: вопросы модернизации и повышения эффективности деятельности» (2008), «Международное пиратство: актуальные вопросы становления глобальной системы противодействия» (2011).

Уильям Баттлер был специальным советником и председателем рабочей группы при Комиссии по экономическим реформам Совета Министров СССР (с 1989), членом Объединенной рабочей группы Европейской комиссии по законодательной реформе в постсоветских государствах (с 1992), советником при Государственном комитете РФ по управлению государственным имуществом (1992-1993). Автор более 1000 научных работ, в частности: «The Soviet Union and the Law of the Sea» (1971), «Russian Law» (1999), «Russia and the Law of Nations in Historical Perspective» (2009).

П.М. Бирюков исследовал международное сотрудничество в борьбе с преступностью, проблемы развития европейского права, различные аспекты соотношения международного и внутреннего права государств, права человека, право всемирной торговой организации (ВТО), правовое регулирование туризма, международных перевозок, интеллектуальной собственности. Впервые в российской науке международного права осуществил комплексное исследование современных проблем международного кри-

минально-процессуального права в различных аспектах его реализации в российском уголовном судопроизводстве. Бирюков обосновал наличие международного криминально-процессуального права как подотрасли международного права в составе принципов и норм, регулирующих осуществление государствами уголовной юрисдикции, оказание правовой помощи по уголовным делам.

И.П. Блищенко – известный российский специалист в сфере дипломатического права, международного гуманитарного, криминального права. Обосновал законодательное закрепление отказа от приравнивания граждан СССР (России), которые попали в плен или были интернированы во время военных действий, к предателям родины. В результате были не только восстановлены права десятков и сотен тысяч военных и гражданских лиц, попавших в плен или интернированных в годы Второй мировой войны, но и законодательно закреплена за военными, попавшими в плен во время любых боевых действий, статус военнопленного со всеми правовыми последствиями.

М.В. Буроменский – член-корреспондент Национальной академии правовых наук Украины, направления научных исследований – защита прав человека, соотношение международного и национального права, международное сотрудничество в борьбе с преступностью, международная безопасность, история международных отношений, конституционное право иностранных государств. Неоднократно привлекался в качестве эксперта по международному праву такими международными межправительственными организациями и их органами, как Совет Европы, ЕС, Верховный комиссар ООН по правам человека, Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев, МБПР, Программа развития ООН, ВОЗ, ОБСЕ, Миссия ООН в Грузии (Абхазии) – UNOMIG. Член постоянной делегации Украины в Группе государств против коррупции (GRECO) (с 2006 г.), член специальной ad hoc группы по вопросам навигационно-гидрографического обеспечения мореплавания на переговорах Украины и РФ (с 2007 г.); был судьей ad hoc Европейского суда по правам человека (июль 2009 — июнь 2010). Является сторонником естественного происхождения международного права, определяющая роль в котором принадлежит обычному праву. По мнению Буроменского, основу международного права составляют «отношения, возникающие естественно и

порождающие те или иные правила поведения, за которыми признают юридическую обязательность». Является автором более 180 научных трудов. Основные из них: «Август 1939: поворот, которого не было» (1991), Политические режимы государств в международном праве, влияние международного права на политические режимы стран» (1997), «Коррупция в Украине. Анализ природы и причин» (в соавт.), «Европейская конвенция по правам человека: основные положения, практика применения, украинский контекст» (2004, в соавт.), «Социальные и правовые проблемы предупреждения преступлений в сфере миграции» (2004, в соавт.).

В.Г. Буткевич – заслуженный юрист Украины, академик Академии наук высшей школы Украины, государственный и общественный деятель. Известный специалист по теории и истории международного права, взаимоотношению международного и национального права, праву международных договоров и прав человека. Был первым от Украины судьей Европейского суда по правам человека. Первоочередное внимание в исследованиях уделяет теоретическим аспектам развития современного международного права. Критикует определение международного права, которое дается с позиции позитивизма как совокупность правовых норм, регулирующих международные отношения; естественно-правового подхода, справедливости, морали и этики; понимание его как процесса; характеристики солидаризма, в котором физическое лицо выступает его главным субъектом; социологического подхода, для которого важнейшим являются факты и реальное положение, и т. п. Предлагает определение международного права как системы юридических норм, регулирующих международные отношения с целью обеспечения мира, прав человека и сотрудничества — это решения и правовые способы их применения, принятые уполномоченными субъектами для реализации совместных интересов. Критически анализируя доктринальные взгляды относительно функций международного права, разработал собственную классификацию, которая состоит из 5 взаимосвязанных между собой предметных функций: социального характера; юридические функции; взаимодействия управленческих систем; программирования развития международных отношений и международного права; функции информационного характера. Основные труды: «Критика буржуазных концепций соотношения международного и внутригосударственного пра-

ва» (1976), «Советское право и международный договор» (1977), «Соотношение внутригосударственного и международного права» (1981), «Die Friedliche Koexistenz und ihre Verfälscher» (1982), «Имплементация международных договоров во внутригосударственной сфере» (1987, в соавт.), «Соотношение международного и внутригосударственного права в трудах В.М. Корецкого» (1990), «Права человека в Украине» (1996), «Свобода передвижения» (раб. документ, подготовленный для Подкомиссии по предупреждению дискриминации и защите меньшинств Комиссии по правам человека ООН) (1997), «Гордость международного права. К 80-летию Игоря Ивановича Лукашука» (2006), «The European Convention on Human Rights in Context of the History of International Law» (2007), «История советской науки международного права. Учебное пособие» (1974) и многие-многие другие.

О.В. Буткевич впервые показала роль правовых исторических факторов (прежде всего таких, как развитая мифология, представления о справедливости, убеждение в необходимости соблюдать определенные правила поведения) в формировании древнего международного права и влиянии последнего на становление современного международного права. Доказала, что указанные факторы, действуя в системе, создавали благоприятные условия для возникновения в тех или иных сферах международных отношений согласованных правил поведения их участников. Данный процесс отмечался разными уровнями сложности, развиваясь от одноэлементных правил (Месопотамский регион) до трехэлементных, состоявших из гипотезы, диспозиции и санкции (Египетский регион). Эта специфика нормотворчества древнего международного права обусловила появление в нем правовых категорий как общего характера, так и отдельных его видов. К первым принадлежали правила, характеризующие признание того или иного статуса участников международных отношений, приемлемость их поведения в отношениях друг с другом; наступление условий, при которых возможно обращение к войне, последствия для сторон, потерпевших поражение в войне и т. п. Вторая категория касалась регулирования конкретизированных посольских, торговых, морских, договорных и иных правил. Такая довольно сложная система регулирования международных отношений возникла сначала в древние времена на Ближнем Востоке и в Малой Азии. Соответственно, вполне самостоятельно, хотя и не изолированно, соз-

давалась и идеологическая база для разного рода доктрин поведения участников международных отношений. В частности, в Китае она развивалась на основе конфуцианства, легизма, буддизма и даосизма. Решающее значение при этом придавалось обычаю, который был результатом разного рода обрядовой практики, превращаясь в традиции и правовые нормы. О.В. Буткевич пришла к выводу о зарождении еще в древнем международном праве межцивилизационных отношений правового характера. Античные корни этих отношений получили развитие в средневековый период и повлияли на истоки становления современного международного права. Основные работы: «Теоретические аспекты происхождения и становления международного права» (2003), «Международное право Древнего мира» (2004), «The European Convention on Human Rights in the Context of the History of International Law» (2007), «Ukrainian Legal Scholarship on the History of Ancient and Medieval International Law» (2007), «Theory and Practice of Contemporary Law. Essays in Honour of Professor Levan Alexidze on the 80th Birthday Anniversary» (2007), «У истоков международного права» (2008), «Международное право Средних веков» (2008), «Цивилизационные критерии в теории международного права: на примере исследования истории международного права» (2012).

Р.М. Валеев – заслуженный юрист РФ и Республики Татарстан. Основные направления научной деятельности: международный контроль, международное гуманитарное, уголовное право, защита прав человека, защита окружающей среды и др. Научные интересы: развитие международного права в области сотрудничества государств в борьбе с преступностью, в сфере экологической безопасности, международной и внутригосударственной защиты прав человека. Он впервые в российской доктрине международного права на монографическом уровне исследовал и разработал институт международного контроля, формы и методы его осуществления в различных областях международного права. Работы: «О понятии выдачи преступников в современном международном праве» (1974), «Выдача преступников в современном международном праве: некоторые вопросы теории и практики» (1976), «Преступления против нормальной деятельности гражданской авиации и проблема выдачи преступников» (1977), «Нюрнбергские принципы и вопросы выдачи лиц, совершивших преступления против человечества» (1986),

«Международный контроль в обеспечении норм международного уголовного права и советское уголовное законодательство» (1991), «Международный контроль» (1998), «Международный контроль при охране окружающей среды» (1998), «Теоретические проблемы международного контроля» (1999), «Роль контроля в системе международного сотрудничества государства в XXI веке» (2001), «Некоторые вопросы юридической техники в международном праве» (2001).

А.Н. Вылегжанин – известный специалист по проблемам международного морского права, в т.ч. делимитации морских пространств, управления живыми ресурсами моря, статуса Арктики и Шпицбергена, режима подводного трубопроводного транспорта. Значительное место в исследованиях уделяет вопросам делимитации морских пространств, прежде всего анализа решений МС ООН. Он считает, что своими решениями Суд формулирует, по сути, содержание обычно-правовых норм, применяемых к разграничению морских пространств в конкретных ситуациях. Автор более 150 научных работ, среди которых «Морские природные ресурсы (международно-правовой режим)» (2001), «Международно-правовой режим исследований морских природных ресурсов» (2002), «Решения Международного Суда ООН по спорам о разграничении морских пространств» (2004), «Шпицберген: правовой режим прилегающих морских районов» (2006, в соавт.), «Spitsbergen. Legal Regime of Adjacent Marine Areas» (2007) и многие другие.

Л.И. Волова внесла значительный вклад в разработку комплекса проблем, связанных с определением и осуществлением принципа территориальной целостности и неприкосновенности, глубоко проанализировала юридическую природу этого принципа, показала его место и роль среди других основных принципов современного международного права и установила перечень действий, являющихся его нарушением. Опубликовала 280 научных работ, среди которых «Плебисцит в международном праве» (1972), «Принцип территориальной целостности и неприкосновенности в современном международном праве» (1981), «Противоправность сепаратистских движений с точки зрения международного права» (1993), «Реализация государствами международной правоспособности в международных инвестиционных отношениях посредством многостороннего международно-правового регулирования» (2001), «Валютное регулирование как объект валютного права»

(2001), «Международные договоры в правовых системах федеративных государств» (2004).

В.Н. Денисов – член-корреспондент Национальной академии правовых наук Украины, заслуженный деятель науки и техники, известный специалист по теории и истории международного права, права международной безопасности, международного гуманитарного права и сравнительного правоведения. В 1981 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Правовые системы стран Тропической Африки, освободившихся от британской колониальной зависимости». Его научным консультантом был академик АН УССР В.М. Корецкий, а официальными оппонентами – профессор В.А. Туманов (Москва), профессор О.А. Жидков (Москва) и профессор В.Д. Бабкин (Киев). Под отзывом ведущей организации, которой был Институт Африки АН СССР, стояла подпись члена-корреспондента АН СССР профессора Г.Б. Старушенко. Основная часть этой работы была написана в Центре прав человека ООН в Женеве, где ее автор был стипендиатом ЮНИТАР и имел возможность работать в библиотеке Дворца Наций. Когда в 1984 г. ушел из жизни В.М. Корецкий, Денисов возглавил отдел своего учителя, сосредоточив научную деятельность на международном праве. Отдел сохранил свое положение одного из ведущих в Украине центров в области международного права и сравнительного правоведения, достигнутое в период многолетнего руководства В.М. Корецким. К сфере научных интересов В.Н. Денисова относятся проблемы развития теории и истории международного права, взаимодействия международного права с внутренним правом государств, выяснение специфики социальных и экономических прав человека как второго поколения прав человека, кодификации международной ответственности государств, развития права международной безопасности и гуманитарного права. Исследует вопросы, касающиеся таких категорий, как понятие международного сообщества, основные принципы международного права в соответствии с Уставом ООН, статус СБ ООН и проводимых им миротворческих операций. Наряду с этим значительный интерес проявляет к природе и содержанию источников международного права, прежде всего его обычно-правовых норм и общих принципов права, место и роль которых быстро меняются под влиянием глобализации международных отношений, а также к такому сравнительно новому источнику, как резолюции ГА ООН. По его оцен-

ке, международное право в настоящее время переживает чрезвычайно сложный и противоречивый период, деградируя прежде всего как право мира. Это приводит к эрозии структуры и характера международного порядка, который вобрал в себя исторические уроки Второй мировой войны и объективно развивался почти всю вторую половину XX в., несмотря на противостояние между США и СССР в холодной войне. В результате теряется способность международного сообщества совместно решать острые международные проблемы, как того требует Устав ООН. По его мнению, как и накануне Второй мировой войны, международный порядок размывается односторонними действиями государств, прежде всего США и их западных союзников, которые, пытаясь обеспечить свои собственные, как правило, эгоистические интересы, прибегают к силовым акциям, подрывая безусловное право народов на мир и безопасность в всем мире. Является сопредседателем редакционной коллегии анализируемой Энциклопедии, ее идейным вдохновителем и автором многих статей.

К сожалению формат энциклопедии ограничивает детализацию и глубокий анализ отдельных практических, теоретических, а, возможно, и спорных вопросов. Например, в упомянутой ранее статье «Арктика», профессора Л.Д. Тимченко косвенно поднимается проблема ширины территориальных вод РФ. Так, Президиум ЦИК СССР 15 апреля 1926 г. принял постановление, которое объявляло территорией СССР все «как открытые, так и могущие быть открытыми в дальнейшем земли и острова», расположенные в Северном Ледовитом океане до Северного полюса. Исключение составили острова норвежского архипелага Свальбард (Шпицберген). Границы, определенные постановлением, образуют арктический сектор. В пределах этого сектора СССР претендовал только на земли и острова, но не на морские пространства за пределами территориальных вод³. Несмотря на это, ряд советских юристов (В.Л. Лахтин, Е.А. Коровин, С.А. Вышнепольский, Г.М. Гуслицер и др.) сделали вывод о распространении положений постановления и

на морские территории, покрытые льдами. Официально же советское правительство ни разу не высказалось в поддержку этой точки зрения⁴.

Как пишет В.Л. Толстых, Россия заинтересована в распространении на Восточно-Сибирское море, Карское море, море Лаптевых и часть Чукотского моря режима исторических вод, основанного на их традиционном и исключительном использовании коренными народами Сибири и российскими моряками. Положение об администрации Северного морского пути 1971 г. закрепило за Администрацией ряд важных полномочий в сфере регулирования судоходства и тем самым непрямо поддержало данную претензию. Постановление Совета министров СССР от 15 января 1985 г., однако, определило исходные линии СССР для береговой линии Северного Ледовитого океана и, таким образом, закрепило отказ от данной претензии⁵. Р.А. Каламкьян обращает внимание, что государство не вправе оспаривать ту международно-правовую позицию, которую оно заняло на основании своего юридически значимого поведения или посредством одностороннего юридического акта [Каламкьян 2001:8]. Действительно, согласно правилу эстоппеля, государство должно быть последовательным и не может отрицать уже признанный факт. Международное эстоппель основывается на принципе добросовестности и способствует упорядоченности международных отношений. Это широкое понятие, охватывающее множество вариантов проявления и, подобно общим принципам права, признанным цивилизованными нациями, оно обладает убедительным моральным весом и может быть доказательством в Международном Суде [Megan 1986:1779]. Г. Шварценбергер относит принцип добросовестности к основным принципам международного права и указывает, что именно он положен в основу международных договоров⁶. В писанном международном праве правило эстоппеля можно увидеть лишь в ст. 45 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. об утрате права ссылаться на основание недействительности или прекращения договора, выхода из него

³ См.: Тимченко Л.Д. 2014. *Енциклопедія міжнародного права: У 3 тт.* / редкол.: Ю.С. Шемшученко, В.Н. Денисов (співголови) та ін.; Інститут держави і права ім. В.М. Корецького НАН України. Т. 1. А-Д. К.. С. 151.

⁴ Михина. И.Н. 2003. *Международно-правовой режим морских пространств Арктики: автореф. ...дис. канд. юрид. наук: 12.00.10./ Михина Ирина Николаевна.* – М., С. 6.

⁵ Толстых В.Л. 2019. *Курс международного права: учебник.* М.: Проспект. URL: <https://books.google.com.ua/books?id=JehDwAAQBAJ&pg=PT530&lpg#v=onepage&q&f=false> (дата обращения: 13.03.2020).

⁶ Schwartzberger G. *International Law.* 3rd Edition, London. 1957. P. 488.

или приостановления его действия. А основной целью эстоппеля, по мнению Д. Боуэтта, является предотвращение извлечения выгоды путем непоследовательного поведения одной стороны в ущерб другой, которая добросовестно полагалась на определенное представление о фактах [Bowett 1957:177]. МакГиббон, в свою очередь, говорит, что значительное разнообразие форм, в которых был использован принцип эстоппеля делают данное понятие настолько размытым, что оно утрачивает свое значение в качестве процессуального института [MacGibbon 1958:478].

Анализируя условия применения эстоппеля, Р.А. Каламкарян делает следующие выводы: международное право, перенявшее в себя институт *estoppel by representation*, устанавливает жесткие требования в отношении констатации ситуации эстоппель. Только при наличии соответствующих четырех конститутивных элементов суд приходит к заключению о наличии ситуации *estoppel by representation*. При отсутствии хотя бы одного конститутивного элемента суд, как показывает практика (например, дело о континентальном шельфе Северного моря), делает заключение об отсутствии ситуации эстоппель. Первое условие заключается в существовании ясной и недвусмысленной международно-правовой позиции (представления). Второе – необходимость доказывания заявителем того, что как следствие занятой противоположной стороной международно-правовой позиции (представления-*representation*) он предпринял определенные позитивные действия или же, наоборот, воздержался от них, самым добросовестным образом пожившись на эту позицию. Третье – заявитель должен представить доказательства того, что в результате предпринятых им действий или воздержания от совершения таковых был нанесен ущерб его собственной позиции. Четвертое условие – заявитель должен подтвердить тот факт, что субъектом последующей международно-правовой позиции (представления), которая сделала необходимым обращение заявителя к эстоппелю, является автор первоначальной позиции (представления)⁷. Концепция эстоппеля

тесно связана с молчаливым признанием [Tymchenko 2020:156]. Как пишет МакГиббон, международные суды при рассмотрении споров, включающих давностные претензии, однозначно утверждают важность молчаливого признания [MacGibbon 1954:154].

Кроме того, есть различные мнения о категоричности применения данного правила ко всем ситуациям. Так, в особом мнении к решению по Делу, касающемуся проекта Габчиково-Надьмарош (Венгрия против Словакии), от 25 сентября 1997 г. Вице-председатель Международного Суда ООН Виранантри выразил сомнение в уместности применения принципов эстоппеля при урегулировании вопросов, имеющих, например, отношение к проблемам окружающей среды и затрагивающим не только две определенные стороны, но и гораздо большее число участников. По его мнению, не всегда вопросы, связанные с обязанностями *erga omnes*, можно надлежащим образом решить на основе процессуальных норм, предназначенных для урегулирования споров *inter partes*.

Как пишет В.И. Голдин, изменение климата в Арктике и таяние льдов создают не только новые возможности, но и огромные риски, что стало предметом мировой повестки обсуждения и осуществления комплекса мер для недопущения возможной глобальной катастрофы [Голдин 2011:31]. И, как следствие, обострение международных отношений относительно принадлежности арктических территорий, помимо стремления к овладению ресурсами Арктического шельфа, инициируется также постоянным таянием льдов, наблюдаемым в Северном Ледовитом океане. Согласно прогнозам, таяние льдов будет способствовать обострению транспортных противоречий. Это относится к Северному морскому пути и Северо-Западному проходу, включающему транспортный коридор между Гренландией и Канадой, пока еще покрытый льдом⁸. Таким образом, в связи со значительным таянием льдов в Арктике, вызванным глобальным потеплением климата, необходимостью осуществления комплекса мер для недопущения негативных

⁷ Каламкарян Р. А. Эстоппель как институт международного права. – Юрист-международник. 2004. N 1. URL: <http://center-bereg.ru/o5766.html> (дата обращения: 16.03.2020).

⁸ О состоянии и проблемах законодательного обеспечения реализации Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года. О состоянии и проблемах законодательного обеспечения научной деятельности Российской Федерации в Антарктике. Ежегодный доклад (2015 г.) и аналитический обзор (2010–2015 гг.). Совет по Арктике и Антарктике при Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. Издание Совета Федерации. М., 2016. С. 110.

последствий для экологии окружающей среды, есть основания говорить об изменении обстоятельств и о необходимости пересмотра перечня географических координат точек, определяющих положение исходных линий для отсчета ширины территориальных вод, экономической зоны и континентального шельфа, утвержденным постановлениями Совета Министров СССР от 7 февраля 1984 г. и от 15 января 1985 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

При жестком императивном подходе пересмотр Россией озвученной еще СССР позиции относительно исходных линий не будет соответствовать Конвенции ООН 1982 г. и решению трибунала по Южно-Китайскому морю. Но международное право — не застывшая, а развивающаяся система. К тому же, решение имеет силу только в отношении определенного дела, представленного на рассмотрение суда, и не обязывает государства, не являющиеся сторонами в деле. Однако рост авторитета международных судов и, соответственно, их актов, а также наметившаяся в международном праве тенденция признания прецедентного характера их решений [Кононенко 2013:21] постепенно меняет категоричность данного правила [Кононенко 2017:526], более того, они уже не только разрешают международные споры, но и влияют на формирование международного и внутригосударственного права [Кононенко 2014:76] и такая тенденция является негативной. Тем более, что международные суды допускают толкование норм *contra legum* [Tymchenko 2016:113]. И, быть может, не зря М.Н. Марченко высказывает недоверие в отношении их независимости [Марченко 2007:481]. Речь идет о влиянии политики на деятельность международных судов, поскольку международное право не может существовать в изоляции от политических факторов, действующих в области международных отношений [Greig 1976:11] исходя из преобладающей роли политики при решении сильно политизированных проблем [Simma 1998:64]. Кроме того, часто возникает конфликт между нормой права и рациональностью. Как пишет В.Л. Толстых, императивный элемент и

рациональный элемент находятся в диалектическом взаимодействии. Чем большим потенциалом обладает императивный элемент, тем менее убедительным может быть рациональный элемент [Толстых 2012:21].

И еще несколько тезисов в поддержку нашего мнения о возможности изменения позиции относительно ширины территориальных вод. Правило эстоппеля не является императивной нормой и преимущественно используется в договорных правоотношениях. Оно применяется судом, а значит, (1) должно существовать судебное производство (должен наличествовать международный спор; обе стороны согласились передать этот спор на рассмотрение суда или иным образом подтвердили наличие у суда юрисдикции), истец с учетом заявления другой стороны (2) предпринял действия, которые (3) причинили ему ущерб. А между заявлением — действием — ущербом должны существовать причинно-следственные связи, доказанные в установленном порядке истцом. В любом случае, территориальные споры или нечеткие границы не ставят существование государства под сомнение: в Решении по делу *Deutsche Continental Gas-Gesellschaft* против Польши от 11 августа 1929 г. арбитражный суд отметил: «Какой бы важной не была делимитация границ, нельзя заходить настолько далеко, чтобы утверждать, что, если такая делимитация не была осуществлена законным образом, затронутое государство не может считаться имеющим какую-либо территорию» [Толстых 2012:21].

Анализируемое издание (Энциклопедия) не призвано разрешить все проблемы и ответить на все вопросы — это лишь ступень в развитии международного права. Работа рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся международным публичным правом, а также на научных работников, преподавателей и студентов, дипломатов, работников внешнеполитической и внешнеэкономической сфер. Авторами проведено системное исследование всех категорий международного права. Энциклопедия — результат многолетнего труда, она может быть охарактеризована как серьезный вклад в развитие науки.

Список литературы

1. Голдин В.И. 2011. Арктика в международных отношениях и геополитике в XX – начале XXI века: веги исторії і сучасності. – *Вестник Поморского университета*. Серия «Гуманитарные и социальные науки». № 2. С. 22–34.
2. Кононенко В.П. 2013. Становление международного судебного процесса. – *Российский юридический журнал*. № 5 (92). С. 21–25.
3. Кононенко В.П. 2014. Судебное разрешение международных споров. – *Альманах международного права*. № 5. С. 76–84.
4. Кононенко В.П. 2017. *Разрешение территориальных споров Международным Судом ООН: теория и практика: монография*. Киев; Одесса: Фенікс. 600 с.
5. Марченко М.Н. 2007. Судебное правотворчество и судебное право. М.: Проспект. 512 с.
6. Толстых В.Л. 2012. Международное право как метанарратив. – *Український часопис міжнародного права*. № 1-2. С. 21–41.
7. Толстых В.Л. 2017. Государство в историческом и международно-правовом контексте. – *Московский журнал международного права*. № 2. С. 18–28.
8. Энтин М.Л. 2016. Краеугольные основы послевоенного мироустройства и современного международного права: взгляд из Москвы и Пекина. – *Московский журнал международного права*. № 3 (103). С. 19–30.
9. Bowett D. 1957. Estoppel before International Tribunals and its Relations to Acquiescence. – *British Year Book of International Law*. Vol. 39. P. 177–179.
10. Greig D. 1976. *International Law*. Butterworths, London. 944 p.
11. MacGibbon I.C. 1954. The Scope of Acquiescence in International Law. – *British Year Book of International Law*. Vol. 31. P. 143–186.
12. MacGibbon I.C. 1958. Estoppel in International Law. – *The International and Comparative Law Quarterly*. Vol. 7. No. 3. P. 468–513.
13. Megan L. 1986. Wagner. Jurisdiction by Estoppel in the International Court of Justice. – *California Law Review*. Vol. 74. P. 1777–1804.
14. Simma B. 1998. Comments on Global Governance, the United Nations Reform and the Place of Law. *Finnish yearbook of international law*. Vol. 9. P. 61–66.
15. Tymchenko L., Kononenko V. 2016. International Treaty Norms: Judicial Discretion Contra Legum. – *The Journal Of Comparative Law*. Vol. 11. № 1. P. 112–115.
16. Tymchenko L., Kononenko V. 2020. The legitimacy of acquisition of state territory. – *Juridical Tribune/Tribuna Juridica*. Vol. 10. Issue 1. P. 149–161.
17. vzglyad iz Moskvy i Pekina [The Cornerstones of the Post-World War II and the Contemporary International Law: the View from Moscow and Beijing]. – *Moscow Journal of International Law*. 2016. No. 3(103). P. 19–30. (in Russ.) DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2016-3-19-30>.
18. Goldin V.I. Arktika v mezhdunarodnykh otnosheniyah i geopolitike v XX – nachale XXI veka: vehi istorii i sovremennost [The Arctic Region in the International Relations and Geopolitics in the XX Early XXI Centuries: Milestones of the History and Modern Times]. – *Vestnik Pomorskogo universiteta*. Seriya «Gumanitarnye i sotsialnyie nauki». 2011. No. 2. P. 22–34. (in Russ.)
19. Greig D. *International Law*. Butterworths, London. 1976. 944 p.
20. Kononenko V.P. *Razreshenie territorialnykh sporov Mezhdunarodnyim Sudom OON: teoriya i praktika: monografiya* [Settlement of Territorial Disputes by the UN International Court of Justice: theory and practice: monograph]. Kiev; Odessa: Feniks Publ. 2017. 600 p. (in Russ.)
21. Kononenko V.P. Stanovlenie mezhdunarodnogo sudbnogo protsessa [Development of International Judicial Process]. – *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal*. 2013. No. 5(92). P. 21–25. (in Russ.)
22. Kononenko V.P. Sudebnoe razreshenie mezhdunarodnykh sporov [Judicial Settlements of International Disputes]. – *Almanah mezhdunarodnogo prava*. 2014. No. 5. P. 76–84. (in Russ.)
23. MacGibbon I.C. Estoppel in International Law. – *The International and Comparative Law Quarterly*. 1958. Vol. 7. No. 3. P. 468–513.
24. MacGibbon I.C. The Scope of Acquiescence in International Law. – *British Year Book of International Law*. 1954. Vol. 31. P. 143–186.
25. Marchenko M.N. *Sudebnoe pravotvorchestvo i sudeyskoe pravo* [Judicial Lawmaking and Judicial Law]. M. Prospekt Publ. 2007. 512 p. (in Russ.)
26. Megan L. Wagner. Jurisdiction by Estoppel in the International Court of Justice. – *California Law Review*. 1986. Vol. 74. P. 1777–1804.
27. Simma B. Comments on Global Governance, the United Nations Reform and the Place of Law. *Finnish yearbook of international law*. 1998. Vol. 9. P. 61–66.
28. Tolstykh V. L. Gosudarstvo v istoricheskom i mezhdunarodno-pravovom kontekste [State in the Historical and International Legal Context]. – *Moscow Journal of International Law*. 2017. No. 2. P. 18–28. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2017-106-2-18-28> (in Russ.)
29. Tolstykh V.L. Mezhdunarodnoe pravo kak metanarrativ [International Law as Metanarrative]. – *Ukrayinskiy chasopis mlzhnarodnogo prava*. 2012. No. 1-2. P. 21–41. (in Russ.)
30. Tymchenko L., Kononenko V. International Treaty Norms: Judicial Discretion Contra Legum. – *The Journal Of Comparative Law*. 2016. Vol. 11. No. 1. P. 112–115.
31. Tymchenko L., Kononenko V. The legitimacy of acquisition of state territory. – *Juridical Tribune/Tribuna Juridica*. 2020. Volume 10. Issue 1. P. 149–161.

References

1. Bowett D. Estoppel before International Tribunals and its Relations to Acquiescence. – *British Year Book of International Law*. 1957. Vol. 39. P. 177–179.
2. Entin M.L. Kraeugolnyie osnovy poslevoennogo miroustroystva i sovremennogo mezhdunarodnogo prava:

Информация об авторе**Кононенко Валерий Петрович,**

доктор юридических наук, доцент кафедры международных отношений, международной информации и безопасности, Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина

61022, Украина, Харьков, площадь Свободы 4

advokatkononenko@ukr.net
ORCID: 0000-0002-6461-7072

About the Author**Valerii P. Kononenko,**

Associate Professor, Department of International Relations, International Information and Security, V.N. Karazin Kharkiv National University

4 Svobody Sq., Kharkiv, Ukraine, 61022

advokatkononenko@ukr.net
ORCID 0000-0002-6461-7072

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2020-3-145-153>

Рустам Мартикович ХАЛАФЯН

Уральский государственный юридический университет
Колмогорова ул., 54, Екатеринбург, 620034, Российская Федерация
rustam_halafyan@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7072-2234

Рецензия
Поступила в редакцию: 12.02.2020
Принята к публикации: 20.08.2020

ПРАВОВАЯ КОНВЕРГЕНЦИЯ КАК ТЕНДЕНЦИЯ МИРОВОГО ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ: БЕЗБОРОДОВ Ю.С. МЕТОДЫ И ФОРМЫ ПРАВОВОЙ КОНВЕРГЕНЦИИ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ. М.: ПРОСПЕКТ, 2020. 240 С.

ВВЕДЕНИЕ. В рецензии отражена специфика методологического подхода, реализованная Ю.С. Безбородовым, при анализе современного этапа взаимодействия национальных правовых систем и международного права. Отмечается создание новой концепции, позволяющей раскрыть механизм сближения национальных правовых систем с помощью понятия правовая конвергенция. Обращается внимание на содержание правовой конвергенции, причины ее распространения, связь с международным правом, а также соотношение конвергенции со смежными категориями – глобализацией, универсализацией, суверенитетом и др. Представлены авторские точки зрения на взаимосвязь суверенитета и наднациональности, между процессами универсализации и локализации как условиями функционирования международного права, выступающими преимущественной основой сближения национальных правовых систем. Рассмотрена позиция относительно методов правовой конвергенции, к числу которых, в частности, отнесена международно-правовая интеграция. Подчеркивается соотношение выявленных форм правовой конвергенции. Указывается на значимость сравнительно-правового анализа интеграции в разных регионах мира, в том числе на постсоветском пространстве, для пони-

мания текущих результатов правовой конвергенции.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. В основу исследования положены выводы и подходы, сформулированные в рецензируемой монографии, а также материалы отечественной и международно-правовой доктрины по затрагиваемой тематике. При написании рецензии использованы общенаучные и специальные методы познания.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. На сближение национальных правовых систем и международного права оказывают влияние как процессы, присущие механизму международно-правового регулирования, так и внешние по отношению к нему. Их отличает значительная специфика и разнонаправленный характер. Между тем они не препятствуют правовой конвергенции, осуществляемой посредством различных форм и методов.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. Рецензирование научной работы позволило прийти к следующим выводам: а) автору удалось представить собственную непротиворечивую концепцию конвергенции национальных правовых систем и показать ее связь с рядом современных общественных явлений; б) в монографии приведены убедительные аргументы в пользу предложенных форм и методов правовой конвергенции; в) сравнительно-

правовая характеристика региональных международных интеграционных организаций подробно и позволяет сформировать о них весьма полное и правильное представление. Кроме того, в рецензии обозначены вопросы, которые могут быть предметом дальнейшего обсуждения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: правовая конвергенция, глобализация, универсализация, локализация, международное право, наднациональность, суверенитет, гармонизация, унификация, модельное

нормотворчество, интеграция.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Халафян Р.М. 2020. Правовая конвергенция как тенденция мирового правового развития. Рецензия на монографию: Безбородов Ю.С. «Методы и формы правовой конвергенции в международном праве». М.: Проспект, 2020. 240 с. – *Московский журнал международного права*. № 3. С. 145–153. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2020-3-145-153>

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2020-3-145-153>

Rustam M. KHALAFYAN

Ural State Law University

54, Kolmogorova st., Yekaterinburg, Russian Federation, 620034

rustam_halafyan@mail.ru

ORCID: 0000-0001-7072-2234

Review
Received 12.02.2020
Approved 20.08.2020

LEGAL CONVERGENCE AS A TREND OF GLOBAL LEGAL DEVELOPMENT. REVIEW OF THE MONOGRAPH: BEZBORODOV YU.S. METHODS AND FORMS OF LEGAL CONVERGENCE IN INTERNATIONAL LAW. MOSCOW, PROSPECT, 2020. 240 P. (IN RUSSIAN)

INTRODUCTION. *The review reflects the specifics of the methodological approach, implemented by Yu.S. Bezborodov in the analysis of the current phase of interaction between national legal systems and international law. Reference is made to the creation of a new conception that employs the notion of legal convergence to reveal the mechanism of getting national legal systems affinitive to each other. Attention is drawn to the content of legal convergence, the reasons for its dissemination, the link with international law as well as the correlation of convergence with related categories – globalization, universalization, sovereignty, etc. The author's views on the interrelation between sovereignty and supranationality, universalization and localization as conditions of functioning of international law, constituting the predominant basis of convergence of national legal systems, are presented. The evaluation is given to the author's position concerning the methods*

of legal convergence, in particular international legal integration. The emphasis is given to correlation of the presented forms of legal convergence. It is pointed out that comparative and legal analysis of integration in different regions of the world, including in the post-Soviet space, is important for understanding the current results of legal convergence.

MATERIALS AND METHODS. *The study is based on the conclusions and approaches formulated in the peer-reviewed monograph as well as the materials of the domestic and international legal doctrine on the subject-matter concerned. In writing the review the author used general and special scientific methods.*

RESEARCH RESULTS. *The convergence of national legal systems and international law is influenced by different processes either inherent to the mechanism of international legal regulation or extraneous to it. They are distinguished by their considerable specificity and*

varied character. However, they do not impede legal convergence to be realized through various forms and methods.

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *The review of the scientific work led to the following conclusions: a) the author managed to present his own non-contradictory conception of convergence of national legal systems and demonstrate its connection with a number of current social phenomena; b) the monograph provides convincing arguments for the proposed forms and methods of legal convergence; c) the comparative legal characteristics of the regional international integration organizations are detailed and allows to form quite complete and correct comprehension of them. In addition, the review outlines*

a number of issues interesting for further discussion.

KEYWORDS: *legal convergence, globalization, universalization, localization, international law, supranationality, sovereignty, harmonization, unification, model law-making, integration.*

FOR CITATION: Khalafyan R.M. Legal Convergence as a Trend of Global Legal development. Review of the Monograph: Bezborodov Yu.S. "Methods and Forms of Legal Convergence in International Law". Moscow, Prospect, 2020. 240 p. (in Russian). – *Moscow Journal of International Law*. 2020. No. 3. P. 145–153. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2020-3-145-153>

1. Введение

Новая монография доктора юридических наук Ю.С. Безбородова – логичное продолжение и развитие важных вопросов взаимодействия национальных правовых систем государств и международного права. Пристальное внимание к различным аспектам данного процесса характерно как для международно-правовой доктрины, так и для самого автора, обращение которого к обозначенной тематике не случайно – указанные вопросы, судя по имеющимся работам, составляют область его научных интересов¹. Однако новое исследование на актуальную тему не является очередным переложением сложившихся представлений и концепций, стремлением охватить существующие правовые институты, механически включив их в рамки более широкой категории. Вряд ли можно утверждать, что для монографии Ю.С. Безбородова характерна абсолютная приверженность отечественной науке и ее подходам. Скорее напротив, работу выгодно отличает четко выстроенная, непротиворечивая, весьма убедительная авторская позиция, личный взгляд на вопросы, не нашедшие однозначного решения, которые могут основываться на сформулированных, в том числе самим автором, выводах и суждениях.

Вопросы сближения и совершенствования национальных правовых систем, создания единого

правового пространства, бесспорно, являются значимыми и своевременными для осмысления, составляют одну из закономерностей развития национального [Чиркин 2017:18–30; Khabrieva 2015:93–99] и международного права [Tolstykh, Bezborodov 2018:109–121]. Обращение к способам и формам взаимовлияния национальных правовых систем государств обосновано и заслуживает поддержки. При этом комплексный характер исследования, вытекающий из определенных в нем задач и затронутых вопросов, на наш взгляд, важен не только сам по себе, но и для многих отраслей и институтов современного международного права. Работа позволяет судить о последствиях национально-правовой имплементации международных норм не только для внутреннего правопорядка, но и для системы международного права в целом.

Благодаря совместному рассмотрению ряда многоаспектных явлений с точки зрения права становится возможным затронуть многогранную проблему взаимодействия национальных правовых систем, их связанности международным правом.

Монография разбита на четыре части: «Правовая конвергенция и сопутствующие ей категории» (гл. I), «Международно-правовые методы правовой конвергенции» (гл. II), «Международные договоры и организации как основные международно-правовые формы правовой конвер-

¹ Безбородов Ю.С. Международные модельные нормы. М.: Волтерс Клувер, 2008; Безбородов Ю.С. Международное право : от jus gentium к мировому праву (сб. ст.). Saarbruecken : Lambert Academic Publishing, 2012; Европейское право : учеб. и практ. для акад. бакалавриата / под ред. А.И. Абдуллина, Ю.С. Безбородова. М. : Юрайт, 2019.

генции» (гл. III), «Правовая конвергенция на постсоветском пространстве: особенности институциональных форм интеграции» (гл. IV).

2. В фокусе – природа правовой конвергенции

Первая глава «Правовая конвергенция и сопутствующие ей категории» вызывает наибольший интерес. В этом разделе обосновывается необходимость более широкого введения в юридический оборот центрального понятия исследования – конвергенция. Используемое в различных областях знаний, в том числе в общественных науках, оно позволяет четко отразить тенденцию, свойственную сейчас национальным правовым системам, а именно длительный процесс их встречного движения или сближения (§ 1). Кроме того, в главе правовая конвергенция соотнесена со смежными категориями: глобализацией и глобалистикой (§ 2), универсализацией и локализацией (§ 3), наднациональностью и суверенитетом (§ 4).

Ю.С. Безбородов определяет правовую конвергенцию как сложносоставной правообеспечительный процесс, имманентный международному праву (с. 27). Между тем ее анализ не ограничен явлениями, происходящими непосредственно в международном праве (универсализация и локализация), а касается также таких категорий, внешних по отношению к нему, влияющих на общество и государство, как глобализация, наднациональность и суверенитет. Рассмотренные с международно-правовых подходов, они вместе с универсализацией и локализацией представлены в виде элементов, связанных с правовой конвергенцией: предшествуют (глобализация), сопровождают (наднациональность, суверенитет) или выступают компонентами ее проявления (универсализация, локализация).

По мнению автора, конвергенция находится «вне строгих рамок национального и международного права» (с. 17), хотя «[п]роцессы правовой конвергенции изначально имели преимущественно внутригосударственную и экономическую природу» (с. 23). Вместе с тем в силу трансграничной сущности отдельных сфер человеческой деятельности для такого сближения свойственны и «международно-правовые аспекты, прежде всего связанные с использованием специфических – присущих только международному праву – методов и форм реализации» (с. 18). Ввиду того, что «[м]еждународное право само является средством сближения ...» (с. 17), Ю.С.

Безбородов не признает существование международно-правовой конвергенции. Влияние, оказываемое им (через универсализацию, унификацию, гармонизацию, интеграцию), предлагается именовать конвергенционным эффектом (с. 17).

Несмотря на позитивную оценку правовой конвергенции, совершенно справедливо высказано предостережение относительно ее абсолютизации в случае осуществления международно-правовыми средствами в ущерб национальным традициям и правовой культуре (с. 28). Однако распространение подобного влияния обусловлено, видимо, объективными причинами, поскольку, как отмечается, конвергенция становится возможной благодаря расширению предмета регулирования международного права, вследствие чего имеет множество путей влияния на правовую систему государства (с. 30).

Правовая конвергенция переплетена с рядом родственных процессов, их специфике и связи с конвергенцией уделено большое внимание. Один из них – феномен **глобализации** [Современное международное право : глобализация и интеграция ... 2016]. Несмотря на то что внимание в данной части работы сконцентрировано на глобализации, ее разбор осуществляется как бы в двух направлениях: *глобализация-международное право* и *глобализация-правовая конвергенция*.

При характеристике первой группы понятий проводится мысль о созвучности вопросов, вызванных глобализацией, международному праву в рамках новой отрасли знания – юридической глобалистики или юриспруденции. Осуществляемая при помощи международного права глобализация несет для национальных правовых порядков позитивное (восприятие или рецепция правовых новелл, аккультурация и конвергенция форм права, сотрудничество и согласование при принятии решений) и негативное влияние (утрата национальной самобытности, диктат развитых государств, международная трансляция кризисных явлений). Международное право привносит в правовое регулирование элемент предсказуемости и не противоречит глобализации: «[м]еждународное право является продуктом глобализации, которая ... использует право и правовые методы как средство для достижения единства. Международное право, в совершенно естественных условиях глобализации эволюционировав за века из *jus gentium*, ... представляет собой ... особую правовую систему будущего ...» (с. 33).

Таким образом, из содержания монографии следует, что глобализация первична, а между-

народному праву отведена в правовой конвергенции главная роль, по сравнению с внутригосударственным: «[п]роцессы глобализации непосредственно связаны с правовой универсализацией. Глобализация развивает и углубляет право в направлении универсализации. Это равно одинаково как для национального, так и международного права. Однако международное право в этих процессах будет первичным ... В основе такого влияния лежит правовая конвергенция ...» (с. 34). В связи с этим примечательна следующая деталь: субпроцессами правовой конвергенции, важными для раскрытия ее смысла, названы универсализация и локализация *международного права* (с. 47).

Во втором случае (глобализация-конвергенция) указать водораздел между надгосударственными явлениями затруднительно, учитывая их соотносимость: «категории конвергенция и глобализация являются корреспондирующими и стыкующимися по отношению друг к другу» (с. 31). Критерий различия найден в самой их природе: «[г]лобализация является ... характеристикой состояния взаимоотношений между субъектами международных отношений ... Международные отношения нуждаются в правовом обеспечении ...» (с. 46); «[п]роцессы глобализации – стихийные, в какой-то мере объективные ... Конвергенция здесь – процесс, связанный с целенаправленной деятельностью ... субъективный по своей природе ... конвергенцию и глобализацию можно соотнести как средство и цель применения этого средства» (с. 46).

Как видим, решающую роль в определении специфики глобализации и конвергенции сыграла международно-правовая основа последней. Далее, при соотношении конвергенции с другими категориями, анализируются явления, которые либо имеют прямое отношение к механизму международно-правового регулирования (универсализация, локализация), либо представляют собой процессы, оказывающие внешнее воздействие на его функционирование (наднациональность и суверенитет).

Универсализация и локализация рассматриваются в качестве условий функционирования правовой конвергенции: «правовая конвергенция (как процесс) обусловлена и жизнеспособна благодаря этим двум относительно более малым процессам – локализации и универсализации» (с. 54). Точка зрения бесспорна, т.к. эффективность международного права (основы правовой конвергенции) равно зависит и от его универсальности

[Игнатенко 1981:3–16], и сочетания с локальным правовым регулированием [Суворова 1973:93–98].

Обратим внимание на положение, согласно которому правовая конвергенция возможна не только при субординации, но и при координации: «[ф]рагментация является следствием ... международного права, которое является координационным, а не субординационным. ... конвергенция выступает противоположностью фрагментации. Но это не означает, что мы не можем наблюдать конвергенцию в рамках координации. Международное право ... в принципе фрагментарно по своей природе ...» (с. 53). Подобный подход идет вразрез проявляемому беспокойству относительно степени государственного контроля над действиями, формирующими правовые режимы [Young 2015:71–89].

Концепцию Ю.С. Безбородова отличает неантагонистическое видение сущности **наднациональности и суверенитета** в контексте конвергенции: «[в] теоретическом плане в корреляции между наднациональностью и суверенитетом нет никаких противоречий и коллизий. ... Наднациональность проистекает из суверенитета ... но пока не подменяет его» (с. 75–76) (природа наднациональности в международно-правовой доктрине раскрывается через признаки межгосударственного объединения или в контексте государственного суверенитета [Гаврилов, Данышов 2019:6–13]). Исключением из общего правила выступает функционирование европейской наднациональной правовой системы. При этом Европейский союз не претендует на суверенное государство, но принял на себя широкий спектр типично суверенных функций [Verdirame 2019:834].

Для описания характера их проявления при сближении национальных правовых систем сошлемся на следующее высказывание: «[н]а правовую конвергенцию одинаково существенно влияют все эти явления-категории – и наднациональность, и суверенитет, и глобализация. Если наднациональность ускоряет процессы конвергенции ... то суверенитет – притормаживает их ... На самом деле между наднациональностью и суверенитетом нет противоречий, ведь наднациональность является порождением суверенитета ...» (с. 68). Думаем, позиция соответствует действительности. Она находит определенную поддержку и в международно-правовой литературе. Так, отмечается, что суверенитет и глобальное управление не являются бинарными противоположностями или продуктами игры с нулевой суммой [Alvares 2012:31].

3. О методах правовой конвергенции в международном праве

Положительно следует оценить разбор сущности методов правовой конвергенции, их разновидностей, соотношения и связи, достаточно полное представление о чем дает вторая глава монографии «Международно-правовые методы правовой конвергенции». В ее основу положены прежние наработки автора и новые выводы относительно *гармонизации, унификации, интеграции* (§ 1–3 главы соответственно). Понимаются указанные методы как «способы, приемы и средства, направленные на сближение национальных правовых систем» (с. 78).

Ю.С. Безбородов считает, что для методов правовой конвергенции характерна общая цель – создание новых правовых норм, которые по своему содержанию могут быть схожими (гармонизация), единообразными (унификация) или едиными (интеграция). Их специфика кроется в характере деятельности на основе созданных международных норм: правотворческая (унификация, гармонизация) или правоприменительная деятельность (интеграция) (с. 81).

Очевидно, степень распространения методов конвергенции различна, обусловлена целями и содержанием каждого из них. Общие задачи в сочетании с правом выбора внутригосударственных мер для достижения единообразия правового регулирования (гармонизация) более востребованы. Гораздо сложнее реализовать конкретные шаги по воплощению общности или единства нормативных предписаний путем преобразования национальных правовых систем в надгосударственный правовой порядок (унификация, включая модельное нормотворчество, и интеграция соответственно).

Среди приведенных методов правовой конвергенции интеграция, пожалуй, один из наиболее сложных. Она достигается разными способами, и ее отличие от иных методов сближения правовых систем государств практически сведено к тому, насколько отлична степень конкретизации правовых норм. Однако одной из своеобразных черт концепции Ю.С. Безбородова, механизму правовой интеграции, уделено сравнительно меньше внимания, нежели чем гармо-

низации и унификации. Речь идет, прежде всего, об интеграции как таковой.

Похоже, названный перечень методов не исчерпывающий, т.к. подчеркивается, что «[с]о временем можно будет отнести к методам правовой конвергенции и кодификацию, но это предложение заслуживает отдельного изучения» (с. 81). К сожалению, в работе отсутствуют какие-либо разъяснения на этот счет, не ясно, почему данный способ «не работает» в настоящее время. Комментарий авторской позиции способствовал бы уточнению содержания и действия правовой конвергенции. Попытки соотнести кодификацию с близкими ей по смыслу понятиями предприняты отдельными специалистами [Трикоз, Швец 2019:129–134].

Рассмотрев основные международно-правовые методы правовой конвергенции, Ю.С. Безбородов заключает, что «[б]лиже всего целям конвергенции и эффективнее всего в рамках конвергенционных процессов как раз метод интеграции и международная организация с наднациональным характером юридической природы как форма сближения» (с. 135). Поддерживая утверждение о наибольшем соответствии интеграции задачам конвергенции, выскажем сомнение в признании интеграции ее самым эффективным методом, учитывая сложность реализации на практике и критические оценки реальных возможностей унификации права в целом [Дмитриева 2014:16–17].

4. Обзор региональных интеграционных образований как основной формы правовой конвергенции

Осуществление правовой конвергенции предполагает конкретное оформление. За основу выделения форм международного взаимодействия национальных правовых систем взяты основные элементы (международные договор и организация) нормативной и организационной составляющих механизма реализации международного права (третья глава «Международные договоры и организации как основные международно-правовые формы правовой конвергенции»). Причем международная организация определена более глубоким, продвинутым уровнем сближения правовых систем². Заметим, в этой и последую-

² «Ранее в качестве форм такого взаимодействия были предложены формы реализации права, выделенные в теории права, а также две дополнительные формы – предпосылка нормотворчества и предпосылка правоприменения [Рубанов 1984:76–128]. Разночтение, вероятно, можно объяснить предметом исследования: Ю. С. Безбородов рассматривает конвергенцию с международно-правовых позиций, в которой основой регулирования выступает международное

щей главе монографии внимание сосредоточено преимущественно на институциональном элементе правовой конвергенции, а роль ее договорной формы раскрыта в общих чертах, поскольку, как поясняется, «... нет смысла рассматривать отдельно международный договор как форму конвергенции, потому что большинство международных договоров направлены на сближение правовых систем ... гармонизирующий эффект которых вообще не требует доказательств» (с. 134). В этой связи особое значение отведено попыткам формирования интеграционных образований, в том числе условиям становления и функционирования наиболее успешных из них. Обращению к ним предшествует формулирование признаков международно-правовой интеграции в узком смысле (с. 139).

Тщательное рассмотрение азиатского, европейского, африканского и американского опыта построения интеграционных объединений позволило Ю.С. Безбородову выявить их уникальность, а также признаки метаинтеграции и параллельной интеграции. Зачастую в международных наднациональных организациях за основу взята европейская модель интеграции как наиболее успешная. Количество материала, положенного в основу этого раздела работы, подтверждает достоверность сформулированных в нем положений. В то же время автором не рассмотрены причины, обусловившие различия между упомянутыми организационными формами правовой конвергенции, и не сформулированы предложения, которые могли бы содействовать региональной правовой конвергенции в том случае, если имеются те или иные препятствия для этого.

5. Интеграция на постсоветском пространстве

Завершается монография последовательной характеристикой особенностей институциональных форм интеграции на постсоветском пространстве. Проведенный в ней анализ показал, что попытки государств региона создать крупное экономическое объединение, инициированные главным образом Российской Федерацией, свидетельствуют о форсированном осуществлении идей и бесплодности их претво-

рения в жизнь. Вместе с тем они отражают и арсенал международно-правовых методов сближения, и проблемы евразийской интеграции.

Отметим авторскую хронологию конвергенции постсоветского пространства: а) доинтеграционный этап с созданием СНГ и применением гармонизации, унификации, модельного нормотворчества (1991–1995 гг.); б) складывание интеграционного ядра с поиском форм взаимодействия, обращением к унификации и попытками интеграции (1995–2009 гг.); в) период формирования наднациональных структур углубления конвергенции за счет метода интеграции (с 2010 г.) (с. 220–221).

Несмотря на текущие трудности и неопределенное будущее, разносторонняя и разноуровневая интеграция Евразийского экономического союза признана наиболее приемлемой на данный момент (с. 229), является предметом сравнительного исследования с наиболее успешными моделями интеграции [Entin, Voynikov 2019:155–168; Региональные аспекты интеграции... 2019; Post-Soviet Constitutions... 2018]. Данная модель интеграции охарактеризована как построенная преимущественно на экономической регионализации [Obydenkova, Libman 2019:179–218].

6. Заключение

Исследование имеет широкий «фокус» – предмет изучения составляют политико-правовые явления в целом и общий механизм их взаимосвязи. Поэтому в завершение монографии была бы уместной не только характеристика текущего состояния правовой конвергенции в мире, но и формулирование прогнозов об эффективности дальнейшего сближения национальных правовых систем и обоснованности опасений в возникновении обратных процессов. Исключение составляет постсоветское пространство, о перспективах правовой конвергенции которого высказан ряд интересных идей.

Несмотря на приведенные замечания, они не умаляют важности поднятых вопросов и результатов их решения. Предложено ввести в оборот международно-правовой доктрины термин *правовая конвергенция*. Это может указывать на наличие потребности в объяснении процессов, происходящих в правовых системах стран и

право, тогда как А. А. Рубановым взаимосвязь правовых систем государств изучена на примере действия иностранного права в пределах национальной юрисдикции.»

между ними под воздействием международного права, руководствуясь иными категориями, более широкими по своему охвату и более сложными по содержанию. Это побуждает обратиться не только к специфике, но и к механизму конвергенции, этапам его развития, перспективам. Поскольку процесс правовой конвергенции берет начало на международном уровне, неизбежно сопоставление его со смежными явлениями, которые по-своему влияют на национальные правовые системы и могут иметь неправовую природу. Рассмотрение их взаимодействия, исходя из правовых подходов и концепций, – одна из наиболее значимых и отличительных черт рецензируемой работы.

Интернационализация и глобализация общественных отношений сказывается на законодательстве и правоприменительной деятельности государств, заинтересованных в укреплении и развитии международного сотрудничества. Данный процесс не совершенен, его участники используют методы и формы правовой конвергенции для достижения своих целей. По сути, правовая конвергенция – отголосок национально-правовой имплементации

международного права, с той лишь разницей, что первое характеризует общее состояние и итог реализации государствами принятых международных обязательств, тогда как второе – текущую задачу органов власти, организаций и индивидов. По этой причине настоящее исследование актуально и в практической деятельности.

В целом монографию отличает обилие фактологического материала, разнообразие источников (правовых, исторических, философских и др.). Вне сомнения, заслугой автора является ясность и доходчивость при изложении непростых и неоднозначных вопросов. Полагаем, работа может быть использована в учебном процессе, представлять интерес для практикующих специалистов.

В заглавие труда Ю.С. Безбородов вынес слова известного государственного деятеля революционной Франции О. де Мирабо о том, что однажды международное право будет править миром. Хочется надеяться, что приведенные в книге выводы и предложения будут способствовать прояснению понятия конвергенции в праве и претворению в жизнь этой благородной идеи.

Список литературы

1. Гаврилов В.В., Даньшов В.Э. 2019. Содержание категории «наднациональность» в современной международноправовой доктрине. – *Московский журнал международного права*. № 3. С. 6–13. DOI: 10.24833/0869-0049-2019-3-6-13.
2. Дмитриева Г.К. 2014. Унификация или гармонизация права: новые формы. – *Унификация международного частного права в современном мире*: сб. статей. Отв. ред. И.О. Хлестова. М.: Инфра-М, Институт зак-ва и сравнит. правовед. при Правительстве РФ. С. 14–25. DOI: 10.12737/1215.
3. Игнатенко Г.В. 1981. Универсальность и эффективность международного права как взаимодействующие категории. – *Вопросы универсальности и эффективности международного права*: межвуз. сб. науч. тр. Отв. ред. Г.В. Игнатенко. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та. С. 3–16.
4. *Региональные аспекты интеграции: Европейский союз и Евразийское пространство = Regional aspects of integration: European Union and Eurasian space*. 2019. Отв. ред. П.Ш. Давлетгильдеев. М.: Статут. 239 с.
5. Рубанов А.А. 1984. *Теоретические основы международного взаимодействия национальных правовых систем*. М.: Наука. 159 с.
6. *Современное международное право: глобализация и интеграция. LIBER AMICORUM в честь профессора П.Н. Бирюкова*. – Сб. науч. ст. Отв. ред. А.Я. Капустин. 2016. Воронеж: Издательский дом ВГУ. 341 с.
7. Суворова В.Я. 1973. Локальные нормы международного права. – *Правоведение*. № 6. С. 93–98.
8. Трикоз Е.Н., Швец А.А. 2019. Соотношение кодификации права со смежными юридическими феноменами. – *Общество и право*. № 2(68). С. 129–134.
9. Чиркин В.Е. 2017. Глобальные правовые системы, правовые семьи и их классификация. – *Право. Журнал Высшей школы экономики*. № 4. С. 18–30. DOI: 10.17323/2072-8166.2017.4.18.30.
10. Alvares J.E. 2012. State Sovereignty is Not Withering Away: A Few Lessons for the Future. – *Realizing Utopia: The Future of International Law*. Ed. by Antonio Cassese. Croydon: Oxford University Press. P. 26–37. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199691661.003.0003.
11. Entin M., Voynikov V. 2019. Institutional and Legal Development of EAEU and EU in Comparative Perspective. – *Russian Law Journal*. Vol. 7. Issue 3. P. 155–168. DOI: <https://doi.org/10.17589/2309-8678-2019-7-3-155-168>
12. Khabrieva T.Y. 2015. The legal system of the Russian federation amid international integration. – *Herald of the Russian Academy of Sciences*. Vol. 85. No. 2. P. 93–99. DOI: 10.1134/s1019331615020033.
13. Obydenkova A.V., Libman A. 2019. *Authoritarian Regionalism in the World of International Organizations*. New York: Oxford University Press. 336 p. DOI: 10.1093/oso/9780198839040.001.0001.
14. *Post-Soviet Constitutions and Challenges of Regional Integration: Adapting to European and Eurasian integration projects*. 2018. Ed. by R. Petrov and P. van Elsuwege. Abingdon: Routledge, 246 p. DOI: 10.4324/9781315656847.
15. Tolstykh V., Bezborodov Y., Lazutin L., Kozheurov Y. 2018. Interactions of legal systems: modern international legal discourses. – *Herald of The Euro-Asian Law Congress*. Issue 1. P. 109–121. DOI: 10.34076/2619-0672-2018-1-109-121.
16. Verdirame G. 2019. Sovereignty. – *Concepts for International*

- al Law: Contributions to Disciplinary Thought*. Ed. by Jean d'Aspremont and Sahib Singh. Cheltenham, UK & Northampton, MA, USA: Edward Elgar Publishing. P. 827–837. DOI: 10.4337/9781783474684.
17. Young M.A. 2015. Fragmentation, regime interaction and sovereignty. – *Sovereignty, Statehood and State Responsibility: Essays in Honour of James Crawford*. Ed. by Christine Chinkin and Freya Baetens. Cambridge: Cambridge University Press. P. 71–89. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9781107360075.008>.
- ### References
1. Alvares J.E. State Sovereignty is Not Withering Away : A Few Lessons for the Future. – *Realizing Utopia : The Future of International Law*. Ed. by Antonio Cassese. Croydon: Oxford University Press. 2012. P. 26–37. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199691661.003.0003
 2. Chirkin V.E. *Global'nye pravovye sistemy, pravovye sem'i i ikh klassifikatsiya* [Global Legal Systems, Legal Families and their Classification]. – *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*. 2017. No. 4. P. 18–30. DOI: 10.17323/2072-8166.2017.4.18.30 (in Russ.)
 3. Dmitrieva G.K. Unifikatsiya ili garmonizatsiya prava: novye formy [Unification or Harmonisation of Law: New Forms]. – *Unifikatsiya mezhdunarodnogo chastnogo prava v sovremennoy mire: sb. statei*. Otv. red. I.O. Khlestova. [Unification of International Private Law in Modern World: Essays. Ed. by I.O. Khlestova]. M.: Infra-M, Institut zak-va i sravnit. pravoved. pri Pravitel'stve RF Publ. 2014. P. 14–25. DOI: 10.12737/1215 (in Russ.)
 4. Entin M., Voynikov V. Institutional and Legal Development of EAEU and EU in Comparative Perspective. – *Russian Law Journal*. 2019. Vol. 7. Issue 3. P. 155–168. DOI: <https://doi.org/10.17589/2309-8678-2019-7-3-155-168>
 5. Gavrilov V.V., Dan'shov V.E. Soderzhanie kategorii «nadsotsional'nost'» v sovremennoi mezhdunarodno-pravovoi doctrine. [The Content of the Category “Supranationalism” in the Contemporary International Legal Doctrine] – *Moscow Journal of International Law*. 2019. No. 3. P. 6–13. DOI: 10.24833/0869-0049-2019-3-6-13 (in Russ.)
 6. Ignatenko G.V. Universal'nost' i effektivnost' mezhdunarodnogo prava kak vzaimodeistviyushchie kategorii [Universality and Effectiveness of International Law as Two Interacting Categories]. – *Voprosy universal'nosti i effektivnosti mezhdunarodnogo prava: mezhvuz. sb. nauch. tr.* Otv. red. G.V. Ignatenko [Issues of Verastility and Effectiveness of International Law: Essays. Ed. by G.V. Ignatenko]. Sverdlovsk : Izd-vo Ural. un-ta Publ. 1981. P. 3–16. (in Russ.)
 7. Khabrieva T.Y. The legal system of the Russian federation amid international integration. – *Herald of the Russian Academy of Sciences*. 2015. Vol. 85. No. 2. P. 93–99. DOI: 10.1134/s1019331615020033
 8. Obydenkova A.V., Libman A. *Authoritarian Regionalism in the World of International Organizations*. New York: Oxford University Press. 2019. 336 p. DOI: 10.1093/oso/9780198839040.001.0001
 9. *Post-Soviet Constitutions and Challenges of Regional Integration: Adapting to European and Eurasian integration projects*. Ed. by Roman Petrov and Peter Van Elsuwege. Abingdon: Routledge. 2018. 246 p. DOI: 10.4324/9781315656847
 10. *Regional'nye aspekty integratsii: Evropeiskii soyuz i Evraziiskoe prostranstvo=Regional aspects of integration: European Union and Eurasian space*. Ed. by R.Sh. Davletgil'deev. M.: Statut Publ. 2019. 239 p. (in Russ.)
 11. Rubanov A.A. *Teoreticheskie osnovy mezhdunarodnogo vzaimodeistviya natsional'nykh pravovykh sistem* [Theoretical Basics of International Interaction of National Legal Systems]. M.: Nauka Publ. 1984. 159 p. (in Russ.)
 12. *Sovremennoe mezhdunarodnoe pravo: globalizatsiya i integratsiya. LIBER AMICORUM v chest' professora P.N. Biryukova*: sb. nauch. st. Otv. red. A.Ya. Kapustin [Modern International Law: Globalisation and Integration. LIBER AMICORUM in Honor of Professor Biryukov P.N.: Essays. Ed. by Kapustin A.Ya.] Voronezh: Izdatel'skii dom VGU Publ. 2016. 341 p. (in Russ.)
 13. Suvorova V.Ya. Lokal'nye normy mezhdunarodnogo prava [Local Rules of International Law]. – *Pravovedenie*. 1973. No. 6. P. 93–98. (in Russ.)
 14. Tolstykh V., Bezborodov Y., Lazutin L., Kozheurov Y. Interactions of legal systems: modern international legal discourses. – *Herald of The Euro-Asian Law Congress*. 2018. Issue 1. P. 109–121. DOI: 10.34076/2619-0672-2018-1-109-121
 15. Trikoz E.N., Shvets A.A. 2019. Sootnoshenie kodifikatsii prava so smezhnymi yuridicheskimi fenomenami [The Ration of the Codification of Law with Related Legal Phenomena]. – *Obshchestvo i pravo*. 2019. No. 2(68). P. 129–134. (in Russ.)
 16. Verdirame G. Sovereignty. – *Concepts for International Law: Contributions to Disciplinary Thought*. Ed. by Jean d'Aspremont and Sahib Singh. Cheltenham, UK & Northampton, MA, USA: Edward Elgar Publishing. 2019. P. 827–837. DOI: 10.4337/9781783474684
 17. Young M.A. Fragmentation, regime interaction and sovereignty. – *Sovereignty, Statehood and State Responsibility: Essays in Honour of James Crawford*. Ed. by Christine Chinkin and Freya Baetens. Cambridge: Cambridge University Press. 2015. P. 71–89. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9781107360075.008>

Информация об авторе

Рустам Мартикович Халафян,

кандидат юридических наук, доцент кафедры международного и европейского права Уральского государственного юридического университета

620034, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Колмогорова, 54

rustam_halafyan@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7072-2234

About the Author

Rustam M. Khalafyan,

Cand Sci. (Law), Associate Professor of International and European Law Department, Ural State Law University

Kolmogorova st., 54, Yekaterinburg, 620034, Russian Federation

rustam_halafyan@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7072-2234